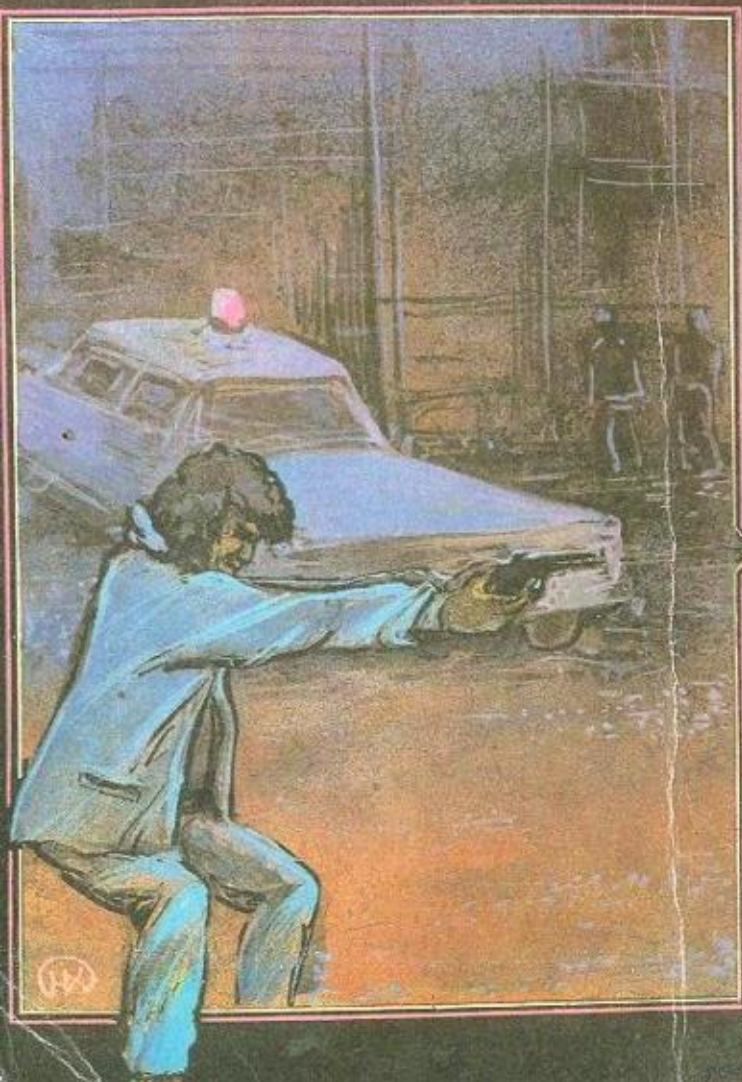
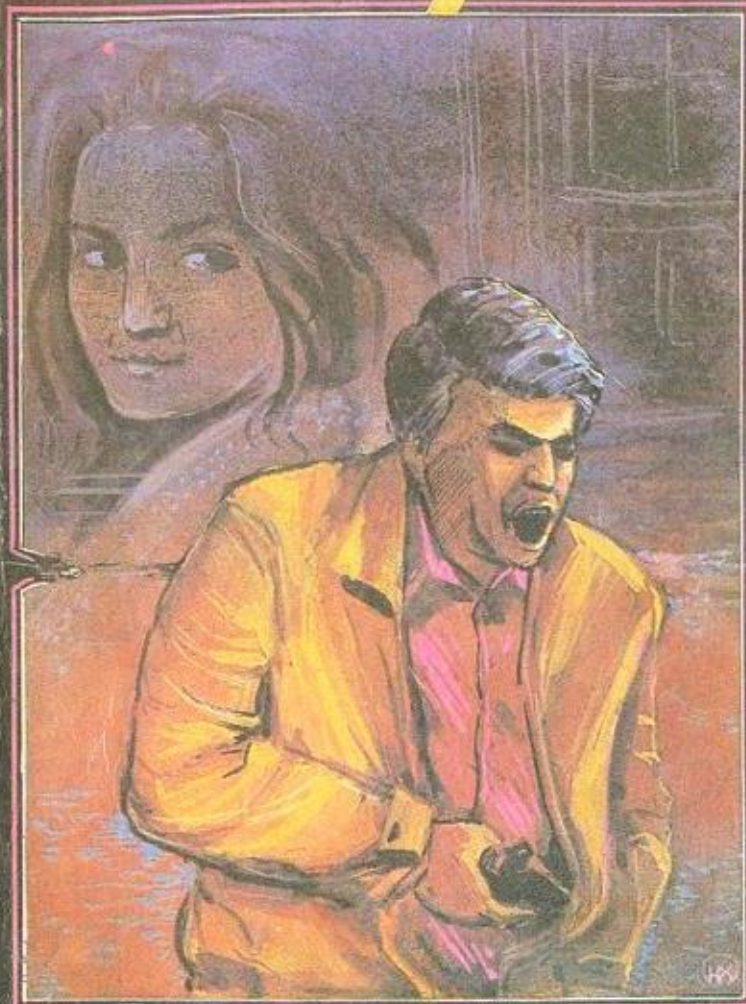

La Piovra

СПРУТ

MARKO HEZE

МАРКО НЕЗЕ

СПРУТ

РОМАН

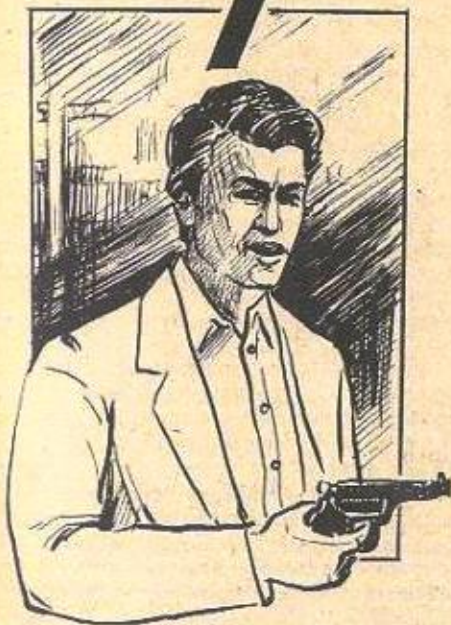
По сценарию ЭННИО ДЕ КОНЧИНИ

Перевод с итальянского
Г. БОГЕМСКОГО

DIZIONE ALPNDG-201-1

Нукус
Издательство «Билим»

СПРУТ

Незе Марко

Спрут/Пер. с. ит.— Нукус: «Билим», 1992, 320 стр.

Советские телезрители с интересом восприняли фильм «Спрут», рассказывающий о засилье преступности, насаждаемой и управляемой воротиллами бизнеса, об отчаянных попытках честных людей защитить правосудие. Марко Незе по мотивам сценария этой многосерийной ленты написал роман в двух частях, который и предлагается вниманию читателей.

Н 4703010100—158
М 361(06)—92 Доп.—92

© Перевод на русский язык.
Издательство «Молодая гвардия»,
1989 г.

ISBN 5—7698—0292—8

© Издательство «Билим», 1992 г.

89993

КТО УБИЛ КОМИССАРА?

По окраинным улочкам Трапани на бешеной скорости с включенными сиренами неслись две полицейские «альфеты». Выскочив на берег моря, затормозили посреди широкой поляны.

Слепящий свет фар выхватил из темноты длинный силуэт стоящей машины — «фиата-регаты». Вокруг автомобиля с осторожностью кружили полицейские с автоматами наготове. В тишине жаркой июльской ночи сухая трава громко шуршала под ногами.

— Не прикасаться к машине! — прогремел голос рослого массивного мужчины, единственного здесь в штатском.

От группы полицейских отделился невысокий толстяк с чемоданчиком в руке, специалист из экспертно-криминалистического отдела. Он направил луч карманного фонарика внутрь автомобиля, и лицо его передернулось, словно от удара током.

— Боже мой, — еле слышно пробормотал он, — они убили начальника оперативного отдела.

По кучке сгрудившихся вокруг машины пробежала смутный ропот: «Мерзавцы... сволочи...»

Мужчина в штатском хранил бесстрастное спокойствие. Подойдя к эксперту, он сказал ему, что надо поработать как можно тщательнее, и отошел на край поляны.

Тьму прорезали фонари новых машин с полицейскими. Прибыл и большой автофургон с надписью на боку «Сици-ТВ». Из него поспешно выгрузилась съемочная группа телевизионщиков во главе со стройным, элегантно одетым господином — Нанни Сантамарией.

Телеоператоры приблизились к «регате», начали ошупывать ее сверху донизу лучами своих переносных

юпитеров и вот задержались на труп комиссара Маринео — убитый сидит за рулем, голова откинута, рот открыт, руки свисают на сиденье.

Мужчина в штатском пошел назад к своей машине. Сантамария сразу же его узнал и ткнул под нос ему свой микрофон.

— Доктор * Альтеро, вы — заместитель начальника оперативного отдела. Есть ли у вас сведения, что комиссару Маринео кто-то угрожал?

Альтеро метнул разъяренный взгляд на журналиста и швырнул окурки.

— Сантамария, — прохрипел он в ответ, — неужели вы не могли выбрать другого времени?

И, отведя в сторону эксперта, спросил:

— Нашли что-нибудь интересное?

— Очень странно, — пробормотал эксперт, скребя затылок. — Нет ни следов пуль, ни гильз. Нет даже следов крови на сиденье. Вероятно, эти негодяи выполняли свою работу где-то не здесь.

— А потом привезли тело сюда и устроили всю эту инсценировку, — закончил Альтеро убежденным тоном. — Да, наверно, именно так.

Вокруг сустились телеоператоры, прорезая ночную тьму своими лампами. Свет их слепил полицейских, то укорачивая, то удлиняя их гигантские тени, плясавшие в темноте, словно какие-то сюрреалистические призраки.

— Черт бы их побрал, — сквозь зубы процедил с горечью Альтеро, — рано или поздно вы вот так найдете и меня.

Толстячок из экспертного отдела неуверенно возразил:

— Ну что вы говорите, доктор.

— Да, когда живешь, окруженный неуловимыми теньями, не замечаешь опасности. Бредешь вслепую, пока не сверзишься в пропасть и не разобьешься.

— Вы полагаете, доктор Маринео угодил в ловушку?

Альтеро вперил взгляд куда-то далеко в темноту и промолчал. Полицейский продолжал строить предположения:

* Принятое в Италии обращение к лицам с высшим образованием.

— Может быть, кто-нибудь из его информаторов, казавшийся вполне надежным, завлек его в уединенное место. И он не сообразил, что это ловушка.

Альтеро словно не слышал его слов.

— Бедняга Маринео, — сказал он со вздохом. — Как раз когда он уже собирался покинуть Трапани. Его перевели в Салерно, его родной город. Жена и дети так радовались...

Полицейский фотограф непрерывно включал свой аппарат. При каждой вспышке можно было разглядеть, что поначалу немногочисленная толпа любопытных все прибывала.

— Заканчивайте вашу работу, — сказал Альтеро и сел в свою машину.

Ночь незаметно подошла к концу. Вдали, за черной грядой холмов, уже занималась заря.

* * *

Солнце уже вставало и над Северной Италией, когда в одной из миланских квартир, в районе площади Суза, настойчиво зазвонил телефон. Корrado Каттани всегда поднимался рано и сейчас стоял с намыленной физиономией перед зеркалом. Во рту он еще ощущал аромат и вкус первой утренней чашечки кофе. За день, прежде чем улечься спать, он выпьет их еще по крайней мере добрый десяток, потому что работа в комиссариате полиции требует, чтобы голова была постоянно свежей и ясной. Кофе придавал бодрость в те минуты, когда чувствуешь себя вялым.

Полицейский комиссар был лет сорока, хорошо сложенный, темноволосый, с суровым лицом и всегда с настороженным выражением черных, как уголь, глаз. Каттани снял трубку и услышал о неприятном событии. Он выслушал доклад со всеми мельчайшими подробностями, и ни одна жилка не дрогнула на его лице. Разговор он закончил односложным сухим «Хорошо».

Проходя мимо зеркала в коридоре, он увидел, что мыльная пена у него на лице засохла густым белым слоем. Лицо казалось маской, в которой было что-то гротесковое. Продолжая разглядывать свое изображение, комиссар пошарил в пачке, извлек сигарету и сунул ее в рот.

Жена его уже встала. Он услышал, как она открывает дверь спальни. Когда-то он очень любил жену.

Теперь даже не повернул головы в ее сторону. Она стояла перед ним, тихо и наивно наматывая на палец длинные светлые волосы. Она, красотка Эльза, французская жена, познакомилась с ним пятнадцать лет назад во время поездки в Италию.

— Что произошло? — спросила она с беспокойством.

Он не любил пускаться в объяснения. Особенно если речь шла о работе. Но на сей раз дело касалось также и жены. Все равно придется каким-то образом сообщить ей неприятное известие, так лучше сразу.

— Все наши планы летят кувырком, — сказал он. — Мы не сможем не свеша отправиться на будущей неделе. Мне надо выехать в Трапани сегодня же — убили начальника оперативного отдела, которого я должен сменить. Неплохо они там придумали отметить мое назначение.

Жена не могла скрыть огорчения.

— Это ужасно, Корrado. Но меня обрадовало твое назначение на Сицилию. Я думала, это поможет нам заново начать жизнь, хоть чуточку вновь нас сблизит...

— Нам надо обоим выпить хорошего кофею, — ответил он, устало высвобождаясь из ее объятий. Потом, подавшись приливу нежности, погладил ее по щеке: — Ну, конечно же, мы начнем все заново, как начинали с тобой когда-то.

Она нежно, растроганно посмотрела ему прямо в глаза.

— Пойду уложу твой чемодан.

В эту минуту на пороге показалась их дочь — двенадцатилетняя Паола. Она была босиком и терла спясоны глаза.

— Ах, бедненькая, мы тебя разбудили, — бросилась к ней мать.

— Я услышала ваши голоса и испугалась, — сказала девочка.

— Это почему же?

— Я думала, вы опять ссоритесь.

— Нет, нет, — попыталась улыбнуться мать, — сегодня мы вовсе не собираемся ссориться.

Они объяснили ей, что отец должен срочно уехать, а она с матерью придут к нему через несколько дней, как только соберутся, уложат и отправят багаж. Но девочка никак не могла оправиться от испуга.

— Папа, но ведь ты не бросишь нас одних навсегда?

Отец погладил ее по голове.
— Тебе очень понравится Сицилия.

* * *

Ему самому Сицилия, сказать по правде, никогда не нравилась. У всех тут слишком мрачные, настороженные лица. И слишком много поклонов, слащавого почтения. Ему рассказывали, или он где-то прочел, сейчас он в точности не помнил, одну историю, которая, на его взгляд, точно отражала социальные отношения, регулирующие жизнь человеческого улья на этом острове.

Речь шла о древнем аристократическом роде из Палермо — неких Паламитоне. Каждый Новый год их крестьяне собирались на огромном дворе старинного палаццо, чтобы поздравить «хозяев». На балконе с непроницаемым лицом появлялся ныне уже покойный старик маркиз. И в то же время как из толпы неслись приветственные клики и пожелания, он в ответ расстегивал штаны и мочился на головы этих несчастных бедняков.

У комиссара Каттани когда-то этот рассказ вызвал глубочайшее возмущение.

Теперь, вновь попав на Сицилию уже в качестве чиновника полиции, он всеми силами старался избавиться от всякой предубежденности. Быть может, он даже начал поддаваться очарованию этого острова.

В аэропорту Палермо его ждала полицейская машина. Водителя он давно знал — это был молодой расторопный парень по имени Лео Де Мария, который сам вызвался его встретить.

Каттани был очень рад его вновь увидеть. Он помнил Де Марию как одного из самых лучших курсантов полицейского училища.

— Счастлив работать с вами, — сказал Де Мария, распахивая перед ним двери автомобиля.

Они выбрались на дорогу на Трапани. Близился час заката, машина мчалась среди апельсинных, лимонных и оливковых рощ, обгоняя запряженных в повозки осликов. Комиссар полной грудью вдыхал пьянящий ароматный воздух. И думал о судьбе этого райского края, слава о котором идет по всему миру, но — увы! — не благодаря его природным красотам. Сицилия стала символом, именем нарицательным из-за орудующей там злобейшей, кровавой организации. Спрута, тянущего во все стороны свои страшные щупальца.

Каттани предложил полицейскому сигарету.

— Ну как идет жизнь, парень?

— Вся жизнь в работе, дорогой комиссар. Днем и ночью. Война продолжается.

— Да, настоящая война... А за что ухлопали Маринео?

Полицейский пожал плечами, словно выражая покорность судьбе.

— Загадка. Вчера я нес ночное дежурство в автопатруле в районе порта. Около одиннадцати вечера там началась ужасная поножовщина. Я пытался связаться по телефону с доктором Маринео. В кабинете его не было, дома тоже. Тогда я стал звонить его помощнику Альтеро. Никакого ответа. Не удалось разыскать и его.

Каттани уже взял расследование в свои руки. Голова у него работала быстро. Точными вопросами он старался воссоздать общую картину.

— В котором часу Маринео ушел из полицейского управления?

— Я его не видел, но обычно он уходил около половины девятого. Альтеро же задержался допоздна. В десять он наверняка был у себя, я еще не уехал на патрулирование и снял трубку, когда ему позвонили. Женский голос. Я переключил телефон на его кабинет.

— И что потом?

— Как только он закончил разговор, сразу же уехал.

— Ты знаешь, что за женщина ему звонила? — спросил Каттани.

— Нет, понятия не имею.

— Ты, наверно, заодно с любовницей Альтеро, — пошутил комиссар.

— Вы меня за сводника принимаете?

Каттани некоторое время сидел молча, устремив взгляд на мелькавшие за окном темные силуэты деревьев. Нервы у него были натянуты как струна. Как всегда, когда он по-настоящему погружался в расследование какого-нибудь запутанного дела.

— Послушай-ка, — он вновь обратился к подчиненному, не отрывая взгляда от деревьев, — а ты не заметил что-нибудь особенное в голосе этой женщины?

— Ну, пожалуй, он показался мне обеспокоенным... Теперь, когда вспоминаю, я сказал бы — чуточку дрожащим. Вы считаете, что между телефонным звонком и убийством имеется какая-то связь?

Комиссар резко повернулся к Де Марии, словно удивленный его вопросом. Однако решил не развивать эту тему и попросил водителя продолжать рассказ о том, что произошло той ночью.

Де Мария наморщил лоб, чтобы лучше вспомнить. В час тридцать ночи я возвратился в управление. Хотел проверить одну карточку в картотеке. Альтеро еще сидел за своим столом. Курил сигарету, и вид у него был расстроенный. Я попробовал заговорить с ним, но он не отвечал. Черт возьми, подумал я, наверно, тут какие-то серьезные неприятности. Около двух зазвонил телефон. Человек, не назвавший себя, сообщил, что внутри машины модели «регата» он видел труп. Мы выскочили и помчались как сумасшедшие. Несколько минут спустя мы узнали в убитом своего начальника.

Каттани, по-прежнему погруженный в свои мысли, в ответ только хмыкнул.

— А сам ты, — попытался он прощупать своего собеседника, — что думаешь по этому поводу?

— Не знаю, что и сказать. Странное преступление, немотивированное, или, во всяком случае, мы еще не можем найти ему какого-то правдоподобного объяснения. Знаем только, что комиссара застрелили не в машине. Потому что ни на кузове, ни на сиденьях нет следов от пуль.

— А гильзы?

Полицейский отрицательно покачал головой.

— Пока нигде не нашли.

Каттани задумчиво кивнул.

— Значит, нет ни гильз, ни пуль, наверно, нет и следов крови, — подытожил он.

— Именно так. Не было ни капли крови ни на земле, ни даже на сиденье. Доктор Альтеро написал первое донесение. Он высказывает предположение, что имелся некий осведомитель, которого использовали, чтобы заманить доктора Маринео в пустынное место.

— Осведомитель, — произнес Каттани тоном, полным сарказма и жалости к тому, кому могло прийти это в голову. — Да разве кто поверит такой чепухе?

Сидящий по другую сторону письменного стола

кругленький, с бесцветными глазками, пожилой мужчина беспокойно заерзал в кресле и надулся, как кот перед собакой.

— Молодой человек! Мне о вас рассказывали как о человеке, привыкшем рассчитывать на собственные силы. Но я не ожидал от вас такого самомнения. Вы меня извините, но, едва сюда приехав, откуда вы можете знать, что правильно, а что нет?

— Но, господин прокурор Сардона, — терпеливо сказал комиссар, — подумайте сами. Неужели вам кажется, что такой опытный человек, как доктор Маринео, мог дать обвести себя вокруг пальца осведомителем?

Прокурор отодвинул кипу бумаг и развел руками.

— Что поделаешь? И умные люди ошибаются.

— Конечно, конечно, — согласился Каттани, — но в нашем случае я не вижу и следа логики, никакой заботы о своей безопасности. Когда полицейский отправляется в безлюдное место, он принимает меры предосторожности. Предупреждает надежного человека, чтобы его подстраховал.

— Слова, дорогой, одни слова. Нам же нужны факты. А факты мне кажутся вполне ясными. Маринео уже не раз угрожали. За угрозами последовали действия, и первоклассный полицейский заплатил жизнью за свою преданность делу.

— Вы полагаете, это преступление совершила мафия?

— Мафия, мафия... Вы приехали с Севера и первым делом начинаете болтать о мафии. Мы здесь с вами не в Палермо. Не давайте сбить себя с толку предвзятыми мнениями. Не спешите с обобщениями и выводами. Занимайтесь только тем, что вам положено — находить убийц и передавать их в руки правосудия.

— Приложу все усилия, — заверил Каттани. — Разрешите, господин прокурор, задать вам лишь один вопрос: что такое, по-вашему, мафия?

Сардона сжал губы и процедил:

— Если вы, дорогой мой, имсете в виду убийство Аугусто Маринео, то тут дело идет всего лишь о пистолете.

Уже с порога, бросив последний взгляд на прокурора, Каттани увидел, как тот обхватил голову руками.

Вернувшись в полицейское управление, комиссар принялся просматривать архив. Он начал с донесений, составленных Маринео. Кражи, контрабанда, драки, убийство старушки с целью ограбления. Одно за другим проглядывал Каттани уголовные дела и клал папки обратно на полки. Пока его внимание не привлекло одно имя: Санте Чирини.

Маринео описывал этого тридцативосьмилетнего мужчину как торговца наркотиками, «опасного человека, склонного к насилию, жестокого и не брезгующего никакими средствами». Указывалось, что он является владельцем трех роскошных автомобильных салонов, бара в районе порта и что он обязан своим богатством «услугам, им оказанным лицам, стоящим на верхних ступенях социальной лестницы».

В самом деле, любопытно. Каттани еще полистал папки и обнаружил несколько обвинений, предъявленных Чирини. Принадлежность к организации, созданной в преступных целях, и торговля наркотиками. Однако обвиняемого не побеспокоили даже вызовом в суд: с него сняли обвинения уже в ходе следствия — за недостатком улик.

— Привет, комиссар, не думал найти вас здесь!

В комнату архива вошел заместитель начальника оперотдела Альтеро. В руках у него было несколько папок, которые он собирался поставить на место. С Каттани он старался держаться любезно, желая понравиться новому шефу. Чтобы сломать лед, он извлек из кармана пачку сигарет и предложил закурить. Но был несколько ошарашен, услышав в ответ:

— Нет, спасибо, я только что курил.

Сделав вид, что не обратил на это внимания, Альтеро спросил, нашел ли комиссар то, что искал, и не нужна ли его помощь.

— Да, — ответил холодно и несколько загадочно Каттани, — я кое-что нашел.

Постучав пальцами по папкам, он сказал, что обнаружил в них одно имя, которое, как ему подсказывает чутье, заслуживает внимания:

— Сан-те Чирини.

Он произнес его по слогам и незаметно взглянул на Альтеро, чтобы увидеть его реакцию. Но Альтеро никак не реагировал и только спросил, чем же этот человек

мог заинтересовать комиссара. Каттани спокойно ответил: насторожило то, что оба расследования по делу Чирини вел лично Маринео, а также решительно отрицательная характеристика, данная ему начальником оперотдела.

На губах Альтеро появилась двусмысленная улыбка. Что она означала: что у Каттани тонкое чутье или же что он наивный простака? Судя по последующим словам, второе предположение было вернее.

— Оба эти расследования, дорогой Каттани, начались из-за женщин. Дело шло о клеветнических слухах, которые распространяли обманутые мужья, желавшие любым способом отомстить тому, кто наставил им рога. Ибо Чирини всего лишь известный бабник.

Каттани явно не понравился этот тон.

— Предоставьте мне разобраться в этом самому, — резко прервал он своего заместителя.

— Разумеется, ради бога, я только хочу вам сказать, что с Чирини вы напрасно теряете время.

Что за тип этот Альтеро? Коллега, которому можно доверять, или человек, с которым следует всегда быть настороже? Каттани на собственном опыте начал постигать: несмотря на яркое солнце, сицилийские туманы рассеять куда труднее, чем знаменитые миланские. Он прикрыл глаза и глубоко вздохнул. И в душе дал себе обещание делать каждый шаг осмотрительно, никому не доверяя.

* * *

Он весь измок от пота. Жара была невыносимая.

— Останови у этого киоска, выпьем пива, — сказал он сидевшему за рулем Де Марини. Обтерев пальцем горлышко, он поднес к губам бутылку и почувствовал, как внутри по телу разливается прохладная, освежающая волна.

— Спасает от смерти! — выдохнул он с облегчением. Он стоял на главной улице, дома на которой — древние и несколько претенциозные — показались ему обшталыми. Особенно по сравнению с некоторыми новыми, выставившими напоказ свою роскошь, магазинами с огромными витринами.

Мимо ковыляли согорбленные, ссохшиеся старички, словно прожитые годы их иссушили и сделали ниже ростом. Молодые парни шеголяли прическами под панков и одеждой, подражающей столичным модам.

Обезьяничанье, которое часто принимает в провинции вульгарные и даже чуть трогательные формы.

Каттани поправил темные очки.

— Что ты можешь рассказать мне о Санте Чиринна? — спросил он Де Марию.

Полицейский оторвался от почти уже пустой пивной бутылки.

— Порядочная сволочь, — ответил он.

— Им занимался Маринео...

— Да, но сел в лужу. И Чиринна этим хвастался. В последнее время он дошел до того, что в глаза насмехался над доктором Маринео. Комиссар, говорил он, под меня вы не подкопаетесь. Я чист как стеклышко. Но вот любопытная вещь: казалось бы, этот Чиринна должен был ненавидеть Маринео, а вчера я видел его на похоронах комиссара.

— Да, конечно, — задумчиво произнес Каттани, — будто он хотел всем показать, что уважал покойного и скорбит о нем. Хитер мерзавец. Интересно, в каких-то отношениях с высшими кругами города.

Де Мария прислонился спиной к машине.

— Они его словно не видят, но частенько используют. Однако в свои гостиние не допускают, — ответил полицейский. Он говорил о Чиринна совсем другим тоном, чем Альтеро. — А он пытается туда проникнуть. Это мелкий разбогатевший мафиозо, которому не терпится выскочить наверх.

В этот момент показался мотоцикл, который вела девушка с развевающимися на ветру волосами. Она резко затормозила у бара на противоположной стороне улицы. На вид ей было лет двадцать пять. Высокая, стройная, с фигурой, как у манекенщицы. Каттани не мог отвести от нее взгляда. «Вот это красотка!» — подумал он. Хотя ему показалось, что на ее бледном личике заметны следы какого-то затаенного страдания.

— Хороша метелка, не правда ли? — подмигнул Де Мария, повернувшись в сторону девушки. — Знаете, кто это? Злые языки говорят, что она подружка Чиринна. Если это так, то мечта нашего мафиозо скоро сбудется, потому что эта девица из самой знатной семьи. Ее зовут Титти Печчи-Шалоя, она дочь герцогини Элеоноры. У нее денег куры не клюют. Набита доверху, дорогой доктор. А теперь осталась одна-одинешенька в огромном палаццо, потому что мамаша покончила самоубийством. Эти аристократы всегда немножко того...

Полицейский допил последние капли пива.

— И вот какое странное совпадение, — продолжал он, — герцогиня Элеонора пустила себе пулю в лоб в ту же самую ночь, когда убили комиссара Маринео.

— В ту же ночь? — машинально повторил Каттани, по-прежнему не отрывая взгляда от девушки, которая всем видом показывала, что кого-то ждет. Он видел, как она посмотрела на часы, пригладила волосы, потом принялась нервно прохаживаться взад-вперед.

— Вот именно, — со значением произнес Де Мария. — В ту же самую ночь.

Заметив, что внимание комиссара отвлечено другим, он снова повернулся в сторону девушки.

— Она все еще там? Насколько я понимаю, поджидает именно его — этого Чиринна. Видите, какая она бледная? Молодая герцогиня колется. Насквозь прогнила от наркотиков. Говорят, ими ее снабжает этот мафиозо, чтобы совсем поработить. Да, я угадал: вот и он!

Из боковой улочки показалась машина с Чиринна за рулем. Он вывернул на проспект и подехал к бару. Чиринна, коренастый, с черными напояженными волосами и широкой физиономией, держался вызывающе. В его тяжелом, свинцовом взгляде было что-то зловещее. Он обменялся с девушкой несколькими словами, словно о чем-то условливаясь. Потом сел в свою машину, она оседлала мотоцикл, и оба поехали в одну сторону.

Комиссар проводил их взглядом, пока они не скрылись из виду.

— Я должен поговорить с этой девушкой, — сказал он Де Марии. — Позвони ей по телефону и условься о встрече.

— Будет исполнено!

Но, кроме посещения герцогини, Каттани подумывал еще об одном визите.

— Где живут вдова и дети Маринео?

— Сразу же после похорон они уехали, — ответил Де Мария. — Отправились к родственникам в Салерно. Но рано или поздно должны вернуться за мебелью и вещами.

— Значит, квартира их сейчас пустует, — подумал вслух Каттани. — Как ты считаешь, будет очень невоспитанно, если мы сунем нос в бумаги Маринео?

— Как прикажете. Может, там и найдется что-нибудь полезное.

Подъехав к небольшому дому, где жил Маринео, в восточной части города, очутились перед запертым подъездом. После нескольких минут ожидания они увидели, как дверь тихонько приотворилась, и на пороге показалась миниатюрная старушка вся в черном.

— Бабушка, — сразу же бросился к ней с всеяющей доверие улыбкой Де Мария, — не закрывайте. Мы должны снять показания электрического счетчика.

Не садясь в лифт, они неслышными шагами поднялись на третий этаж и остановились перед блестящей лаком дверью с металлической табличкой с выгравированной на ней фамилией Маринео. Де Мария, не теряя времени, вытащил из кармана связку ключей и отмычек. Открыв замок, они вошли в квартиру.

Там царили беспорядок и запустение. В углу гостиной Каттани увидел небольшой секретер, наверно, служивший Маринео письменным столом. Он тщательно его осмотрел. Старые ненужные бумаги, пачка фотографий — по-видимому, комиссар сам снимал своих детей. Тонкая папка с квитанциями о взносах платы за телефон, электричество.

Каттани был разочарован. Он дернул последний ящик и услышал, как внутри что-то глухо шлепнулось, упав между ящиком и задней стенкой стола. Встав на колени, он вынул ящик и увидел белешую там маленькую чековую книжку. Остались только корешки оторванных чеков. Кто знает, может, и это пригодится.

Каттани опустил книжечку в карман. Таков был единственный практический результат этого посещения.

ГЕРЦОГИНЯ

Он снял квартиру в только что выстроенном доме, в которой еще пахло свежей краской и побелкой. Когда из Милана приехала с дочерью жена, квартира ей очень понравилась, и она целые дни проводила, любовно обставляя комнаты и прикидывая, как затем она заполнит цветами выходящую на море террасу.

Но когда с домашними хлопотами было покончено, она огляделась вокруг и почувствовала, как ее охватывает так хорошо знакомое отчаяние. Она с ним боролась, подавляла его, но теперь была не в силах больше

его сдерживать. Вся ее энергия и душевные силы, с которыми она принялась за устройство семейного гнездышка, истощили. Муж относился к ней как к посторонней. Уходил рано утром и возвращался домой, когда она и дочь уже спали.

Однажды она прождала его на кухне до глубокой ночи. У нее было такое чувство, словно она сидит в засаде, охотясь за ускользающей дичью. Он же, казалось, ожидал, что рано или поздно последует подобная сцена, и, войдя, не произнес ни слова.

— Коррадо, прошу тебя, скажи, что происходит?

Муж нахмурился и покачал головой.

— Ничего. Ложись спать.

— Ничего, ничего... — плачущим голосом повторила Эльзе. — Ты не глядишь мне в лицо, по нескольку недель не приходишь ко мне ночью. Я тебе совсем не нужна, ты хочешь от меня избавиться.

Он постарался быть с ней полюбозней.

— Пожалуйста, оставь меня в покое. Ведь я только-только сюда приехал, мне надо осмотреться. Работы выше головы.

Краешком глаза он смотрел, как она раздевается. Ноги у нее длинные и стройные. Ничего не скажешь, она еще хоть куда. Но какие-то мелочи его отталкивали. Теперь его раздражали ее ступни, руки, эти нагло выпиравшие тяжелые груди. «Совсем такие, как у ее мамы», — подумал он с отвращением. Однако положить руку на сердце, если бы его спросили, в чем истинная причина такого охлаждения, он вряд ли смог бы вразумительно ответить. В общем он, наверно, просто устал от нее. Мне надоело, время от времени пытался он объяснить себе, мне надоело видеть рядом каждый день одно и то же лицо. Он не мог примириться с тем, что прикован к жене на всю жизнь. Идеалом для такого человека, как я, подумал он, уже засыпая, было бы менять женщину каждый год.

* * *

Приезд Эльзе в Трапани не мог пройти незамеченным. Красивая блондинка — тем более блондинка там редкость — заставляла всех оборачиваться на улице. И ей это доставляло удовольствие. Правильно ощущать всеобщее восхищение. В сущности, ее больше всего обижало в нынешнем отношении мужа именно то,

что он не обращает на нее внимания. Ей мало было знать, что она красива; хотелось, чтобы и другие восхищались.

Она взяла привычку каждое утро отправляться вместе с дочерью на море. Ее появление на пляже неизменно вызывало всеобщее оживление. «Жена комиссара», — на уст в уста пробегал приглушенный шепот. Владелец купален приветствовал ее с низким поклоном:

— Мое почтение, синьора. Добро пожаловать!

Один служащий купален тащил ей лежак, другой спешил раскрыть пляжный зонтик.

— Вы как цветок, вокруг вас всегда кружат пчелы, — сказал ей как-то утром Нанни Сантамария, журналист с Сици-ТВ, тот самый, что в ночь убийства Маринео поспешил на место преступления.

— Вы очень любезны, — просияла Эльзе, хлопая длинными ресницами, оттенявшими ее хорошенькое личико.

Сантамария был известный донжуан, весьма церемонный, всегда прекрасно одетый.

— Почему бы вам с дочерью не оказать нам честь и не посетить нашу телестудию? — пригласил он.

— Да, мама, — загорелась Паола, — мне очень хочется.

Они поехали на студию. Сантамария лез из кожи вон, демонстрируя весь свой набор галантностей. Он немало изумил Эльзе тем, что много о ней знал. Знал, что училась она в Швейцарии, что любит рисовать, что познакомилась со своим будущим мужем в доме «одного очень важного человека».

Эльзе была удивлена, но вместе с тем и польщена. Ухаживание Сантамарии, быть может, потому, что слишком долго она страдала от небрежения, кружило ей голову. Паола в экстазе нажимала кнопки монитора и телекамер, а потом в восхищении уставилась на прислоненную к стене большую куклу. Она была в сверкающих медных доспехах и изображала паладина из войска Роланда.

Сантамария взял куклу и протянул девочке.

— Возьми этого рыцаря, считай, что это первый друг, которого ты нашла на Сицилии.

Паола сияла от восторга. Она пришла к себе куклу, и доспехи нежно зазвенели. Сантамария не скрывал удовлетворения. И, подчеркивая свою образо-

ванность и широкую культуру, прочел целую лекцию о сицилийских марионетках. Опустившись на одно колено и склонившись к Паоле, он объяснял, что марионетками управляют сверху при помощи нитей в отличие от буратино, которых двигают, наоборот, снизу.

Паола попробовала заставить паладина ходить, но ей удалось только, что он ударил мечом по своему кованому щиту.

— Это не так-то просто, — усмехнулся Сантамария, — у марионеток нет ниток, управляющих движениями ног. Чтобы заставить ходить марионетку, нужно дернуть вот так: раз-два, раз-два. Ты со временем научишься ею управлять.

* * *

Главное, чего хотел избежать Каттани, — это послушно следовать стратегии какого-то неведомого ему режиссера. «Я не желаю, чтобы мной управляли, как сицилийской марионеткой», — подумал он. Именно поэтому он отправился в Рим. Комиссар поехал, чтобы представить доклад и заручиться поддержкой. Если уж и замахнулся на сильных мира сего, думал он, то должен иметь прочный тыл.

— Рад, очень рад видеть тебя, дорогой Каттани. Человек, встретивший комиссара в своей римской квартире, улыбался, как кот. Он усадил его в большой, устланный коврами гостиной. Изящной рукой взял серебряную шкатулку, полную сигар, и предложил комиссару закурить.

— Ну, рассказывай, как живешь, как ладишь с красоткой Эльзе?

Каттани повертел в пальцах сигару.

— Хорошо или плохо, но мы вместе уже больше двенадцати лет.

— В некотором смысле я чувствую себя хранителем вашего семейного очага. Ведь вы познакомились у меня в доме, и я был шафером у вас на свадьбе, — сказал мужчина, поудобнее устроившись в кресле. Звали его Себастьяно Каннито. Его зачесанные назад седые волосы отливали серебром, и, хотя ему было под шестьдесят, лицо оставалось гладким, без единой морщины. Годы будто проскользили по нему, как по стеклу, не оставив следа.

Каттани сразу перешел к делу.

В убийстве Маринео есть что-то подозрительное. Я еще точно не знаю, что именно, но меня беспокоит поспешность, с которой стремятся закрыть это дело.

— Следствие ведешь ты. Я позаботился направить на Сицилию самый лестный о тебе отзыв. — Каннито жадно затянулся сигарой. — Но что тебе кажется таким подозрительным?

— Видите ли, имеется целый ряд обстоятельств, над которыми я ломаю голову. В автомобиле не обнаружено пуль, не найдено гильз, ни даже следов крови. Чистая работа! Однако мы знаем, что когда мафия убивает представителей власти, она это делает, не стесняясь. Ей наплевать, найдут стреляные гильзы или нет, не так ли? И встает вопрос: где же на самом деле убили Маринео? Что это за тайное место? Кто придумал посадить его труп в машину?

— Вижу, что ты не упускаешь ни одной детали, — лишь заметил в ответ собеседник.

— Надеюсь, это принесет хоть какие-нибудь результаты, — сказал Каттани и весь подался вперед. — Есть еще один важный момент в этом деле. Мне удалось найти корешок чековой книжки. Все чеки выписаны, а корешки их девственно чисты. Владелец чековой книжки там ничего не отмечал. Из чего совершенно ясно, что он мог тратить сколько влезет, не опасаясь превысить сумму вклада. — Он выпрямился в кресле, словно желая подчеркнуть значение своих слов. — Этот корешок чековой книжки лежал в ящике письменного стола Маринео у него дома.

Вошла горничная в белой вышитой наkolке и принесла поднос с кофе и печеньем. Хозяин дома сделал глоточек кофе и поставил чашку на фарфоровое блюдо.

— Все, что ты рассказываешь, весьма интересно. Пожалуйста, продолжай. Уверен, ты добьешься результата. Что же касается меня, то, как тебе известно, мой дорогой друг, я уже три года не занимаюсь практической работой. Меня решили сослать в Центр подготовки высшего командного состава полиции. — Он нахмурил брови и крепче зажал в зубах сигару. — Я считаю это по отношению к себе несправедливостью. Но некоторые влиятельные друзья меня не покинули и потихоньку готовят мой реванш. — На его тонких губах вновь мелькнула тень улыбки. — В скором времени я,

наверно, займу один очень высокий и ответственный пост. Тогда я смогу оказать тебе более ощутимую поддержку.

Это прозвучало как прощальное напутствие. Он поднялся и, смотря Каттани в глаза, добавил:

— Друг мой, секрету жизни нас учат моряки: ставь паруса и плыви по ветру.

* * *

Мысли комиссара вновь вернулись к молодой девушке — Титти Печчи-Шалоя. Де Мария позвонил ей тогда по телефону.

— Можете прийти, когда хотите, — ответила она без всякого выражения. — Я всегда сижу одна дома.

Они отправились к ней в четверг в середине дня. Она провела их через двор палатцо, потом по величественной лестнице в пыльную гостиную со стенами, увешанными большими портретами, гобеленами, зеркалами в золоченых рамах. Вблизи личико у нее оказалось совсем юным, вокруг ласковых голубых глаз залегли темные тени, еще больше подчеркиваемые восковой бледностью. На ней были черная с золотом дырчатая блузка и джинсы. «Она еще красивей, чем мне показалось сначала», — подумал Каттани.

— Я здесь совсем недавно, и мне хотелось познакомиться и немножко поболтать с вами, — начал он.

В глазах девушки он прочел недоверие. — Вы не нашли ничего лучшего, чем бы занять время? — произнесла она насмешливым тоном.

— Не надо так говорить: я пришел к вам с самыми дружескими намерениями.

— Весьма польщена, — ответила она с чуть заметным поклоном.

— Я вам не слишком симпатичен, не так ли? Девушка закинула ногу на ногу. Было видно, что она обьята беспокойством. От волнения на лбу и на верхней губе у нее выступили капельки пота.

— Господин комиссар, — сказала она, — давайте отбросим церемонии, и скажите мне прямо, что вам от меня нужно.

Каттани уселся поудобнее в обитом блестящим шелком кресле.

— Видите ли, — произнес он профессиональным тоном, — мне хотелось бы выяснить вместе с вами некоторые интересующие меня подробности, касающиеся самоубийства вашей матери.

— Например?

— Например, причины ее поступка.

— Девушка пожала плечами.

— Об этом было написано в газетах: первое истощение.

— Понимаю. А где, ради бога, извините, это произошло? В этой комнате?

— Да, здесь. Она застрелилась, сидя вон в том кресле.

Казалось, теперь девушка держится не так напряженно и враждебно. Она решила быть полюбезнее и предложила что-нибудь выпить.

Комиссар поднес к губам стакан с виски, глядя с непритворной нежностью на уютно устроившуюся напротив него в глубоком кресле девушку и любясь ее красивыми руками. При каждом движении они чуть заметно дрожали.

— Вы курите? — спросил Каттани. Ему хотелось не столько закурить, сколько упрочить атмосферу наметившегося доверия.

— Нет, но вы, если хотите, можете курить.

И протянула ему длинную деревянную сигаретницу. Он открыл коробку. Она была наполовину наполнена сигаретами. Там же лежала книжечка спичек «Минерва». Он зажал во рту сигарету и, раскрыв спички, еле сдержал возглас удивления: на внутренней стороне обложки темнело круглое коричневое пятно. Кровь. Черт возьми, вот это настоящая удача!

Каттани несколько секунд подержал книжечку в руке, потом естественным движением опустил в карман пиджака.

— Синьорина, — сказал он, — я действительно был рад с вами познакомиться.

Девушка поднялась с кресла и попыталась со- стрить:

— Неужели у вас в полиции все вот так зря тратят свое время?

— Я вовсе не потратил зря время, — сказал он как можно галантнее. — Мне было очень приятно побеседовать с вами. — И склонился поцеловать ей руку.

В тот же день, выйдя из палатки герцогини, он дал Де Марии два поручения. Выяснить, на чье имя был открыт текущий счет в Народном ремесленном банке под номером 804/36, значившимся на корешках чековой книжки, найденной в письменном столе Маринео. Передать на исследование в экспертный отдел спички «Минерва» с пятном крови.

Де Мария стал звонить в банк, сказал, что говорит из Палермо служащий Сицилийского банка.

— Нам надо оплатить чек вашего банка с неразборчивой подписью. Будьте любезны сообщить фамилию вкладчика и достаточно ли у него денег на счете.

На другом конце провода послышался стук положенной на стол трубки. Через несколько минут Де Мария получил информацию: счет был открыт на красиво звучащее, но явно вымышленное имя: Антонио Фьсордализо*. Еще одна впечатляющая деталь: счет закрыт четырнадцатого числа прошлого месяца.

— На следующий день после убийства Маринео, — прокомментировал Каттани.

Он сидел один в своем кабинете и перебирал в уме все эти постепенно накапливающиеся данные, между которыми ему никак не удавалось установить связи, когда в дверь постучал и заглянул Де Мария.

— Разрешите? — В руках у него было несколько листов бумаги. — Результаты экспертизы, — сказал он. — Это кровь, по-моему, очень редкой группы — нулевой, с отрицательным резус-фактором.

— А какая группа крови была у герцогини Элеоноры?

— У герцогини — не знаю, — ответил, усаживаясь, Де Мария, — но ребята из экспертного отдела говорят, что такая группа крови была у Маринео.

Каттани подскочил словно ужаленный.

— Это, черт возьми, не может быть простым совпадением! — хватил он кулаком по столу.

Де Мария догадывался, что вроде бы хочет сказать комиссар, но не был уверен, что правильно его понял.

— Вы хотите сказать, что Маринео ухлондид в доме герцогини?

* По-итальянски — наизлѣк.

По лицу Каттани он прочел, что попал в точку. И с ошарашенным видом продолжил:

— Ухлопали, а потом положили в машину и тайком перевезли? Но кто мог это сделать? И зачем?

Лицо комиссара напряглось. Он словно не слышал вопросов своего помощника и спросил, кто глава Народного ремесленного банка.

— Один тип по фамилии Равануза, — ответил Де Мария — Важная шишка.

— Важная шишка, — саркастическим тоном повторил Каттани. — Мне не терпится с ним познакомиться.

* * *

Не успел он показаться на пороге банка, как ему навстречу с услужливым видом бросился служащий.

— Чем могу служить, господин комиссар?

— Я хотел бы открыть у вас счет.

Служащий с приторной любезностью поклонился и, попросив извинения, исчез за тяжелой дверью орехового дерева. Через несколько секунд дверь отворилась, и в проеме появился элегантный господин лет пятидесяти, с зорким взглядом холодных глаз, широко улыбаясь ему, как старому приятелю.

— Весьма польщен, господин комиссар. Меня зовут Равануза. Поистине счастлив иметь вас вкладчиком в своем банке. Прошу входить.

Он ввел его в кабинет, а слащавый служащий побегал заполнять какие-то бумаги и выписывать чековую книжку. Он позаботился вложить ее в кожаную обложку и через несколько минут принес в кабинет Раванузу.

— Все готово, доктор Каттани, — объявил он с торжественным видом. — От вас потребуются лишь парочка подписей. Одна тут, вот здесь и здесь. Пожалуйста, возьмите.

— Я просто в восхищении от вашей оперативности, — поблагодарил Каттани.

— Да что вы, — усмехнулся Равануза, — когда мы можем хорошо обслужить клиента, мы сами тому радуемся. — Он сопровождал свои слова широкими взмахами левой руки. И при каждом жесте яркими лучами вспыхивал большой бриллиант в перстне на мизинце.

— Поскольку теперь мне представилась счастливая возможность с вами познакомиться, — продолжал Ра-

вануза, — разрешите пригласить вас с супругой завтра на вечер, который мы устраиваем в Клубе интеллигенции нашего города.

* * *

Небольшой оркестрик заиграл медленный фокстрот, и все ужинающие оставили свои столики и устремились на большую террасу, на которой было светло, как днем. Несколько пар начали танцевать. Каттани с женой смешались с веселой толпой и вскоре потеряли друг друга из вида.

Комиссар столкнулся с банкиром Раванузой, державшим в руке бокал с шампанским. Бросались в глаза его загорелое лицо и стройная фигура.

— Доктор Каттани, вы не танцуете?

— Сказать по правде, — с подчеркнуто равнодушным видом ответил комиссар, — танцы меня никогда не привлекали.

— Тогда позвольте спросить: что вас привлекает? — с двусмысленным смешком продолжал Равануза.

— Цветы. А особенно я люблю... васильки.

— В самом деле?

Если банкир и был удивлен или почувствовал какой-то намек, он ничем этого не выдал и продолжал с невозмутимым видом улыбаться, как господь бог. Тем временем Корrado подцепил какой-то подвижный старичок с нимбом вьющихся седых волос вокруг лысины.

— Разрешите представиться, я — барон Платто, поэт.

— Да-да, — кивнул Каттани, — мы с вами познакомились за ужином.

— Вы ведь из Милана? Вы знакомы с моим коллегой Эудженни Монтале?

— Нет, лично незнаком. И — увы! — даже не читал. Мои познания в поэзии ограничиваются тем, чему учили в школе.

Поэт неодобрительно покачал головой, подошел к буфетной стойке сменить пустой бокал шампанского на полный. Увешанные драгоценностями дамы беспечно слонялись по залу. В уголке толпилась кучка молодежи, и оттуда доносился громкий смех.

* Известный современный итальянский поэт.

Девушка сидела на скамейке, обхватив себя тонкими, слабыми руками. На лице ее застыло выражение тоскливого страха. Де Мария поспешил подойти к ней и сразу же понял, что у его невесты что-то случилось.

— Анна, почему у тебя такое выражение лица?

— Все из-за брата. Его перевели в другую тюрьму. В Палермо, в Уччардонскую. Он страшно испуган, хочет тебя видеть. Говорит, должен тебе что-то сказать. Ты к нему съездишь?

— Конечно. Сегодня же, — успокоил ее полицейский.

Возвратясь из Палермо, Де Мария позвонил невесте.

— Да, я с ним говорил. Это очень важно. Ты успокойся, а я сейчас же должен повидать комиссара.

В квартире Каттани зазвонил телефон. Комиссар находился как раз у аппарата и сразу же снял трубку.

— Слушаю.

И услышал, как что-то шелкнуло, словно повесили трубку. Через несколько минут вновь раздался звонок.

— Говорит Де Мария.

— Это ты сейчас звонил? — спросил комиссар.

— Нет, я только вот набрал ваш номер.

— Ну ладно. Выкладывай.

— Я ездил в тюрьму к брату Анны. — По его голосу можно было понять, что Де Мария не в силах скрыть волнения. — Я должен немедленно видеть вас, комиссар. Я нахожусь в баре на площади, в трех кварталах от вас, там, где поворачивает автобус.

Сейчас приду.

Вешая трубку, Де Мария не заметил вошедшего в бар приземистого парня с худым лицом и пластиковым пакетом в руках. Полицейский подошел к стойке бара, парень, намеренно замедляя шаги, сзади приблизился к нему. В двух шагах от Де Марии он сунул руку в пакет и вынул оружие. Взгляд его был прикован к затылку полицейского. Он поднял пистолет и спустил курок. Тело Де Марии, ударившись о стойку, сползло на пол. Никто не пошевелился. Всех парализовал ужас. Только хозяин бара, словно в истерическом припадке, стал кричать как одержимый. Киллер, схватив его за отворот пиджака, прошипел ему в лицо:

— Молчать, молчать!

Прежде чем опустить пистолет в пластиковый пакет, он снова прицелился в голову полицейского, и вновь прогремел выстрел.

Не спеша вышел из бара, свернул за угол и исчез. Как раз в тот момент, когда с противоположной стороны подходил Каттани. Комиссар уже слышал взволнованные крики посетителей бара. Они не в силах были без ужаса глядеть на мертвое тело у своих ног.

* * *

— Все это выдумки, — монотонно твердил молодой парень. Он сидел, весь скорчившись. Левая сторона лица у него то и дело подергивалась от нервной усмешки.

Каттани обвел взглядом тесную голую тюремную камеру.

— Послушай, — сказал он вполголоса увещающим тоном, — тебя сейчас никто не слышит. Не бойся и повтори все, что ты сказал Де Марии.

— Вы что, не понимаете, что я вам говорю? Все, что он вам наболтал, — выдумки. Я ему ровно ничего не сообщал, — упрямо твердил заключенный.

— Зачем же ты просил, чтобы пришел Де Мария? О чем хотел с ним поговорить?

— Семейные дела, — пожал плечами заключенный. — Моя сестра Анна осталась одна, мы с ней сироты. И кроме меня, хоть я и попал за решетку, кто же о ней позаботится? А так как Де Мария увивался за ней, я хотел разобраться в его намерениях.

Комиссар начал терять терпение.

— Этого парня убили за то, что ты ему нечто сообщил. Что-то такое, о чем ему нельзя было знать. Если ты мужчина, то должен сказать мне, в чем тут дело.

— Я, господин комиссар? — прохныкал арестованный. — Да я ведь ничего не знаю. Я хотел его спросить, собирается ли он жениться на моей сестре. Клянусь вам.

Каттани пристально на него посмотрел.

— Ну что же. Ты сделал свой выбор, — сказал он. Юноша молчал. — Но если передумаешь, дай мне знать через Анну.

* * *

Анна Карузо прибиралась в кухне, когда в дверь позвонил комиссар. Увидев его, она не выказала удивления. Молча отодвинулась, пропуская его в комнату. В черном траурном платье она выглядела старше своих двадцати лет.

— Я пришел просить о помощи, — сказал Каттани. — Мне необходимо знать, не сообщил ли вам жених какие-нибудь тайные сведения, которые узнал из разговора с вашим братом.

Девушка даже не подняла глаз.

— Мне не хочется мучить вас, — продолжал Каттани, — но я тоже был привязан к Де Марии. Если у вас есть хоть какие-то данные, они могли бы быть очень полезны.

— Я ничего не знаю, — резко ответила девушка.

— Вы должны хотя бы знать, зачем вашему брату понадобилось видеть Де Марию.

— Семейные дела, — пробормотала Анна. — Брат хотел узнать, когда он собирается на мне жениться.

— Вижу, вы тоже поете эту песенку, — взорвался комиссар. — Известно ли вам, что я могу привлечь вас к ответственности за сокрытие улик?

Наконец Анна подняла голову. Взгляд ее был полон горя и отчаяния.

— Вы думаете, это будет иметь для меня какое-нибудь значение?

* * *

Сильный и резкий африканский ветер гнал по небу гигантские дождевые тучи. Они были желтые от песка пустынь, и все вокруг казалось нереального желтовато-серого цвета. Песчаные дожди не редкость на Сицилии — они оставляют свой след на автомобилях, покрывая их тонким слоем песчинок, и на людях, изнемогающих от жаркого дыхания Африки.

Каттани ехал на работу в самом мрачном настроении. Этот странный свет на улице еще больше усиливал его раздражение. Его стратегия, как видно, зашла в тупик. Каждый шаг ведет к неудаче. Где выход? Что теперь, черт возьми, ему делать дальше?

Он поставил машину на стоянке полицейского управления, взял пистолет, который, когда был за рулем,

всегда держал в углублении под приборной доской, и направился к своему кабинету. Следом за ним с похоронным выражением на лице шел его заместитель Альтеро.

— К сожалению, ничего нового. Известно только, что убийца Де Марии был очень молод.

Они вместе вошли в лифт.

— Мы ведем проверки во всех направлениях, — выказывая служебное рвение, добавил Альтеро, словно желая оправдаться в том, что расследование брело наугад в абсолютной тьме.

Они подошли к кабинету Каттани. Комиссар резко обернулся и взглянул на Альтеро так, словно хотел испепелить его взглядом.

— Скажите, пожалуйста, руку на сердце, вы ничего от меня не скрываете?

— Не знаю, почему вы меня об этом спрашиваете. — Альтеро весь напрягся, и лицо у него потемнело.

— Например, в ту ночь, когда убили Маринео, вам позвонила по телефону какая-то женщина.

— Женщина? Не припомню. Может, моя жена.

— И вы куда-то бросились сломя голову из-за звонка жены?

— Послушайте, дорогой Каттани, — с некоторой досадой произнес Альтеро, — вы пренебрежительно относитесь ко мне с первого же дня, как тут появились. И мне непонятно почему. Если к тому же вы мне теперь не доверяете, то отстраните меня от расследования. Поступайте как хотите, но я не желаю, чтобы на меня смотрели как на врага.

— Идите, идите работайте, — выговорил, показывая, что разговор окончен, Каттани, — но не надейтесь на мое слепое доверие. Теперь я никому не доверяю, даже себе.

* * *

Паола весело бросилась ему навстречу и повисла у него на шее.

— Здравствуй, папа, иди посмотри, что нарисовала мама. Так здорово! — И потащила его за руку на террасу. — Гляди.

На мольберте стояло полотно. Какое-то абстрактное изображение, написанное нестерпимо яркими, резко

контрастирующими красками. На террасу вышла и синьора Каттани.

— А, ты вновь взялась за живопись, — прокомментировал со скучающим видом комиссар. — Ты же несколько лет не держала в руках кисти. Ну что ж, по моему, хорошо.

— Папа, разве тебе не нравится картина? — не отставала девочка.

— Конечно, нравится, очень красиво, — ответил он без всякого энтузиазма.

Жена внимательно следила за реакцией Коррадо — она глядела на него изучающим взглядом, как исследователь смотрит в микроскоп.

У Каттани была тяжелая голова, он чувствовал себя разбитым, больше всего ему хотелось, чтобы его оставили в покое. Он мучительно пытался подобрать какие-то подходящие слова.

— Я решила устроить выставку, — объявила жена, продолжая следить за каждым его жестом. — Я рассчитала, что если поднажму, то через пару месяцев у меня будет достаточно картин для выставки.

— Такая спешка? А выставочный зал?

— Ну, это не проблема, — ответила она уверенным тоном, — все организует Нанни Сантамария в одной из картинных галерей в центре города.

Каттани почувствовал, как кровь ему ударила в голову.

— А кроме того, он сделает тебе рекламу по своей задрипанной телепрограмме, и все толпой кинутся покупать твои картины, потому что ты — жена комиссара полиции.

— А может, потому, что они нравятся людям, — обиженно возразила Эльзе. Ее вдруг охватила ярость. Не в силах сдержаться, она сорвала картину с молберта и несколько раз ударила о стену, пока та не превратилась в клочья.

— Да что с тобой? — удивился Коррадо. — Она мне понравилась.

— Видела я, как она тебе понравилась! Ты жестокий, бессердечный человек!

— Ну что тебе от меня надо? — Каттани говорил спокойно и сурово. — Разве ты не видишь, каково мне приходится? У меня убивают людей, а я не знаю, где искать виновных. Ты же выходишь из себя, если я не

восхищаюсь твоими шедеврами и не сравниваю их с полотнами Пикассо.

Эльзе, казалось, проняли его слова.

— Ох, прости меня, дорогой. — Она обняла его. — Может, я просто дура, но мне так нужна твоя ласка и внимание. — Коррадо молча погладил ее по голове. — Когда ты со мной вот так ласков, я чувствую себя счастливой.

Кто-то позвонил в дверь.

— Извините, господин комиссар, что беспокою вас дома, но мне было необходимо вас срочно увидеть.

Это был священник Манфреди Сантамария — брат журналиста. Дон Манфреди приобрел в округе известность благодаря своему человеколюбию, воплотившемуся в некоторые конкретные дела, и непримиримости, с которой обрушивался в проповедях на мафию — этот «позор Сицилии». По его инициативе возник Центр по лечению молодежи — жертв наркомании.

— Я вам принес вот это, — и он протянул комиссару белую коробку.

— Конфеты? — спросил Каттани. — Кто-то женился? *

— Нет, — мрачно ответил дон Манфреди. — Советую вам их не пробовать. Они наполнены героином.

Каттани не смог сдержать удивления.

— Откуда они у вас?

— Их получил один парень, который находится на излечении у меня в Центре, и передал мне.

Каттани повертел коробку в руках. Вид ее не внушал никаких подозрений — на крышке красовалось название фирмы: «Премированная кондитерская фабрика братьев Капитуммо».

— Что это значит? — растерянно спросил комиссар.

— Все очень просто, — объявил священник, — это значит, что здесь действует организация по торговле наркотиками. Под видом экспорта конфет ей удается пересылать в Соединенные Штаты крупные партии героина.

* В Италии существует обычай посылать приглашенным на свадьбу белые конфеты-драже.

— Вы хотите знать, колюсь ли я? Да все знают, что я насквозь пропиталась героином! — как ни в чем не бывало призналась герцогиня Титти Печчи-Шаллойа, сопровождая свои слова выразительным жестом.

Она сидела в машине комиссара, мчавшейся по направлению к Палермо. Каттани пригласил девушку на ужин. «В какое-нибудь местечко поспокойней и подальше отсюда», — сказал он ей. Теперь, ведя машину в розовых сумерках, он наблюдал за спутницей красным глазом.

Комиссар еще сам толком не понимал, какого рода интерес питал к этой девушке — профессиональный или личный. Порой он думал о ней — такой хрупкой, светловолосой — с искренней нежностью. Иногда же его мысли обращались к ней только в связи со следствием. Имя юной герцогини частенько встречалось в деле и постепенно заняло в нем не последнее место.

Каттани вел машину сосредоточенно, с таким же вниманием и вместе с тем азартом, с каким шел «по следу» в своей работе.

— Ну давайте же, — поддразнивала его девушка, — прочтите мне нотацию. «Наркотики очень вредны для здоровья, они тебя погубят».

Он искоса взглянул на нее.

— Вы уже достаточно взрослая, чтобы самой понимать это. Меня больше интересует, кто вас ими снабжает. Чиринна, не так ли?

— Почему именно он?

— Потому что я это знаю.

— В таком случае зачем же спрашивать? — Девушка отвернулась. Потом тихо добавила: — Да, он.

Смуглый мальчик на стоянке у ресторана показал им свободное место, где поставить машину.

— А теперь что вы мне скажете? — спросила Титти. Начнете объяснять, что Чиринна опасный тип и что девушке из приличной семьи следует держаться от него подальше?

— Да, именно это я вам и хочу сказать.

Перед входом в ресторан Каттани слегка коснулся ее плеча, пропуская девушку вперед.

Ужин удался на славу. Когда Титти приподняла бокал, любясь золотистым цветом легкого сицилийского

вина, Каттани приблизил к нему свой бокал, и раздался веселый звон.

— Я пью, — сказал комиссар, — за ваше выздоровление.

Титти, казалось, тронули эти слова.

— Да, вы можете выздороветь, — убежденно продолжал он. — Вам нужно для этого не пожалеть сил и проявить выдержку. Но это вполне вам по плечу. И как первый шаг — вы должны заставить себя пожать с Чиринна.

Титти пригубила вино.

— Но вы, может быть, еще опаснее, чем Чиринна, — сказала она, хлопая ресницами.

— В каком смысле?

— Вы такой умный, смелый, с вами чувствуешь себя уверенно. Любой женщине легко потерять голову.

— Если вы боитесь довериться мне, я знаю одного священника, который разбирается в подобных вещах. Он вам может помочь по-настоящему.

— Ну вот, — усмехнулась она, — не хватало только священников!

На обратном пути у Каттани стал одерживать верх профессиональный интерес.

— Мне хотелось бы задать один чуточку нескромный вопрос, — сказал он.

— Слушаю вас.

— Комиссар Маринео бывал у вас в доме? — спросил он без обиняков.

— У нас в доме? Да, иногда...

— И он заезжал к вам в тот вечер, когда был убит?

Каттани спрашивал с таким строгим и решительным видом, что Титти даже не сделала попытки отрицать. Ее начала бить нервная дрожь.

— Ну, — еле слышно произнесла она, — посмотрим, какой еще козырь вы прячете в рукаве.

— Мой козырь — коробок спичек «Минерва» с пятнышком крови.

— Я не курю.

— Однако курил Маринео. Это его спички, и кровь на них тоже его. Когда вынесли труп, вы или кто-то из прислуги подняли коробок и положили в сигаретницу. Заморосил мелкий дождь, и Каттани включил «дворники», шуршание которых заполнило повисшую между ними тишину.

Потом вновь зазвучал голос комиссара:

— В тот вечер у вас в гостиной было двое мертвецов. Маринео и ваша мать. Не кажется ли вам такое совпадение довольно странным? Впрочем, если немножко подумать, это вовсе не так уж странно. — Каттани сделал многозначительную паузу. — Ведь Маринео и ваша мать были любовниками, не так ли?

— Хватит! — кричала Титти. — Немедленно ответьте меня домой!

Она свернулась клубочком на сиденье, повернувшись к Каттани спиной и прижавшись лбом к стеклу двери. И не произнесла больше ни слова.

Когда автомобиль остановился у ворот palazzo, Титти не пошевелилась. Каттани заглушил мотор. Дождь прекратился, и в мокром асфальте мостовой отражался свет фонарей.

— Весьма сожалею, — сказал комиссар, — я был груб с вами.

Титти продолжала молчать, вся сжавшись, застыв, словно кусок льда.

— Я не знаю, как заслужить ваше прощение, — вновь попробовал он добиться примирения.

Девушка чуть приоткрыла дверь, но не вышла из машины. От свежего воздуха она зябко передернула плечами и повернулась к комиссару. В ее огромных глазах светилась нежность. Неожиданно она схватила Каттани за руку, потянулась к нему и легко коснулась губами его губ. Потом, по-прежнему не произнося ни слова, вышла из машины и, понурив голову и глубоко засунув руки в карманы плаща, скрылась в темноте ночи.

* * *

В большом пустом доме ее шаги отзывались мрачным эхом. Она обошла все комнаты и везде зажгла свет. Но это не помогло ей развеять мрак, переполнявший сердце. Титти попыталась подбодрить себя алкоголем. Щедрой рукой плеснула виски и осушила одним глотком. Она почувствовала, как согревается все внутри, и от удовольствия прикрыла глаза. В душе у нее что-то шевельнулось. Она взяла второй бокал, налила в него немного виски и поставила рядом со своим. Бокалы звякнули, словно ими чокнулись.

Резкий телефонный звонок заставил ее вздрогнуть.

— Так, значит, эта полицейская ищейка еще не

оставила тебя в покое! — Звонил Чиринна, вне себя от бешенства. — Чего ему было надо?

Завхаченная врасплох, Титти пролепетала:

— Да ничего особенного, спросил, знала ли я его помощника, того, которого застрелили.

— И что ты ответила?

— Я сказала, нет, мне о нем ничего не известно.

— Ты ему не верь. Поняла? — Теперь Чиринна говорил покровительственным тоном. — Если что-то будет не в порядке, я позабочусь сам.

Титти слушала его через силу, прикрыв глаза. Подтянула стул, опустилась на него, с трудом следила за словами, жужжавшими в трубке.

— Может, он еще ухажера из себя строил? — вновь завелся Чиринна, и в голосе его опять зазвучало подозрение. Казалось, он и впрямь ревнует.

— Да нет, — ответила она после короткого замешательства. — Ничего похожего.

Она надавила пальцами на правый висок. Голову пронзили первые стрелы начинающейся мигрени.

— Можно, я сейчас к тебе приеду? — спросил Чиринна.

— Нет, сейчас не надо, прошу тебя. Я неважно себя чувствую.

Голос его опять зазвучал угрожающе.

— Ты от меня что-то скрываешь?

— Нет, клянусь тебе, ничего не скрываю.

Она оперлась локтем о колено и опустила голову на руку.

Но Чиринна не утихомирился:

— Послушай, госпожа герцогиня, если ты вздумаешь шутить со мной шутки, то ни черта больше не получишь. Понятно?

На другом конце провода Чиринна с садистским удовольствием слушал ее отчаянные всхлипывания.

«Да, ваша идиотская светлость, ты у меня в кулаке, — думал он. — Санте Чиринна твой полный хозяин, захочет, может тебя, черт подери, с землей смешать, а то и вовсе в порошок стереть».

Но, казалось, ему все еще мало. Чтобы превратить свою победу в полный триумф, он заговорил ласковым тоном:

— Титти, ты же знаешь, что я никогда не причиню тебе зла. Я ведь люблю тебя. А ты-то, ты меня любишь?

Помимо его воли, голос Чиринна звучал чуточку

растроганно. Было ясно, что он строит из себя жестоко-сердного злодея, а сам без ума влюблен в эту девушку.

Он умолк, ожидая, какой эффект произвели его слова. Последовало долгое молчание. Потом из трубки донесся прерываемый всхлипами шепот:

— Да, я люблю тебя.

Он удовлетворенно ухмыльнулся и повесил трубку.

НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ СВИДЕТЕЛЬНИЦА

Синьора Каттани нашла в одном из ящиков старый альбом с фотографиями и, удобно устроившись в кресле, принялась его рассеяно перелистывать. Она перевернула несколько страниц с картинками своей юности — друзья, родители, дом, где она выросла. Потом задержалась взглядом на фотографии, занимавшей целый лист. На ней были изображены они с мужем. Коррадо ее нежно обнимал, выражение лица у нее было веселое и озорное, палец она наставила в направлении фотографа. У мужа лицо было совсем еще мальчишеское, не смотря на его серьезный вид. Снимок был сделан в Цюрихе через несколько месяцев после их свадьбы.

Эта фотография пробудила в Эльзе воспоминания. Первые годы пролетели в любви и согласии. Она сохранила о них самую добрую память. Потом их брак постепенно пошел под уклон. Когда-то они, проснувшись, целыми часами не вставали с постели, не разнимали объятий. Она баловала мужа, приготавливала всякие деликатесы, подавала ему в кровать. Как всему этому пришел конец, она сама не заметила. И не была уверена, в ком из них двоих причина — в муже или в ней самой.

Когда муж вернулся домой, она еще сидела в кресле с открытым альбомом на коленях.

— Тебя видели с этой девушкой, — устало пробормотала она.

— Какой еще девушкой? — попытался возразить он. — Это главная свидетельница в следствии, которое я веду.

— И ты водишь всех своих свидетелей по ресторанам?

— Послушай, дорогая, перестань ко мне цепляться. Ты даже не представляешь, как приходится некоторых обхаживать, чтобы хоть что-нибудь из них выудить.

Она горько улыбнулась.

— Почему ты на мне женился?

— Что за вопросы? Потому что любил тебя.

— А теперь?

— Теперь, теперь... Теперь я и сам не понимаю, чего хочу. Словно попал в водоворот. И не знаю, сумею ли выбраться или разобьюсь насмерть о камни.

На следующее утро Эльзе отправилась к Сантамарии, чтобы переговорить относительно устройства выплаты. С каждой их встречей журналист становился все предпримчивее.

— Дорогая синьора, — сказал он, здороваясь, — вы действительно женщина, которая может осчастливить мужчину.

Эльзе не пыталась дать отпор его авансам. Напротив, принимала их с каким-то веселым безразличием. «Если это должно произойти, — думала она, — так и пусть произойдет».

* * *

Судя по ее телефонному звонку, Титти была в панике. Голос ее дрожал. «Мне необходимо видеть вас сейчас же», — умоляла она.

Каттани отправился к ней домой. Он был поражен, застав ее в таком жалком виде. Титти сидела на полу, прислонясь спиной к старинному деревянному ларю. Ее прекрасные волосы в беспорядке рассыпались по плечам, горящие лихорадочным блеском глаза застыли неподвижно, как у куклы.

— Нет, это так не кончится, — бормотала она, разговаривая сама с собой. — Я вам всем покажу. Да, я ничего не боюсь, меня ничто не остановит. Я хочу выговориться до конца, освободиться, выкинуть из головы весь этот ужас...

Что за чертовое ремесло быть полицейским! Мнишь, что помогаешь людям, спасаешь их от гибели. А вместо того каждый раз у самого вноль и вновь сердце саднит. На лице у Каттани застыло выражение растерянности, чуть ли не ужаса. Комиссар помог девушке подняться с пола, усадил в кресло и увидел у нее на левой руке синее пятно с дырочкой посередине, окруженной красноватой припухлостью.

— Где ты, комиссар? — Она пыталась пошарить

вокруг себя, но не в силах была даже приподнять руку и только еле пошевелила холодными как лед пальцами.

— Прошу вас, успокойтесь, — бесстрастно проговорил Каттани, — я здесь.

Наконец разглядев его, как сквозь туман, она сказала:

— Я хочу исповедаться. — И ухватила за его руку, пытаясь встать на ноги.

— Не надо двигаться, — удержал ее Каттани, — прошу вас, посидите несколько минут спокойно. Вы сейчас не в состоянии разговаривать.

Титти послушно закрыла глаза. Комиссар снял ее пальцы со своей руки и отправился на поиски воды, надеясь, что глоток другой поможет девушке прийти в себя. Он заставил ее отпить из стакана и вскоре увидел, что она постепенно оживает. Лицо ее осветила легкая улыбка.

— Не оставляй меня, комиссар, — произнесла она дрожащим голосом.

Соскочив с кресла, она свернулась клубочком у ног сидевшего рядом Каттани. Положив голову ему на колени, она принялась осыпать его руки поцелуями.

— Я ведь тебе нравлюсь, комиссар? — еле слышно спросила она и тихонько засмеялась.

— Да, признаюсь, нравишься, — он тоже перешел с ней на «ты».

— Тогда обними меня, если не хочешь, чтобы я умерла от холода.

Он погладил ее по волосам. Потом решительно отстранился.

— Ну, так ты, кажется, начала о чем-то говорить, — осторожно сказал он.

Титти усмехнулась:

— Да, нелегко иметь в любовниках полицейского. Ты падаешь к его ногам, а он превращается в инквизитора... Ну да ладно! Ты оказался весьма проникновен, раз догадался, что Маринео и моя мать были любовниками. Ничего не скажешь: ты парень сообразительный, — она не скупилась на похвалы. — Оба они умерли тут, в доме. И тебе, наверно, хочется услышать, как это произошло, не правда ли?

Титти напустила на себя таинственный вид, словно желая подчеркнуть, какие она собирается сделать сейчас сенсационные разоблачения.

Каттани уже обдумывал некоторые гипотезы насчет

побудительной причины убийства. Но, как ни ломал голову, ему не удавалось вообразить ничего другого, кроме любовной драмы. Например, кто-то из двух любовников, допустим герцогиня-мать, застрелила Маринео, а потом пустила пулю себе в лоб. Но оставалось объяснить загадку: каким образом труп Маринео оказался в машине? Кто его туда перенес и отвез далеко от места преступления? Но это казалось ему пока что не столь важной подробностью.

Первостепенное же значение он придавал тому, что речь идет в первом случае об убийстве, а во втором — о самоубийстве. Когда же он услышал, как было в действительности, то у него, как говорится, от удивления отвалилась челюсть. Он сидел и слушал, и у него перед глазами происходила подробная реконструкция фактов: как были убиты Маринео и герцогиня. Да, уважаемые господа, именно убиты. И оба убийства были совершены одним человеком. Вся сцена произошла на глазах у Титти, и теперь она была единственной свидетельницей, показания которой могли припереть к стене убийцу. Свидетельницей единственной и весьма нежелательной.

— Тебе грозит опасность, — сказал Каттани. — Я должен придумать, как уберечь тебя.

* * *

По вечерам Клуб интеллигенции сиял огнями. Представители местного «высшего света» прибывали туда один за другим. Сначала пропускали стакачик в маленьком баре, потом со смехом и шутками направлялись в зал, оборудованный для карточной игры.

Велико было всеобщее удивление, когда однажды вечером увидели, как в клуб вошел Каттани с повисшей у него на руке герцогиней Титти.

— Знаешь, что они скажут? — прошептала девушка, намеренно подчеркнуто нежничая с ним. — Они скажут: бедняжка комиссар спутался с этой наркоманкой.

— Да нет, — засмеялся он в ответ, — они скажут другое: как низко пала наша аристократия — представительница знатного сицилийского рода в объятиях полицейского!

Комиссар решил выставить себя напоказ не из глупости или легкомыслия («Давай устроим небольшой спектакль», — предложил он Титти). У него был вполне

определенный план, и он тщательно продумал каждый шаг. Он хотел заставить повольноваться убийцу. Испугать. Дать понять, что между ним и девушкой начался роман. Выстрел попадет в цель, думал комиссар, убийцу приведет в ужас мысль о том, что Титти могла открыть мне правду.

Провокация — вот что это было. Ловушка, опасная не только для дичи, но и для охотника. Если убийца потеряет голову, кто знает, как он будет реагировать.

Первым пришел в себя от изумления адвокат Террачини.

— Добро пожаловать! — приветствовал он парочку с терпимостью и снисходительностью человека, глубоко познавшего жизнь. — Окажите нам честь и выпейте с нами.

Банкир Равануза, со стаканом разбавленного тоником джина в руке, сказал:

— Весьма польщен, господин комиссар. Поистине очень обрадован таким приятным сюрпризом.

Потом, обращаясь к девушке, добавил с поклоном:

— Синьорина Титти, мое глубочайшее почтение. И вновь сосредоточил все свое внимание на Каттани.

— Господин комиссар, не знаю, как вы к этому отнесетесь, но я хотел бы покаяться в одном маленьком грешке. Видите ли, тут у нас есть комната, где мы иногда делаем по мелочи ставочки на зеленом сукне, перекидываемся в картишки, совершенно невинно коротая время с друзьями. Повторяю, не знаю, как вы к этому относитесь, но если бы соизволили присоединиться, то доставили бы нам истинную радость.

Каттани старался держаться как можно сердечнее.

— Ну что за опасения, дорогой Равануза. Я тоже иногда охотно играю в покер.

Стены игрового зала были украшены росписями, изображающими сцены религиозного содержания. Гигантский святой Михаил, поражающий змея, Иона в чреве кита, какой-то кандидат на вечные муки, окруженный толпой чертенят, тащивших его на костер... В облаках табачного дыма, плывущих над головами игроков, эти росписи выглядели еще чудовищнее и нелепее.

За одним из столов сидела графиня Ольга Камастра. Она сразу же заметила Каттани и его юную даму. Комиссар перехватил ее взгляд. И прочел в нем удивление и иронию. Несколько секунд он не мог отвести от

нее глаз — его восхищала ее осанка, манера держаться. Даже если одеть ее в лохмотья, подумал он, она все равно бы кружила головы.

— Комиссар, — сказала Ольга, когда он подошел ближе, — вот уж никак не ожидала встретить вас в этом вертене.

Громко щелкнув, она раскрыла золотой портсигар и предложила сигарету.

— Мне тоже надо изредка развлечься, — ответил Каттани, поднося зажигалку графине, а потом закуривая сам.

Титти намеренно, напоказ, все теснее прижималась к нему, но Ольга Камастра не удостоивала ее взглядом.

— Комиссар, — сказала она, — если когда-нибудь вам будет нечего делать, приезжайте ко мне на стройплощадку. Я покажу вам, как вкалывает южноитальянская женщина.

Она положила сигарету на пепельницу и стала сдавать карты. Потом рассеянно взглянула на него из-за полупопушенных ресниц и добавила:

— Или вы до сих пор меня боитесь?

От графини отвлек Каттани все тот же старичок.

— Вы ведь приехали из Милана? Вы, случаем, не знакомы с Эудженио Монтале? Ах, нет? Жаль, мы с Монтале коллеги. Я — барон Платто, поэт.

* * *

В маленьком домике, рядом с церковью, дон Манфреди дено и ночью пестовал свой «сад надежды». Он давал приют наркоманам и пытался отвлечь их от болезненной потребности в наркотиках, постоянно занимая их время и мысли — главным образом при помощи труда и спорта.

— Только вы один можете ее спасти, — сказал Каттани. — Позаботьтесь о ней.

— Сделаю все возможное, — заверил его священник. — Но самый важный шаг к ее спасению уже сделали вы, дорогой комиссар, когда уговорили Титти здесь укрыться.

— Да, в конце концов мне это удалось, — вздохнул Каттани. — А для ее безопасности я поставлю у ворот парочку полицейских.

— Когда она выздоровеет, то будет вам глубоко благодарна.

— Возможно. Но мне немного стыдно, что использую эту девушку как приманку, чтобы поймать одного типа, у которого руки по локоть в крови.

* * *

В тот же вечер Каттани отправился повидать человека, с которым давно уже собирался побеседовать с глазу на глаз. Толкнув тяжелую стеклянную дверь, он вошел в салон по продаже автомобилей, находившийся на набережной. Среди сверкающих дорогих, мощных машин появилась агрессивная физиономия Санте Чиринна. «Мафиозетто» — мелкий мафиозо, как называл его Де Мария.

Чиринна машинально застегнул пиджак и выпятил свою тяжелую нижнюю челюсть.

— Чем могу вам служить? Желаете купить новую машину?

— Нет, Чиринна, вы торгуете слишком дорогими, они мне не по карману.

Каттани не отрывал от него холодного взгляда, стараясь узнать цену этому человеку. Вдруг он почувствовал, что на него еще кто-то смотрит. Неполнину спрятавшись за машиной, за ним тайком наблюдал механик с мрачной рожей, в грязном комбинезоне. Прислонившись к бежевому «мерседесу», засунув руки в карманы пиджака, стоял, не сводя с него глаз, жуя жвачку, еще один парень зверского вида, скуластый, одетый в просторный костюм в крупную клетку, из верхнего кармашка торчал огромный платок.

— Ну так чем же я обязан?

Чиринна начинал нервничать. Левый глаз у него дергался от тика и то и дело почти совсем закрывался. Сквозь узкую щелку он мрачно глядел на комиссара.

— Я по личному делу, — сказал Каттани, стараясь увести Чиринна в сторону.

— И что же это за дело?

— Расчет синьорины Печчи-Шалойя.

— А! — Лицо Чиринна перекошилось от еле сдерживаемого бешенства. — И чем же я могу быть полезен нашей маленькой герцогине?

— Вы можете сделать очень много. Например, оставить ее в покое.

Вспыльчивость сицилийцев, когда дело касается

женщины, всем известна. Задетый за живое, Чиринна раздул ноздри и тяжело задышал, как взбешенный бык.

— Говорите — оставить в покое? — Он попытался вложить всю свою ненависть в циничную остроту. — Но ведь она... нуждается во мне.

— Теперь уже нет, — сухо ответил Каттани. — Она больше не нуждается в услугах того рода, что вы имеете в виду.

— Да неужели? Может, она стала святой?

— Это уже не ваша забота. Выбросьте ее из головы — и все.

Чиринна не в силах был больше сдерживаться. Он ощутил во рту вкус желчи. Да кто такой этот легавый, что позволяет себе приказывать ему?

— Послушайте, комиссар, — прошипел он сквозь зубы, — а по какому праву вы пришли требовать от меня этой жертвы?

— Я мог бы ответить — по праву сердца: нас с Титти связывает любовь.

— Связывает любовь, — насмешливо повторил Чиринна. — А разве у вас нет жены?

— Это вас не касается, — сказал Каттани по-прежнему сдержанно. — Вы отойдите в сторонку, и дело с концом. Могу я на это рассчитывать?

Чиринна уставился куда-то вбок, словно ревность его оглушила.

— Можете, можете, но сейчас убирайтесь. Исчезайте.

Каттани не спеша погладил хромированный нос «ровера». Так же неторопливо повернулся и направился к двери. «Проклятая полицейская ищейка, — злобно повторял про себя Чиринна, — здесь у тебя не выйдет командовать. Здесь мы на Сицилии, на моей родной земле».

Им овладела дикая ярость. При мысли, что он должен отказаться от Титти, его бросало в дрожь, он задышался от бешенства и возмущения.

* * *

Эльзе стояла с кистями в руках перед белым холстом. Из окна гостиной в вечерних сумерках виднелось море, усеянное десятками дрожащих огоньков. Синьоре Каттани хотелось перенести это зрелище на полотно. Но ей никак не удавалось сосредоточиться. Она отло-

жила кисти и вышла на террасу. Воздух был свеж и прохладен, и она зябко передернула плечами. Потом обвела взглядом панораму раскинувшегося внизу города, остающегося для нее все еще чужим, города, который (теперь она была в этом уверена) навсегда отнимет у нее мужа.

Где он сейчас? Все еще возится со своим расследованием? Вечно идет по какому-нибудь следу в надежде, что тот его куда-то выведет? Или же развлекается с этой шлюшкой-герцогиней? «Во всяком случае, — с горечью думала она, — я теперь уже не часть его жизни, я для него постороннее существо». Но к этой мысли она все-таки не могла привыкнуть.

Она возвратилась в гостиную. Налила на донышко коньяка. Почувствовала, как алкоголь обжигает горло и наполняет теплом все тело. На цыпочках пошла заглянуть в комнату дочери и послушала, как девочка глубоко дышит во сне. Допила последние капли коньяка и решительно направилась к телефону. Набрала номер Нанни Сантамарии.

— Позавчера вы приглашали зайти к вам выпить бокал вина? Не забыли? Вам удобно, если я приду сейчас?

— Жду вас с распростертыми объятиями, — был восторженный ответ.

Без лишних церемоний, как только Эльзе пришла, они обнялись. Помогли друг другу сбросить одежду. Упали на постель и занялись любовью, не обменявшись ни единым словом. Потом она накрылась простыней, натянув ее до подбородка, закурила сигарету. Волосы ее рассыпались по подушке. Она лежала неподвижно, поглощенная своими мыслями. Журналист испытывал странное чувство, будто ее здесь нет.

Немного раздосадованный, он спросил:

— В чем дело? Ты недовольна?

— Да нет, совсем другое, — пробормотала Эльзе. — Дело в том, что сейчас я отдаю себе отчет, что поступила, повинувшись бессознательному порыву. Меня подтолкнуло не желание заняться с тобой любовью, а намерение отомстить ему — моему мужу. — Она свернулась калачиком под одеялом. — Мне так хочется, чтобы он по-прежнему оказывал мне внимание, но ему на меня наплевать. Я его больше не интересую. И вот я иду на все более жалкие уловки, чтобы встряхнуть его, пробудить в нем ревность... — Она подняла глаза. — Сегод-

ня в этой мерзкой игре я использовала тебя. Наверно, тебе это не очень неприятно...

Сантамария попытался сохранить хорошую мину при плохой игре.

— Не будем делать из этого драму. Мне хорошо и так. В следующий раз будешь более довольна и ты.

— Следующего раза не будет, — сказала Эльзе, одеваясь.

Она порывисто схватила сумочку и вышла из комнаты, даже не кивнув на прощание. Захлопывая за собой дверь на лестницу, она услышала за спиной звучащий чуть ли не умоляюще голос:

— Мору я тебе завтра позвонить?

ЗАСАДА

Поздним вечером, когда его жена лежала в постели другого, Каттани захлопнул толстую папку. Отодвинул ее от себя и потер покрасневшие от усталости глаза. Напряжение не оставляло его. Он взглянул в окно. Две патрульные машины возвращались с включенными мигалками. Он надел плащ, вышел на улицу и направился домой. Чистое небо было усыпано звездами. Каттани вспомнился его старый дед, который в детстве указывал ему на эти светящиеся точки, называя каждую своим именем. Теперь эти названия окончательно выветрились из памяти. Воспоминания вызвали печальную улыбку.

На стоянке осталась только его машина, припаркованная в слабо освещенном углу. Мотор завелся со второй попытки. Миновав пустынные бульвары, он выехал на приморскую набережную. На горизонте взошла полная луна, все вокруг дышало спокойствием.

В зеркале заднего вида Каттани вдруг увидел фары двух мотоциклов, которые быстро догоняли его. Он попробовал сбросить скорость, и мотоциклы тоже замедлили свой бег и, не обгоняя, пристроились в хвост к его машине. «Черт, — выругался он, — эти не иначе, как по мою душу». Он достал из-под приборного щитка пистолет и положил рядом с собой на сиденье, ни на секунду не переставая следить за двумя огнями в зеркальце. Но, как ни напрягал он зрение, ему никак не удавалось хорошенько рассмотреть лица мотоциклистов, ведь головы их закрывали шлемы. Машина въеха-

ла на спуск, ведущий к туннелю. Она словно погружалась в голубоватое сияние неона.

В это мгновение Каттани резко затормозил, бросил машину поперек проезжей части и остановился. Оба мотоцикла чуть не налетели на автомобиль, но преследователи не растерялись. Они сразу же открыли огонь, однако их выстрелы не достигли цели. Каттани с пистолетом в руке выскользнул из машины. Он быстро выстрелил два раза подряд и поразил в голову и в грудь одного из нападавших, который недвижимо распростерся на асфальте.

Защищенный кузовом машины, Каттани прицелился и выстрелил во второго. Раздалось приглушенное проклятие. Он увидел, как незнакомец левой рукой схватился за окровавленную правую. Ранение заставило выпустить пистолет, и человек бросился поднять оружие. Но Каттани его опередил и ногой отшвырнул пистолет далеко в сторону.

Одним прыжком комиссар настиг незнакомца. Сильно ударил ногой в низ живота, сбивая дыхание. Затем вновь бросился на него и прижал к борту машины. Противник истекал кровью и больше не сопротивлялся. Комиссар сорвал с него шлем и увидел перед собой искаженную от злобы физиономию Санте Чиринна. Тут ему показалось, что он узнал и убитого. Это был тот парень со зверской рожей, который не сводил с него глаз в автомобильном салоне.

* * *

Провинциальные государственные чиновники почти всегда относятся с подозрением к телефонным звонкам из Рима. Когда звонят из столицы, говорят они, то это или сулит какие-нибудь неприятности, или же преследует чьи-то личные цели. Поэтому, когда дежурный телефонист объявил: «Рим на линии. Говорите», Каттани скривился.

Но тотчас успокоился, услышав в трубке голос Каннито.

— Ваше превосходительство, рад вас слышать.

— Как поживаешь, Каттани? До меня дошло, что тебе пришлось участвовать в перестрелке. Ну, рассказывай, рассказывай.

Комиссар постарался как можно меньше драматизировать этот эпизод.

— Обычный случай на работе, — сказал он. И добавил: — Главное, что благодаря этому следствие значительно продвинулось вперед.

Затем он размашисто что-то записал на листке. Подчиненный, который положил перед ним на стол бумагу, азял ее, вложил в папку и на цыпочках вышел.

— Тот подонок, что приказал долго жить, был вооружен пистолетом, из которого убили Де Марию. Да, да, тем самым. У научно-экспертного отдела никаких сомнений. Видите ли, что касается Де Марии, то мне еще остается уточнить побудительную причину убийства, а в деле Маринео я, убежден, все выяснил до конца.

— Ну что же, это действительно приятные известия, — сказал звонивший из Рима. Он сидел у себя в кабинете и достал из ящика папку темной кожи. — Так же и мои дела приняла благоприятный оборот. Да, да. Помнишь, в нашем разговоре я упоминал о важном назначении? Так вот, дорогой друг, теперь это очень близко. Осталось лишь преодолеть некоторые мелкие препятствия. Так, маленькие формальности.

Он положил руку на верхний правый угол папки и кончиком среднего пальца принялся отсчитывать страницы. Дойдя до пятой, он начал ее открывать с мучительной медлительностью, словно электрик-любитель, боящийся, что дернет ток. Отогнув страницу номер пять до половины, он склонил голову набок и принялся внимательно изучать следующую. С улыбкой облегчения он отметил, что на третьей строке в середине напечатанного на машинке слова «президент» обнаружилось что-то вроде запятой — серая кривая закорючка. Это был седой волосок из брови, один из тех, что высокопоставленное лицо имело обыкновенно у себя выдергивать и стратегически располагать меж своих особенно секретных документов. В случае, если бы какому-нибудь любопытному вздумалось совать в них нос, волосков не оказалось бы на месте.

Телефонный собеседник Каттани, казалось, был вполне удовлетворен результатами произведенной проверки.

— Послушай-ка, — он снова обратился к комиссару. — Ты сказал, что задержал второго нападавшего. Что это за тип?

— Подонок, который вообразил себя бог знает кем. Мелкий мафиозо.

— Гм, — раздалось на другом конце провода. —

И ты считаешь через него выйти на кого-то поважнее?

— Перспективы весьма ободряющие, — ответил Каттани. Появившемуся на пороге Альтеро он показал жестом, чтобы тот вошел. — Уже просматриваются кое-какие связи, но чтобы получить доказательства, потребуются время и удача.

— А, понимаю, — собеседник выдержал паузу, словно прикидывая, удастся ли это комиссару. Потом, заканчивая разговор, сказал: — Ну, хорошо, продолжай в том же духе, дорогой Каттани. И если на этом фронте у тебя появится что-нибудь новенькое, держи меня в курсе.

Комиссар положил трубку и посмотрел на сидящего напротив Альтеро.

— Ну как дела?

— Мы перевезли Чиринна в Палермо, в тюрьму Уччардоне, — сказал Альтеро. — Теперь мне хотелось бы согласовать с вами дальнейшие шаги по этому делу.

Каттани с улыбкой, не спеша ответить, переменял тему разговора.

— Сказать по правде, я был о вас не очень-то высокого мнения.

Альтеро слегка нахмурился, но не выказал удивления.

— Я отдавал себе в этом отчет, — признался он.

— Теперь же мне все видится в другом свете, — произнес Каттани, постукивая карандашом по столу. — Подумав как следует, я пришел к выводу, что вашему поведению все же можно найти объяснение.

Альтеро заерзал на стуле.

— Какому поведению?

— Настало время открыть карты, — продолжал комиссар. — Речь идет о том пресловутом телефонном звонке, когда Маринео в ночь убийства позвонила какая-то женщина. Это была герцогиня Печчи-Шалойя. И не нужно сидеть с видом побитой собаки, дорогой Альтеро. Послушайте, что я скажу. Вы были в курсе любовной связи между Маринео и герцогиней Элеонорой. Титти вам позвонила, сказала, чтобы вы немедленно приезжали. Вы приезжаете и находите там два трупа. «Это все наделала моя мать, — рассказывает вам девушка. — Маринео должны были перевести в другой город, и мама впала в отчаяние, после стольких лет она не хотела его терять. Была ужасная сцена,

которая кончилась тем, что мать выхватила револьвер, застрелила Маринео, а потом пустила себе пулю в лоб». И вы, дорогой Альтеро, поверили этой версии. Впрочем, она весьма правдоподобна. Но здесь вы как поступили? Движимый чрезмерным желанием оградить память Маринео от пересудов, вы решаете, что труп комиссара должен исчезнуть из этого дома. Вы уважали своего начальника, отца семейства, о котором никогда не ходило слухов. Вам хотелось избежать скандала. Его роман с герцогиней должен был оставаться тайной и после смерти. Вы следите за моими словами? По этой причине вы, воспользовавшись темнотой, перенесли тело Маринео в оставленную им во дворе машину и бросили ее посреди той поляны, где она была обнаружена. Заключительный штрих вы добавили в своем докладе прокурору, где высказали предположение, что кто-то из осведомителей Маринео завлек его в ловушку. Прошу вас, дайте мне закончить. Таким образом, эти две смерти — комиссара и герцогини — стали выглядеть как два несвязанных между собой события, и их стали считать первую — убийством, а вторую — самоубийством.

Альтеро сидел, безвольно опустив руки, лицо его покраснело, он не в силах был произнести ни слова. Потом с мрачным видом пробормотал:

— Я готов сполна нести за это ответственность.

— Ах, да я и не думаю вас в чем-то обвинять. Только благодаря чистой случайности я нашел спички Маринео в доме Печчи-Шалойя. На коробке заметил пятнышко крови, по которому нетрудно было догадаться, что убили комиссара именно тут. Но вы не могли себе представить. Вам показался правдивым рассказ Титти, вы ей поверили. — Каттани подался вперед и, ударив ладонью по столу, добавил: — А девушка вам наврала, дорогой Альтеро, она вас сблала со следа. В действительности же в тот вечер там был еще один человек — этот хитрец Санте Чиринна. Да, да, именно он. Маринео взял его за грудки из-за Титти. Комиссар был привязан к ее матери и относился к Титти как к дочери. Он начал грозить этому мерзавцу, что уцепит его, если тот не оставит девушку в покое и не перестанет отравлять ее наркотиками. Вспыльчивый по характеру, Чиринна вышел из себя, кровь бросилась ему в голову. Он выхватил пистолет и в упор выстрелил в Маринео. Альтеро был ошарашен такой реконструкцией про-

исшедшего, на лице его отразились изумление и недоверие.

— А герцогиня? — спросил он. — Почему же она покончила с собой?

— Она не покричала с собой, — поправил его Каттани. — В отчаянии от убийства человека, которого любила, она обрушила весь гнев на Чиринна. «Не думай, что тебе это сойдет с рук, — грозила она ему. — я не намерена покрывать преступление такого уголовника, как ты». И Чиринна в слепом бешенстве поднял пистолет и прикончил также и герцогиню Элеонору. Потом заставил Титти позвонить вам. «Вызови Альтерро, — приказал он ей, — он знает про роман между Маринео и твоей матерью, скажи ему, что они убили друг друга, он придумает, как все уладить. Но только смотри, без всяких фокусов, не то у меня найдется пуля и для тебя». Здесь Чиринна вложил свой пистолет — номер на оружии был спилен — в руку герцогини и смылся.

— Да, — признал Альтерро, — теперь все сходится. Но я не могу понять одного: почему некоторое время назад вы высказали подозрение, что Маринео вовсе не был таким уж святым, каким я его считал.

Вместо ответа Каттани выдвинул ящик стола и извлек небольшую папку. Он вывалил ее содержимое на стол и принялся рыться в бумагах, пока не нашел то, что искал.

— Видите эту книжечку? Это корешки чеков, которые Маринео заполнял на вымышленное имя Фьордализо. Последний чек, вырванный из этой книжечки, послужил для покупки за триста миллионов квартиры в Салерно. Маринео собирался возвратиться в свой родной город и подготавливал себе жизнь без забот, когда он вскоре выйдет на пенсию. Чиринна его убил не только потому, что они поссорились из-за Титти. Маринео зашел слишком далеко в своих угрозах. Он грозился ни перед чем не остановиться, все взорвать и выйти из игры. А вам хорошо известно, дорогой Альтерро, что мафия не прощает угрызений совести и раскаяний.

Альтерро был подавлен обрушившимися на него разоблачениями.

— Этого я не ожидал, — только и мог сказать заместитель начальника оперативного отдела. — Это для меня страшный удар.

Он в отчаянии развел руками и весь как-то сжался

на стуле, его массивная фигура сразу стала словно меньше. Некоторое время помолчав, он продолжал:

— Но я не понимаю, почему вы сразу же не приказали мне арестовать Чиринна и подвергли себя риску — ведь этот сукин сын мог вас убить.

— У меня не было выбора. Чтобы доказать убийства Маринео и герцогини, у нас всего одна свидетельница, слишком хрупкая, чтобы выстоять на суде перед защитой, как нетрудно предвидеть, весьма агрессивной и не брезгующей никакими средствами. К тому же она наркоманка. Ничего не стоит ее дискредитировать, выдавать за фантазерку. Нет. Я должен был спровоцировать этого мерзавца Чиринна, заставить его сделать какой-нибудь опрометчивый шаг. И, судя по тому, как он себя повел, должен сказать, что вы в свое время дали точную характеристику этому негодю. Чиринна всего лишь хвостун, безмозглый бабник. Настоящий мафиози не терял бы так головы, как он. Подведем итог: мы поймали мелкую рыбешку, акулы плавают в более глубоких водах.

ОСКОЛКИ СУПРУЖЕСТВА

Прежняя мафия держалась подальше от наркотиков. Не столько из боязни угрызений совести, сколько из практических соображений. Алкоголь, азартные игры, рэкет считались невинными и законными средствами наживы. Если не хватать через край, даже полицейские власти иногда готовы были смотреть на это сквозь пальцы. Но наркотики другое дело. Крупные боссы сознавали, что вступать в эту грязную торговлю грозило слишком большим риском. Политические деятели, мечащие громы и молнии, полицейские, ведущие войну до последней капли крови... Нет, лучше не затеваться.

Первым позабыл о благоразумии Лаки Лючано. «Счастливчик» видел в наркотиках бизнес и был убежден, что мафия напрасно оставляет его в стороне, когда он сулит такую огромную наживу. К концу тридцатых годов Лючано ушел с головой в торговлю героином. Прежде чем эта мысль придет кому-нибудь другому, как говаривал он.

Тогда-то Сицилия и превратилась в базу, откуда уходил «товар», предназначенный для американского рынка. Продукты обработки мака прибывали на остров

морским путем из Турции и других восточных стран. Здесь они превращались в героин в оборудованных мафией подпольных лабораториях. Затем происходила отправка. Белый порошок прятали при помощи все новых, поистине гениальных уловок. Его отправляли в путь внутри кожуры апельсинов, яичной скорлупы, в полостях механизмов. Благодаря постоянно меняющимся остроумным и не вызывающим подозрения методам эта система, придуманная Лаки Лючано и усовершенствованная Джо Адонисом и Фрэнком Коппой, прекрасно функционирует поныне.

— Значит, теперь дошли до того, что героиню начиняют конфеты, — развел руками Каттани.

Один из полицейских продолжал вынимать из ящика белые коробки и складывать их на столе. Все они были точь-в-точь-такие, как коробка, принесенная доном Манфреди.

— Эй, хватит, хватит, ты мне завалишь весь стол!

Отворилась дверь, и на пороге появился Альтеро с подробным рапортом об операции по борьбе с наркотиками. Указав на ящик, он произнес:

— Мы обнаружили шестьдесят таких ящиков, уже опечатанных и готовых к отправке.

— Они работают масштабно, — отрываясь Каттани. — И что же говорят владельцы этой кондитерской фирмы «братья Капитуммо»?

— Рыдают. Клянутся, что никогда ничего не замечали. Это кто-нибудь из рабочих, говорят они, использовал доброе имя фирмы для преступной операции. Ничего себе объяснение!

— Да, неплохое, — задумчиво процедил Каттани. — При помощи ловкого адвоката им не составит особого труда заставить суд принять его как святую правду. Что дал обыск у Чиринна?

Альтеро полистал бумаги.

— Ничего. Парочка по всем правилам зарегистрированных пистолетов. Но зато мы задержали много мелких торговцев наркотиками. На улице, в одном ночном клубе, около школы. Я засадил за решетку также молодого барона Шечилли, жениха дочери банкира Раванузы. У него собственная маленькая плантация марихуаны.

Этот ответ поверг Каттани в уныние. Он оперся локтями о стол и опустил голову на руки.

— Этот список, дорогой Альтеро...

— Я еще не закончил. Если хотите, я продолжу.
— Нет уж, спасибо. Этот список, говорю я, меня не слишком радует. Надо брать повыше. Сменить методы. Что толку замечать эту мелкоту? Я считаю, необходимо схватить того, кто держит в руках все нити этой торговли. Вы со мной согласны?

Альтеро находился в некотором замешательстве и почувствовал облегчение, когда на столе зазвонил телефон. Каттани снял трубку и услышал голос жены. Столь упавший и расстроенный, что он встревожился:

— Что случилось?

— Ты не мог бы прийти домой?

— Сейчас? Но у меня уйма работы.

— А когда ты сможешь прийти?

— К ужину, хорошо? Что там еще стряслось?

— Нет-нет, ничего. Только не запаздывай, — умоляюще закончила Эльзе.

Каттани, помрачнев, опустил голову. С размаху плюхнулся обратно на стул, поглядел на свой стол, заваленный конфетными коробками, и лицо его приняло жесткое и решительное выражение.

— Уберите их, — отрывисто приказал он.

Полицейский, вздрогнув, как от удара хлыстом, в несколько секунд освободил стол, сбросив коробки обратно в ящик. Поднял и неслышно вынес его. Так же и Альтеро хотелось незаметно выскользнуть из кабинета, но он не находил повода. Потом, положив свой рапорт на стол, произнес:

— Вот, просмотрите, когда будет время...

И с этими словами исчез.

Оставшись один, Каттани подошел к металлическому шкафу. Вставил в замок ключ и, приподняв стопку бумаг, извлек из-под нее тетрадь. Раскрыл ее и стал перечитывать некоторые личные записи. Эти заметки не отражали в точности результаты ведущегося расследования — они скорее фиксировали возникающие у комиссара ощущения и мысли.

Быстро пробежав их глазами, он остановился на странице, посвященной Раванузе. В одном месте у него было записано: «Связующее звено с американской мафией? «Отмывает» через свой банк доходы от продажи наркотиков?» Глядя на эти вопросы, на которые он еще не мог дать ответа, Каттани тяжело вздохнул. Захлопнув тетрадь, снял телефонную трубку.

Он набрал номер Центра по лечению наркоманов.

Услышав искренний и сердечный голос дон Манфреды, приободрился.

— Иной раз, — признался он священнику, — меня одолевают сомнения, и кажется, что силы, стоящие на страже закона, становятся все менее эффективными. И распутать некоторые махинации делается невозможно.

— Вам нельзя падать духом, тем более сейчас, — воскликнул священник. — Ваше поведение многих удивило, но вместе с тем вдохнуло в людей надежду. Здесь у нас все привыкли держать язык за зубами, но уверяю: на вас смотрят и многого от вас ждут.

Каттани тем временем рассеянно рисовал на лежащем перед ним листке маленькие стрелки. От центральной точки тянулись в разные стороны длинные прямые линии. Каждая заканчивалась треугольничком. Эти стрелки образовывали звезды, целые связки. Когда он нервничал, это был его способ успокоиться.

— Да нет, я вовсе не собираюсь сдаваться, — горячо возразил он. — Я приехал сюда с намерением хорошенько поработать, и свои обязанности я выполняю до конца. — Казалось, этими словами он хотел сам себя подбодрить. — Ну а как обстоят дела с девушкой?

— Гораздо лучше, — ответил священник. — Сначала ей было нелегко, но сейчас как будто она попривыкла. Если вы немного подождете, я ее позову к телефону. Голос Титти звучал как-то сонно.

— У меня совершенно пустая голова, — сказала она. — Иногда с трудом брожу, словно у меня совсем нет сил.

— Дон Манфреды говорит, что у тебя появился хороший цвет лица.

— Неужели? Но я вовсе не хочу превращаться в южанку, толстенную и загорелую до черноты.

— Как только выдастся свободная минута, заеду тебя проводить. Ну и как тут живется?

— Хуже, чем в казарме. Подъем в семь утра, потом стелить постель, приготовить завтрак, стирать, гладить, работать в саду. Я совсем к этому не приучена. Болят руки, каждый мускул. Послушай, как долго ты намерен держать меня в карантине?

— Столько, сколько будет необходимо. Ты будешь панькающей?

— Ладно, несчастный шпик, обещаю вести себя хорошо, — сказала Титти.

Женщина, с которой он мечтает связать свою жизнь.

* * *

— «Потерпи, потерпи...» Ты мне это повторял до тошноты. А я уже не желаю терпеть. Мне надоело. — Эльзе злобно топала ногами. — Когда ты нужен, тебя никогда нет дома. Если я звоню по телефону, ты от меня отрываешься, вечно занят, дел выше головы. Да на кой ты мне сдался?

Каттани повернулся к ней спиной и, руки в карманах, пристально смотрел, как за окном садилось солнце. Хотя он ее и не видел, но прекрасно представлял каждый жест жены — она у него за спиной размахивала руками, морщила лоб, орала со своим французским акцентом, который когда-то ему так нравился, а теперь стал просто невыносим.

Женщина, от которой он мечтает избавиться.

Эльзе ненадолго замолчала. Как обычно, излив свою злость, она ощущала, как ей на смену в ней поднимается волна трогательной нежности и становишься мягче и ласковее. Сделав шаг вперед, она почти касалась спины мужа.

— Ну разве я виновата, что тебя люблю? — прошептала Эльзе.

Эти слова проняли его, он обернулся, взглянул в лицо жене.

— Мне не хотелось бы делать тебе больно, — сказал он, — но, может быть, я не самый подходящий для тебя человек.

Она обняла мужа и положила голову ему на плечо.

— Ну что ты, дорогой.

Сбоку на стене он заметил фотографию в рамке: они в день свадьбы. Каттани почувствовал, как от мыслей о прошлом у него что-то шевельнулось в душе.

— Вот уже несколько дней, — вновь заговорила Эльзе, — я сама не своя. Я просто в отчаянии.

— С чего это? Сегодня у тебя по телефону был ужасный тон.

— Потому что у меня на сердце тяжелым камнем лежит один секрет, — сказала она, слегка отстраняясь. — Лучше все сказать тебе, иначе я сойду с ума.

Она просунула руку под лашкан его пиджака. — Ты знаешь, где я была, когда тебя пытались застрелить? У Сантамарии, у него дома. Да, я спала с ним. Я дура. Хотела посмотреть, как ты будешь на это реагировать, хотела, чтобы ты наконец заметил, что я существую.

Она замолчала и внимательно смотрела на него, словно врач, желающий обнаружить симптомы болезни.

Сколько раз он задавал себе вопрос, как бы себя вел, если бы вдруг открыл, что жена ему изменила! Теперь он об этом узнал, но не испытывал ни гнева, ни досады. «Ну хорошо, ты это сделала, — подумал он, — так чего же теперь тебе от меня надо?» Он не только не придал признанию жены большого значения, но оно его даже обрадовало. Словно эта измена как по мановению волшебной палочки сразу освободила его от всякого чувства долга по отношению к жене.

Он вновь перевел взгляд на фотографию на стене. В вечерних сумерках на ней уже нельзя было ничего различить — лишь вырисовывался темный прямоугольник. Ему казалось, что так же и лицо стоявшей перед ним жены он видит где-то далеко и смутно, словно сквозь туман.

— В последнее время, — проговорил он холодно, — ты вела себя как одержимая, была совершенно невыносима. Возможно, ты подготавливала алиби для того, что сделала.

— Не говори так. Я в отчаянии. — Она пыталась сохранять спокойствие, но ее вновь захлестывала глухая злость. — Если бы ты был со мною рядом... Она била кулаками по его мощной груди. — Я тебя ненавижу. Вот так меня бросить после стольких лет, прожитых вместе. Я без звука следовала за тобой из одного конца Италии в другой. Каждый раз чужой город, новые люди и опять одиночество. Но я ни на что не обращала внимания, потому что со мною был ты. Пока мы были близки, я могла все вытерпеть...

— Ты эгоистка, — сказал он, теряя терпение. — Ты только и говоришь, что о себе, о своих желаниях и переживаниях. До других тебе нет никакого дела. Неужели за все это время ты даже на минутку не задумалась о том, что, может быть, я тоже чего-то от тебя ожидаю? Что и мои проблемы заслуживают того, чтобы к ним отнестись с должным вниманием?

Она уже не сдерживала свою ярость.

— Ты загубил мою жизнь. Тринадцать лет я была

твоей верной собачкой, а теперь ты попрекаешь меня, что я о тебе не заботилась. Как только у тебя хватает наглости... И что же, по-твоему, мне теперь делать? Уложить вещи и сказать: «До свидания»? Неужели мы дошли до этого?

— Не знаю, — сказал он. — Поступай как хочешь.

— А ты, значит, умываешь руки? Вместо того чтобы помочь мне, предпочитаешь меня бросить. Теперь я тебе противна, ты считаешь меня шлюхой...

Эльзе бросилась на диван и, закрыв лицо руками, разрыдалась неудержимыми рыданиями.

Прибежала дочь. Она застыла на пороге, лицо ее отражало глубочайшее изумление. Потом мелкими шажками, ступая на цыпочках, она приблизилась к матери. Опустилась на колени рядом с диваном и принялась ее утешать.

— Мама, не плачь!

Не глядя на отца, обратилась к нему:

— Всякий раз, когда ты приходишь домой, ты ее мучаешь. Спокойнее, когда тебя нет.

Для Каттани эти слова были как острый нож. Внезапно он до конца осознал свое одиночество и подумал о том, что у него осталась только любовь к работе, о том, что жена никогда его не понимала и настроила против него и дочь. Исполненный чувства горечи, словно оглушенный, он топтался на месте. Неловким движением задел керамическую вазу, она упала на пол и разлетелась на множество мелких острых осколков.

Звон осколков отозвался в голове у Каттани оглушительным грохотом. Так разлетелась, разбившись вдребезги, его семейная жизнь.

* * *

Когда Нанни Сантамария получил вызов к Каттани в полицейское управление, он здорово струхнул, ожидая нагоняя и бог знает каких угроз. Лучше было бы держаться подальше от этой красотки — жены комиссара. Поэтому он переступил порог полиции, поджав хвост и приготовив длинную фразу, полную оправданий. Он повторял ее про себя, чтобы не забыть и выпалить, если его припрут к стене.

Он ерзал на стуле, то клал ногу на ногу, то откидывался — сидел как на иголках, не поднимая глаз. Его несколько удивило, когда Каттани сказал, что вызвал

его, чтобы предложить одну работу. «Или лучше сказать, — тотчас уточнил комиссар, — попросить вас об одном одолжении». «Начинает издавека», — подумал журналист.

— Видите ли, — сразу перешел к делу Каттани, — мне хотелось бы обратиться к гражданам этого города по вашему телевидению. И я подумал, что наиболее подходящая и действительная форма — интервью.

Еще с подозрением, недоверчиво журналист поднял глаза и впервые с начала разговора прямо взглянул в лицо Каттани.

— Значит, просьба состоит в том, чтобы я взял у вас интервью?

— Вот именно. Только одно условие: мы должны будем заранее согласовать вопросы.

Поскольку вид у Сантамарии был несколько растерянный, комиссар спросил, что у него вызывает сомнения и согласен ли он вообще на такое сотрудничество. Журналист, словно очнувшись от ночного кошмара, заверил его, что все в полном порядке, я, не скрывая своего глубокого облегчения, добавил, что сочтет за честь пригласить Каттани в свою телестудию.

Потом, по-прежнему с опаской, спросил, не собирался ли комиссар еще о чем-нибудь с ним поговорить.

— Нет, это все, — ответил, прощаясь, Каттани.

ПРАВИЛЬНЫЙ ШАГ

Идею эту подал брат Сантамарии — дон Манфреди. «Люди смотрят на вас, — сказал как-то священник, — они помалкивают, но внимательно следят за каждым вашим шагом». И уже тогда он твердо про себя решил, что обратится к этим людям, которые смотрят на него. Он хотел заключить с ними своего рода соглашение. И выполнить свой долг: информировать граждан о том, как продвигается расследование и какие цели он перед собой ставит. Как знать, надеялся он, а вдруг со временем кто-нибудь проникнется к нему таким доверием, что сообщит какие-то важные сведения. Пропасть, существующая между полицией и широкой общественностью, всегда заботила его.

Каттани прочистил горло, поправил галстук и подавая Сантамарию, что готов. В квартирах многих семей смотревших программу Сици-ТВ, на экране появлялся

слащаво улыбающаяся физиономия ведущего, который объявил: «Сенсационное событие, дорогие друзья, — интервью с комиссаром полиции Каттани, который расскажет нам о недавних преступлениях мафии».

Телекамера показала сосредоточенное лицо комиссара, в том время как Сантамария за кадром задавал ему первый вопрос.

— Разумеется, — отвечал Каттани, — я не могу обнародовать все до конца. Многие еще должны оставаться в секрете. Но кое в чем мы в нашем расследовании, несомненно, продвинулись. И я со спокойной совестью без ложной скромности могу вам сказать, что удовлетворен первыми результатами.

Он напомнил («для тех, кто этого не знает»), что его перевели на Сицилию только недавно. И сразу же ему пришлось столкнуться с несколькими случаями убийства.

— Благодаря некоторому везению, — добавил он, — мне удалось распутать до конца обстоятельства убийства Маринео, а сейчас, надеюсь, я уже близок к разгадке убийства Де Марии.

Журналист задал следующий вопрос.

Каттани продолжал:

— Что в настоящий момент я собираюсь предпринять? Я постараюсь поглубже проникнуть в тот провинциальный, продажный мирок, существование которого вскрылось в результате расследования этих двух убийств. Скажем так: подобно Тезею из известного мифа, я держу в руках нить и обещаю вам следовать за ней до конца. Имя этой нити — деньги, и, насколько мне удалось установить, она связывает некоторых влиятельных представителей местного общества с теми, кто действует в Риме, Милане и даже еще дальше — за океаном.

* * *

Через два дня после этого короткого выступления по телевидению Каттани был вызван к областному прокурору Скардоне. Он терпеть не мог этого чиновника, для которого на первом месте — избежать каких-либо хлопот и неприятностей; у него вошло в привычку откладывать все вопросы в долгий ящик, лишь бы не принимать на себя ответственность.

Прокурор встретил Каттани ироническим смехом: — Наш комиссар стал телевизионной звездой! —

И протянул ему пухлую, мягкую руку. — Вы знаете, наше шоу вызвало отклики даже в Риме, — произнес он таким тоном, каким делают выговор напуганному ребенку. — Из министерства у меня затребовали кассету с записью.

Каттани позволил себе саркастически пошутить: — Дело идет к тому, что скоро объектом следствия стану я сам.

— О нет, нет, совсем напротив, — попытался исправить впечатление от своих слов прокурор. И, не спеша покачиваясь в кресле, с удовлетворением проговорил: — Они одобрили, они одобрили вашу инициативу.

— Что ж, приятно слышать, — коротко ответил Каттани. — А вы, господин прокурор, как на это смотрите?

— Признаюсь, сперва был решительно против. Увидев вас на экране телевизора, я, честно сказать, не поверил своим глазам. «Ну что еще там придумал этот комиссар?» — спросил я себя. Однако теперь, взвесив все обстоятельства, мне не хочется вас упрекать. Так говорить, как вы говорили, с таким тактом, пытаться пробудить в людях совесть... Да, да, это был правильный шаг!

* * *

Выйдя из кабинета прокурора, Каттани взглянул на часы и решил, что успеет навестить Титти. Он хотел поддержать ее дух, чтобы не чувствовала она себя одинокой, что роковым образом могло помешать ее исцелению.

В Центре лечения наркоманов донна Манфреди он обнаружил довольно странную компанию. Какой-то длинный парень со светлыми волосами до плеч и повязкой вокруг головы был занят тем, что полон сорняки в саду. Другой, маленький и худенький, с глазами как шелки, похожий на подростка, прошел мимо, толкая перед собой тачку, доверху груженную пакетами. Потом встретила девушка, которая, наверно, посмотрела фильм про любовь: в волосах у нее были цветы, а одета она была в развевающеся на ветру воздушное шелковое платье. У всех был занятой и вместе с тем какой-то необычно радостный вид.

Титти отложила блузку, которую она вышивала

и последовала за Каттани. Он про себя отметил, что, судя по ее виду, дело идет на поправку.

— Ну, — помолчав немного, спросила она, — как ты находишь больную?

— Я бы сказал, что она хорошо играет свою роль, — усмехнувшись, ответил Каттани.

— Ты непрерывно беспокоишься обо мне. А сама ты как? Как дела с женой?

Лицо комиссара омрачилось.

— Все кончено, — сказал он. — Этот вопрос исчерпан, и я к нему не хочу возвращаться.

Титти, казалось, досадовала на себя, что своим вопросом испортила ему настроение. Меняя тему разговора, она сказала:

— Иногда меня охватывает ужасный страх.

— Кого ты боишься?

— Его. Я боюсь, что вдруг, неожиданно, он появится передо мной. Этот Чиринна со своими проклятыми наркотиками превратился в какой-то кошмар, иногда мне снится, что он утаскивает меня отсюда.

Каттани внимательно посмотрел на нее и легко коснулся пальцами ее подбородка.

— У тебя нет никаких причин беспокоиться, — сказал он. — Чиринна сидит в тюрьме, и ему предстоит еще долго там оставаться.

— Да, но этот человек вселяет в меня ужас, даже если он в тюрьме.

— Здесь, у входа, днем и ночью дежурят двое полицейских.

Услышав это, Титти не могла скрыть своего удивления.

— Ты охраняешь мою жизнь, — спросила она, — потому что я — главная свидетельница?

— Дело не в этом, — ответил Каттани. — Я забочусь о твоей личной безопасности прежде всего потому, что это ты.

Девушка не могла скрыть своего замешательства и, не найдя что сказать, только пожала плечами. Потом долго не отрывала глаз от лица комиссара, словно изучая его, и наконец спросила:

— Но чего ты от меня хочешь?

Да, в самом деле, чего он от нее хочет? «Правильный вопрос», — подумал Каттани. Он прекрасно понимал всю двусмысленность ситуации и на-

конец, чтобы положить конец неловкому молчанию, произнес:

— Ты мне очень дорога.

* * *

Вернувшись в тот вечер домой, он не нашел на столе ужина. Не делая из этого трагедии, зажег газ, взял сковородку и сделал себе яичницу — единственное блюдо, которое он с детства умел приготовить. Налил себе стакан пива и сел за стол. Тут он услышал, как в кухню вошла жена. Не обращая на нее никакого внимания, он продолжал есть свою яичницу.

Эльзе была вся напряжена и с трудом сдерживала глущую злость. Она взяла чашку, которую до того поставила на холодильник, и открыла дверцу шкафчика, чтобы водворить ее на место. Но движения ее были столь нервные и неуправляемые, что чашка упала на пол и разбилась.

— Да что с тобой? — раздраженно спросил он.

Эльзе театральным жестом развела руки и, оглядев себя сверху донизу, сказала:

— Вот видишь, что ты со мной сделал. Нервы ни к черту. Я вся издергана. Я этого не выдержу.

Он, держа себя в руках, холодно проговорил:

— Если хочешь мне все изложить, валяй сейчас, чтобы потом никогда к этому больше не возвращаться.

Эльзе вся словно окаменела. Губы у нее были плотно сжаты. И вдруг она изо всех сил дала мужу пощечину.

— Ты сам довел меня до этого. Не могу тебя больше выносить. На следующей неделе сяду в поезд и уеду. Освобожу тебя от своего присутствия.

Комиссар попытался не терять спокойствия.

— Не смогли бы мы разрешить этот вопрос как цивилизованные люди? — сказал он. — Тем более это касается и девочки.

Эльзе в знак согласия слегка кивнула. И покачала головой, словно признавая, что вела себя глупо. Теперь, дав выход нервному напряжению, Эльзе чувствовала себя наконец опустошенной.

В тот вечер они больше не обменялись ни словом. Когда настало время ложиться спать, комиссар достал из шкафа одеяло и простыни и постелил себе на диване.

Сереньким ноябрьским утром на вокзале Трапани Каттани помог жене погрузить в поезд чемоданы. В конце концов оба пришли к выводу, что для них будет лучше пожить вдали друг от друга. Если эксперимент удастся, то есть если они затоскуют по семейной жизни, то вновь съедутся. Если же нет — каждый пойдет своей дорогой.

Некоторое время Эльзе собиралась пожить в Милане, где у нее много знакомых и друзей. Потом, возможно, она покинет Италию и поселится во французском городке Эвиан, где родилась. Что же касается девочки, то Каттани не возражал против того, что мать увезет ее с собой. «Да, я вряд ли смогу о ней как следует заботиться», — уступчиво соглашался он.

До отхода поезда оставалось всего несколько минут. Опаздывавшие пассажиры прибавляли шаг, громко окликали друг друга. Каттани с женой обменялись поцелуем — вернее, только сделали вид, что поцеловались. Потом он нагнулся — попрощался с дочерью. Но Паола, которая внешне спокойно переносила разрыв между родителями, вдруг повела себя совершенно неожиданно. Обхватив руками отца за шею, она принялась кричать во весь голос:

— Я не хочу уезжать, не хочу с тобой расставаться! — И разразилась неудержимыми рыданиями. — Папа, возьми меня к себе!

Ошеломленный этой сценой, которой он никак не ожидал, Каттани стоял в полной растерянности. Потом попытался успокоить Паолу лаской.

— Не волнуйся, — шептал он ей на ухо. — Папа приедет навестить тебя в Милан. И обещаю, что все каникулы ты будешь проводить здесь, со мной.

Но все уговоры были тщетны. Тем временем на перроне появилась приземистая фигура дежурного по станции, в красной фуражке, со светящимся жезлом в одной руке и свистком — в другой. Еще секунда — другая, и поезд отправится. Паола вдруг выскользнула из объятий отца и пустилась бегом ко входу в здание вокзала. Ее было уже не догнать. Она бежала легко и решительно, длинные волосы развеивались по ветру, словно флаг.

Эльзе в досаде и огорчении застыла на площадке вагона.

— О боже, — прошептала она, — за что ты отнимаешь у меня и ее?

Дежурный поднес к губам свисток.

— Не будем устраивать спектакль, — торопливо сказал Каттани. — Я не смогу держать ее у себя. При всем желании не могу ухаживать за ней. Поэтому ты сейчас уезжай, а я ее отправлю в Милан самолетом, как только сумею уговорить. Может быть, я пришлю ее даже сегодня.

— Закрыть двери! — прокричал дежурный, и под громкое хлопанье дверей он трижды просвистел в свой свисток. При третьем свистке поезд с лязгом дернулся и тронулся в путь.

* * *

Сидя у себя в служебном кабинете, Каттани приглядывался к дочери. Девочка уже почти совсем успокоилась и, пристроившись рядом с ним за столом, рисовала. Наверно, он слишком долго не уделял этой девочке сколько-нибудь внимания и теперь чувствовал, как его захлестывает необыкновенная нежность. Но тут же пришла тревожная мысль: что будет, если дочь останется у него навсегда? «Мне просто не справиться, — думал он. — Отправлять в школу, следить за уроками, кормить, одевать... Нет, я не создан для такого».

Подстегиваемый этой мыслью, он придвинулся еще ближе к Паоле и сказал:

— Слушай, давай заключим с тобой соглашение. Завтра ты отправишься к маме, я посажу тебя на самолет. А время от времени ты будешь приезжать ко мне. Я это организую, буду брать на несколько дней отпуск, и мы всегда будем проводить его вместе.

Но девочка не поддавалась никаким уговорам.

— Я никуда не поеду, — твердила она.

Каттани начал терять терпение. Он попробовал повысить голос:

— Нет, ты поедешь. Не хочешь по-хорошему, я заставляю тебя.

— Даже и не надейся, — столь же решительно заявила Паола. — Если будешь заставлять меня, я выброшусь из окна.

У отца не было сил отвечать. Он положил руку на плечико дочери. Опустился рядом с ней на колени

и стал изучать ее лицо, словно никогда раньше не видел. Потом взял за руку и сказал:

— Ну ладно. Сейчас мне надо уйти по делу. Ты оставайся здесь, а когда вернусь, поговорим.

— Нет, — упрямо возразила она. — Мы с тобой больше не будем говорить.

— Почему? Ты не хочешь со мной разговаривать?

— Нет, конечно, хочу. Но только не об отъезде.

— Хорошо, маленькая упрямец. Что-нибудь да придумаем.

Часа через два Каттани возвратился. Паола показала ему листок бумаги.

— Я написала письмо маме, — сказала девочка.

Отец взял листок и прочел: «Дорогая мама, я думаю, что папа любит меня так же, как и ты...»

* * *

На письменном столе Альтеро оставался свободным лишь маленький уголок — все остальное пространство было завалено горами бумаг. На этом уголке заместитель начальника отдела и работал, выглядывая, словно из засады, из-за бумажных баррикад. Время от времени осторожным и точным, как у фармацевта, движением он извлекал из груды папок нужный документ. Приглядываясь к нему, делал заметки и так же ловко возвращал на место.

— Как дела?

Услышав голос вошедшего Каттани, Альтеро поднял свое массивное тело и доложил о ходе расследования. Не вдаваясь в подробности, подчеркнул, что собрал уйму сведений о новых богачах в городе. А теперь отбирает и вносит в особый список имена тех, кто, как подсказывает ему нюх, вызывает наибольшие подозрения.

Каттани признался, что именно такого списка от него и ждал. Чтобы провести эффективную операцию, необходимо иметь перед глазами полную картину распределения капиталов в городе. Сосредоточить внимание на тех, кто нажил огромное богатство за короткое время, и потребовать у них объяснения, откуда эти суммы. Новый закон по борьбе с мафией позволяет это делать, но загвоздка в том, добавил он, что предварительно надо добиться разрешения прокурора — «этого трусливого перестраховщика».

случится, — сказал он мне, — пойдй поговори с тем комиссаром, который ко мне приходил, и передай ему, что я готов все ему рассказать, но только при условии, что он распорядится перевести меня в другую тюрьму».

Каттани спросил девушку, знает ли она, кому принадлежало агентство путешествий, в котором служил ее брат. «Еще бы, — ответила она, — Владелец агентства — банкир Равануза. Агентство поспешно ликвидировали, как только разразился скандал».

Комиссар остолбенел. Он предполагал, что Де Мария заплатил собственной жизнью, узнав нечто очень важное, но не мог даже вообразить, что речь идет о таких разоблачениях. Боясь, что ослышался, Каттани переспросил девушку, уверена ли она, что главой фирмы был Равануза. Она ответила, что это вне сомнений.

— Вы шутите? Именно Равануза сам назначил моего брата на должность.

Впрочем, чтобы окончательно убедиться, нетрудно проверить. Каттани решил заняться этим немедленно. И дал девушке слово, что завтра же утром посетит ее брата. Появилась еще одна козырная карта.

— Когда вы в последний раз видели брата? — спросил Каттани.

— Вчера. Клянусь вам, его невозможно узнать — так он исхудал. Кожа да кости. Поговорите с ним, вы сделаете доброе дело. Ах да, сейчас я вспоминаю, что в зале свиданий заметила и мерзкую рожу Чиринна, к которому пришла целая толпа родственников.

— А Чиринна видел, как вы разговаривали с братом? — встревоженно спросил Каттани.

— Наверняка видел.

* * *

Брат Анны делил камеру с каким-то приземистым парнем с багрово-красной физиономией. В тот вечер, несколько часов спустя после разговора девушки с комиссаром, в глазок камеры заглянул охранник. Открыв дверь, он подмигнул краснокожему и сказал:

— Забирай свои шмотки и иди за мной.

Парень привстал на койке.

— Что случилось?

— Ничего. Тебя переводят в другую камеру.

Брат Анны, когда уводили соседа, спросил, почему его оставляют одного.

— А я почему знаю? — обернувшись, осклабился охранник. — Видно, у тебя на небе есть какой-то святой заступник, раз предоставляют отдельную камеру.

На следующее утро Каттани приехал в палермскую тюрьму Уччардоне и потребовал свидания с заключенным Карузо. После необычно долгого ожидания комиссар увидел, что к нему с явно смущенным и растерянным видом направляется начальник тюрьмы. Он сказал, что случилось несчастье. Когда охранник пошел вызывать из камеры Карузо, то сделал страшное открытие: парень покончил с собой (начальник тюрьмы произнес это подчеркнуто четко, чуть ли не скандируя по слогам). Карузо свил веревку из разорванной на ленточки простыни, сделал петлю и, встав на койку, привязал другой конец веревки к решетке окна. Его нашли висящим в петле и без признаков жизни.

Каттани не мог вымолвить ни слова. Его сиедали ярость и чувство собственного бессилия. Кому они пытаются пудрить мозги? Этот парень, яснее ясного, и не думал кончать самоубийством. Его прикончили, чтобы окончательно обезвредить. Он был как мина замедленного действия, которая может в любую минуту взорваться и всех их уничтожить.

Однако в этой мерзкой истории, размышлял Каттани, все же имеется один позитивный момент: убийство Карузо является бесспорным подтверждением всего того, что рассказала его сестра. А также свидетельствует о том, что Равануза — одна из центральных фигур преступной организации, которая пустила глубокие корни и ведет очень крупную игру.

* * *

В жизни бывают моменты, когда все огорчения и неприятности будто сливаются воедино. Именно такую минуту тогда переживал Каттани. Его ужасала эта непрерывная цепь убийств, эти трупы, число которых все растет и которым не видно конца, и нет конкретной перспективы в борьбе с преступниками. Черт дер, зачем он только соблазнился стать полицейским? Послушал бы отца, хотевшего, чтобы он стал адвокатом, теперь безбедно жил-поживал бы на денежки из карманов своих клиентов.

Он никогда не увлекался алкоголем. И сейчас даже

пожалел об этом. Если бы напиться, может, хоть это принесет некоторое облегчение. Ему хотелось как-то забыться, избавиться от засевшей гвоздем в мозгу мысли об этом очередном мертвце.

Вдруг ему показалось, что он нашел подходящее решение. Он вскочил в машину и на полной скорости помчался в Центр дона Манфреди. Договорился, чтобы Титти отпустили на целый вечер, и повел ее ужинать в ресторан на берегу моря. Он попросил девушку рассказать о своем древнем роде и сидел, с любопытством слушая истории о кардиналах, военачальниках, искателях приключений, хитроумных тетушках и любившем весело пожить папаше, который разделил состояние на две равные доли: одну записал на имя жены и Титти, а другую оставил себе, чтобы промотать за карточным столом и на женщин.

После ужина они отправились в пустовавшее палаццо Титти. И комиссар попытался узнать на украшавших стены огромных портретах те персонажи, о достоинствах и недостатках которых ему так живописно рассказала девушка.

Титти помогала ему в этой игре. Она смеялась. Ее личико заметно округлилось, кожа стала нежнее, на щеках появился румянец. Каттани не мог оторвать от нее глаз.

— Знаешь, я заметил, — сказал он, — что, когда я тебя не вижу, мне тебя очень не хватает.

Она взяла его лицо в ладони и притянула к себе.

— Ты сильно рискуешь, комиссар, — прошептала Титти. — Ты нашел умирающую и вдохнул в нее любовь к жизни.

Они улеглись на старинную кровать с балдахином и занялись любовью под строгими взглядами предков.

* * *

Возвратясь поздно вечером домой, Каттани нашел свет зажженным. И был неприятно удивлен, увидев дочь спящей перед включенным телевизором, на экране которого мелькали кадры какого-то фильма ужасов.

Он осторожно поднял девочку, чтобы отнести в постель, но она все-таки проснулась.

— Папа, ты пришел? — спросила Паола, вновь закрывая глаза.

— Да, малышка. Я надеялся найти тебя уже в постели.

— Мне было немножко страшно. В следующий раз, когда будешь запаздывать, звони мне по телефону.

Он опустил ее на кровать, заботливо подоткнул одеяло и убедился, что она вновь спит.

Каттани уже ложился сам, когда раздался телефонный звонок.

— Наконец-то вернулся. — Это была жена. — Я звонила уже несколько раз, но тебя все не было. Вечно оставляешь девочку одну.

— Когда смогу, я сижу с ней.

— Ты был у герцогини, не так ли?

— Да, у нее, но ты напрасно на нее злишься. Причина нашего с тобой разрыва не в ней. Причина отчасти у тебе самой, а отчасти — во мне, так как я очень изменился.

— Ты вызываешь у меня ненависть, — прошипела Эльзе и повесила трубку.

ИДЕЯ, НАТОЛКНУВШАЯСЯ НА ПРЕПЯТСТВИЯ

Скардоне слегка приподнял брови.

— Значит, вы задумали, — сказал он, — считать деньги в чужих карманах. Вы хотите прижать к стене тех, кто в короткое время обогатился, и потребовать у них объяснений, каким образом они накопили свое состояние. Я верно говорю?

Прокурор поерзал в кресле и продолжал:

— По вашему мнению, закон по борьбе с мафией дает нам право осуществлять такой контроль. Но, дорогой комиссар, законы сухи, абстрактны. Это мы должны вдохнуть в них жизнь, понять их потаенный смысл и применять в конкретных условиях. Это мне как прокурору надлежит в каждом отдельном случае решать, существуют ли такие обстоятельства, которые оправдывали бы всю эту кутерьму.

— Должен сказать, сделанные вами замечания мне не кажутся убедительными, — возразил Каттани. И, указывая на свою докладную, лежащую на столе перед прокурором, добавил: — Я считаю, что имею полное право провести это расследование о доходах. Вот здесь я собрал самые подозрительные случаи обогащения. Рыбаки, которые неожиданно стали владельцами цело-

го маленького флота, каменщики, открывшие собственное дело и процветающие благодаря муниципальным подрядам, мелкие чиновники, на которых вдруг неизвестно откуда обрушился поток миллионов...

Прокурор, явно раздосадованный, тяжело вздохнул. До чего же все-таки упрям этот комиссар.

Кончиком среднего пальца поправив сползавшие на нос очки, спросил:

— Извините, но вы считаете виной, если человек разбогател? — Он смотрел на Каттани синхронно, как на ребенка. — Ведь эти господа прекрасным образом могут оказаться честнейшими гражданами. И свои деньги они, возможно, заработали, трудясь в поте лица.

— Конечно, конечно, господин прокурор. Однако позвольте высказать некоторое сомнение. Не кажется ли вам странным, например, что все эти люди получили щедрые субсидии от банка Раванузы? Какой банк предоставит без всякой гарантии свои фонды рыбакам и разнорабочим? Без всякой надежды на получение выгоды? — Теперь уже Каттани глядел на прокурора, как на наивного простака. — Во всяком случае, заранее я никого не собираюсь обвинять. Хочу только проверить, законно ли они обогатились. Если все в порядке, то тем лучше.

— Вот это-то меня и беспокоит, — сказал прокурор, которому разговор начал надоедать. — Вы хотите всех поставить на одну доску. Проверять всех подряд, без всякого разбора. И вас не волнует, что среди них могут оказаться уважаемые люди. Но вы отдааете себе отчет в последствиях такой широкой операции? Это перевернет вверх дном весь город. А вы подумали об ущербе, который можно нанести ни в чем не повинным людям? Мой дорогой, мы с вами на Сицилии. Даже если из наших проверок человек выйдет с высоко поднятой головой, в глазах остальных он все равно обесчещен, с ним все кончено. Не обижайтесь, Каттани, если на ваше предложение я говорю «нет». Такие люди, как вы, мне нравятся. Вы инициативны, полны идей. Но постарайтесь понять и мою точку зрения.

— Я все понимаю, — проговорил Каттани, — но убежден, что победить мафию мы сможем, только проявив немножко смелости и чуточку фантазии.

— Сохраняя при этом уважение к добродетельным гражданам, — весомо произнес прокурор. — Я не могу позволить развернуть против мафии кампанию,

которая могла бы задеть ничем не запятанных людей. Вы мне принесите данные, свидетельствующие о том, что такой-то и такой-то подозревается в принадлежности к мафии, и тогда я санкционирую проведение всех проверок, какие вы только пожелаете. Но действовать так, вслепую, нельзя.

* * *

Что же теперь делать? Каттани чувствовал, что руки у него связаны, и не находили себе покоя. Разумеется, он не согласится вот так топтаться на месте, не решаясь дать бой. После долгих размышлений он решил попытаться пойти окольным путем — ведь именно окольный путь иной раз оказывается самым коротким. Поскольку прокурор возражает против его предложений, надо попробовать надавить на него сверху.

Все надежды он возлагал на Каннито — своего влиятельного столичного друга. Сел на самолет и отправился к нему в Рим. Теперь тот занимал ответственный пост — стал начальником отдела «Зет» секретной службы. Каннито принял комиссара в своем просторном кабинете, в бельэтаже старинного римского палаццо.

— Я не сомневался, что вам это удастся, — поздравил его Каттани.

— Жизнь, любезный друг, подобна лестнице, — усмехнулся тот, весь с иголочки и благоухающий, словно только что из парикмахерской, — то спускаешься, то поднимаешься.

— Прошу извинить за мою настойчивость, — сразу перешел к делу Каттани, — но там, на Сицилии, я словно попал в стадо овец. Никто не хочет брать на себя ответственность, всегда находят подходящую отговорку, чтобы уйти в кусты. Я решился просить у вас поддержки. Достаточно одного лишь легкого толчка с вашей стороны, и весь механизм сразу бы заработал.

— Я не совсем понимаю, о чем идет речь.

— Сейчас, ваше превосходительство, вы все поймете.

И комиссар положил перед ним копии докладной, представленной прокурору.

Читая докладную страница за страницей, его превосходительство отмечал отдельные места то мычанием, то восклицаниями.

— Гм... Черт возьми!.. Однако...

Наконец захлопнул папку и положил на нее руку.

— Любопытная история, — проговорил он сухо. Все его жизнерадостное оживление вдруг куда-то пропало. — Но я не вижу, чем я мог бы быть тебе полезен.

— Воздействовать на прокурора, ваше превосходительство, — подсказал Каттани. — Без всякого сомнения, он считается со звонком из Рима.

Каннито молчал, и комиссару показалось, что опатрона начинает веять чуть ощутимой враждебностью.

— Да уж, никак не скажешь, что ты хоть кого-нибудь жалуешь, — наконец произнес он. — Тут и банкиры, и подрядчики. И все, по-твоему, разбогатели на наркотиках.

— Я не могу в этом покаяться, — возразил Каттани, — но у меня имеются достаточные основания это подозревать, и для очистки совести мне хотелось бы убедиться, правильны ли мои подозрения. Вы слушаете меня?

— Да, да, конечно.

Его превосходительство, казалось, утомил этот натиск, и он поспешил попроситься с комиссаром, заверив, что позвонит прокурору.

— Попробую уговорить его, хотя, думаю, это будет не очень-то легко. Да не надо так торопиться. Вы бросились в атаку сломя голову.

* * *

На следующий же день влиятельное лицо из Рима вызвало по телефону прокурора Гириа Трапани. Прокурор, казалось, был польщен этим звонком, сказал, что для него слышать голос его превосходительства «огромное удовольствие», и начал рассыпаться в комплиментах и слащавых поздравлениях с «заслуженным назначением на столь престижный новый высокий пост». Наконец он спросил:

— Но скажите, чем могу вам служить?

Услышав о поездке Каттани в Рим, прокурор расхохотался:

— Ну этот молодой человек зря времени не теряет! Замечательный парень, старательный, его рвение достойно всяческого восхищения. Но он хочет отдать под следствие полгорода. Вы же понимаете, что это невоз-

можно. Я знаю, что он ваш протеже. Конечно, весьма ценный работник, ничего не скажешь...

Из Рима донесся произнесенный раздраженным тоном ответ, который поверг прокурора в изумление:

— С чего вы взяли? Какой протеже? Пора бы нам в государственных органах перестать употреблять подобные выражения. Этот парень всего лишь способный сыщик, он был моим учеником в Высшей школе полиции. Это вовсе не означает, что я должен поддерживать все его фантазии. А этот его проект насчет проверки капиталов, по правде говоря, мне кажется просто нелепостью.

Не сразу оправившись от удивления, прокурор осторожно заметил:

— Вы знаете, меня тоже смутила эта идея.

— Тут нечего приходить в смущение, — без всяких обиняков изрек собеседник. — Вы должны воспротивиться — и дело с концом. Мне кажется, это ваш долг.

— Я не совсем понимаю, ваше превосходительство. — Лицо прокурора несколько омрачилось. Этот выскомерный тон начинал его раздражать.

— Но это же, черт возьми, очень просто. Если вы разрешите распространить проверку на всех указанных в списке лиц, это может привести к непредсказуемым последствиям в социальном плане. Возникнут проблемы с поддержанием общественного порядка. И вся ответственность ляжет лично на вас.

Прокурор похолодел. Он не мог поверить, что этот человек смеет говорить с ним так резко и грубо. С ним, прокурором республики? В нем нарастало глубокое возмущение. Чувство собственного достоинства заставило его выпрямиться в кресле.

— Позвольте заметить, ваше превосходительство, — сказал он, и в голосе его не было ни следа почтительности, — что мы с вами представляем два различных органа государственной власти. Если вы желаете обсудить со мной предложение, выдвинутое полицейским комиссаром, я буду счастлив выслушать ваши доводы. Но если вы собираетесь учить меня моему ремеслу, то, простите, я не желаю этого слушать. Мне уже скоро на пенсию, и без ложной скромности могу сказать, что я уже достаточно многому научился в жизни.

— Да что вы несете? — бесцеремонно прервал его собеседник. — Какие еще два различных органа государственной власти? Если они и различны, то дол-

у всех, кто служит государству, один: И состоит он в том, чтобы обеспечить общественный порядок и уважение к честным людям. Я не осуждаю этих молодых, которые пополняют свои досье и думают только о карьере. Однако мы, ответственные лица, должны сдерживать их, следить, чтобы они не навредили всяким глупостям. Вы меня поняли? Я прошу вас об этом: держать меня в курсе того, как будет развиваться эта история.

— Другими словами, — сказал прокурор, — вы просите меня передавать вам информацию.

— А почему бы и нет? Вам не кажется, что это может быть выгодно и для вас? Ах, ах, дорогой прокурор, ну зачем сердиться? Считайте, что у вас тут, в Риме, есть друг. Но только прошу вас: все это должно остаться между нами. До следующего телефонного разговора, мой дорогой.

Наглость этого римского начальника глубоко задела прокурора и породила в нем мстительное чувство. Открыв ящик стола, он достал коробочку с таблетками, которые принимал, когда раздражение вызывало резкие боли в желудке.

Когда боль прошла, он снял трубку и позвонил комиссару Каттани.

— Зайдите ко мне, — коротко сказал прокурор.

Когда комиссар явился, он долго смотрел изучающе на него сквозь свои очки с золотыми ободками.

— Я решил санкционировать предложенную вами проверку, — объявил он. И добавил непонятное: — Надеюсь, что не окажу вам дурную услугу.

— Это то, чего я добивался, — ответил Каттани. — Я должен вас поблагодарить.

— Не знаю, стоит ли, — скромно произнес прокурор. — Все в жизни имеет не одну, а несколько сторон, и нам не всегда удается разглядеть, какая из них истинная.

Каттани не совсем понимал, с чего это прокурор расфилософовался. Он ответил с воодушевлением:

— Вот увидите, эта проверка явится поворотным моментом в истории борьбы с мафией!

Он уже выходил из кабинета, когда его вдруг окликнул прокурор. Обернувшись, он услышал предостережение:

— Будь осмотрителем, мой мальчик. Никому не доверяй... И меньше всех верь своим друзьям.

В то время как Каттани готовился развернуть наступление, противник тоже не сидел сложа руки — его фронт пришел в движение. В тюрьме Уччардоне, этой извечной обители мафии, с каждым днем все больше нервничал Чиринна. Мафиозо кипел от ярости и послал за адвокатом Терразини.

— Я тут долго не выдержу, — мрачно сказал он. — Нужно найти способ вытащить меня отсюда.

— Так тебе дураку и надо, — ответил адвокат. — Вдумал палить в комиссара, задираешься, вместо того чтобы сидеть тихо и не высовываться.

— Адвокат, а что вы думаете об этой перестрелке?

— Это меня не слишком волнует. Дело происходило ночью, в темноте, кто может сказать, как все было? Одним словом, полная неразбериха. Усекаешь? Точно установить, кто стрелял, вряд ли возможно. А вот другая история, посерьезнее. Имеется свидетельница, на глазах которой ты ухлопал ее мамашу и Маринео. Вся загвоздка в синьоре Титти. Пока она есть, выкрутиться будет трудно.

Чиринна обвел камеру горящим взглядом.

— Значит, моя судьба зависит от этой шлюшки, от этой наркоманки! — прохрипел он. — Пока-то, надеюсь, она не раскололась, не то этот недоумок комиссар уже начал бы шить мне и то дело.

— А почему ты знаешь, что у него в голове? Кто может поручиться?

Чиринна уставился на адвоката тяжелым взглядом.

— Ну хорошо, — сказал он, и верхняя губа у него задрожала. — Если необходимо обезвредить молодую герцогиню, это будет сделано. Скажите моим двоюродным братьям, чтобы они пришли меня навестить.

Адвокат Терразини что-то записал в свой блокнот и кивнул головой.

— Я их к тебе пришлю. Только гляди, не делай больше никаких глупостей.

* * *

Вот уже несколько дней о Каттани не было ни слуху ни духу. Титти начала немного беспокоиться. Но она знала, что у него сейчас полно важных дел, не

найти свободной минутки. Поэтому старалась ждать терпеливо.

В последний раз, когда они виделись, он, казалось, был очень доволен тем, что нашел ее веселой, с хорошим цветом лица. «Я не хочу раньше времени трубить победу», — сказала она, улынувшись, — но, думаю, можно считать, что выздоровела».

Она посмотрела на часы и поняла, что и сегодня вечером он не придет ее проведать. Тогда она решила отправиться спать — хотя вот уже несколько недель она ложилась с курами, рано вставать по утрам ей было еще нелегко. Она спала одна в маленькой, скудно обставленной комнатке, где ничего не было, кроме койки и шкафчика. Войдя к себе, она сразу увидела на подушке конверт.

Сама не понимая почему, она испугалась. Потом взяла конверт и заметила прикрепленную к нему записочку: «Посмотри, что внутри». Она открыла конверт, и ее словно ударило током: внутри лежал шприц и целлофановый пакетик со щепоткой белого порошка. У Титти закружилась голова, громко застучало в висках. Она дрожала как в лихорадке. Ее словно вдруг снова бросили в толкое болото, из которого она только что еле выбралась. Наркотик притягивал ее как магнит, и она чувствовала, что у нее не хватит сил долго противиться. Она сжимала кулаки и кусала губы, пытаясь побороть искушение. Но тщетно. В конце концов она сдалась и вприснула в кровь несколько капель яда.

* * *

В кабинетах банка царил недоумение. Служащие не могли поверить своим глазам, когда Каттани предъявил ордер на обыск. Это было чертовски серьезно. Комиссар явился в сопровождении своего заместителя Альтеро и троих полицейских.

Слуха Раванузи достиг шум голосов. Банкир вышел из своего кабинета с видом, как обычно, безмятежно-спокойным. Узнав, о чем речь, он сказал:

— Пожалуйста, в чем же дело. — И, обводя широким жестом все вокруг, обратился к Каттани: — Проходите, комиссар. Ищите все, чего вашей душе угодно.

В течение нескольких часов Каттани и Альтеро перерыли сверху донизу весь банк. Обнаруживая какой-либо интересный документ, они отдавали его поли-

цейским, которые аккуратно все укладывали в картонные коробки. Они искали улики против тех, кто вызывал подозрения. Надо было понять, каким образом их банковский счет вдруг непомерно раздувался, установить размер полученных сумм и проследить движение капиталов за последние месяцы.

Когда Каттани с Альтеро вернулись в управление, они были похожи на школьников, торжествующих после победы своей команды. Каттани извлек из одной из коробок несколько листов, словно желая полюбоваться на добычу. Листки были испещрены загадочными цифрами.

— Ну, — проговорил он, — охладим наши восторги, самое трудное начинается только сейчас. Не знаю, сумеем ли мы во всем этом разобраться.

— Неужели же нет, — ободряюще отозвался Альтеро, — в бухгалтерии я старый специалист.

Однако комиссар был другого мнения.

— Дело в том, что мы, полицейские, порядком отстали. Мы остановились на традиционной преступности. А сегодня преступления совершают при помощи компьютеров, — сказал Каттани, хлопнув ладонью по картонному ящику, доверху набитому банковскими документами.

* * *

Многое зависит от человека — недаром говорится: «Терпение и труд все перетрут». Каттани долгими часами горбился над бумагами. С карандашом в руках он проверял цифры, сравнивал, выписывал даты некоторых финансовых операций. При помощи цифр, обозначающих колоссальные капиталы, он пытался проникнуть в цели манипулирующих ими людей, понять, почему одна сумма снята с банковского счета, а другая на него поступила.

Изучение финансовых документов он перемежал допросами.

— Скажите-ка, — обратился он к сидящему перед ним мужчине, — ведь еще два года назад вы были по уши в долгах. А потом вдруг покупаете себе отличное новенькое рыболовное судно, начинаете строить шестиэтажный дом, развозите на «мерседесе». Объясните мне, откуда привалило такое богатство?

Допрашиваемый вертел в руках старую кепку.
— Господин комиссар, — плаксивым тоном отвечал он, — я рыбак. Днем и ночью в море ловлю рыбу.
Да, подумал комиссар, видно, рыбки, которых ты ловишь, золотые.

Этот рыбак и не подозревал, что в то время, как он вертится на стуле перед комиссаром, на его моторном баркасе идет обыск. И, в самом деле, улов у него был поистине необычайный. Альтеро, бродившего по палубе, вдруг позвал один из его полицейских.

— Идите посмотрите, что я нашел!

Полицейский, стоявший у ящиков, полных рыбы, отодвинул рукой верхний слой мелкой рыбешки, и под ней обнаружили аккуратно уложенные рядами здоровенные рыбины. Полицейский взял одну из них и продемонстрировал Альтеро. Рыба была выпотрошена и вместо внутренностей вложен целлофановый мешочек с каким-то мучнистым порошком. Это был морфин, очевидно, приготовленный к отправке в подпольные лаборатории, где его перерабатывают в героин. Другой полицейский обнаружил на носу баркаса спрятанные под обшивкой еще нескольких подобных мешочков, но гораздо больших по размеру.

* * *

То, чего опасался старик прокурор, действительно начало происходить в точности так, как он и предвидел: вследствие проверок, конфискации, закрытия стройплощадок остановилась работа некоторых предприятий. А владельцы подвергшихся проверке фирм раздували недовольство рабочих, оставшихся без заработка. Глава строительной фирмы Беллеми пошел еще дальше. Как только он учуял, что проверка коснется и его, он сразу же захлопнул ворота, оставив на улице десятки каменщиков и подсобных рабочих.

— Я не могу работать, когда у меня под ногами мешаются эти шпики! — заявил он. — Я закрываю дело навсегда и уезжаю с Сицилии.

— Но прежде чем уедете, — спросил вызвавший его к себе Каттани, — не смогли бы вы ответить на парочку интересующих меня вопросов? Вы погасили задолженность банку по предоставленному вам кредиту одним чеком на сумму в триста миллионов лир, подписанным

Джельсомино * и с указанием о снятии со счета некоего Джузеппе Куттоне.

— Да, это мой двоюродный брат. Мы с ним компаньоны.

— Имеются два других чека: один на четыреста, другой на шестьсот миллионов. Оба подписаны все тем же таинственным Джельсомино и содержат распоряжение о зачислении этих сумм на счет Куттоне. Вы могли бы уточнить мне, кто такой этот Джельсомино?

— Я? — пожал плечами подрачный. — Об этом надо спросить у Куттоне.

— А он где находится?

Беллеми ответил с насмешливой улыбкой:

— Ниша в колумбарии номер девяносто семь, господин комиссар. Отдал богу душу на прошлой неделе. — И, широко разведя руками, добавил: — Что поделывать, такое невезенье!..

* * *

Только теперь Каттани начинал понимать, что имел в виду прокурор, когда сказал: «Надеюсь, что не окажу вам дурную услугу». Комиссар ощущал скрытую, но несомненную враждебность, люди держались с ним по-другому, чурались, избегали его. Постепенно, быть может неосознанно, распространялось чувство неприязни к комиссару. Кто по исконному недоверию к полиции, кто из корыстных побуждений, но, как это ни парадоксально, большинство населения города начало симпатизировать виновникам преступлений — в них видели порядочных людей, подвергшихся несправедливому преследованию.

Мальчишка-бармен, у которого он каждое утро пил кофе, в тот день подал ему чашку, чуть не швырнув в лицо. А когда Каттани положил на стойку пару монеток на чай, тот брезгливым жестом отказался от них.

— Скажи-ка, — нахмурившись, спросил комиссар, — что с тобой происходит?

— Я не желаю брать от вас чаевые.

— Почему же?

— Потому что из-за вас мой отец остался без работы. Вы велели опечатать стройплощадку, где он работал каменщиком.

* По-итальянски — жасмин.

Каттани счел нужным дать объяснение.

— К сожалению, это стройка финансируется за счет доходов от торговли наркотиками.

— Наркотики, наркотики... Что ты нам морочишь голову? Ты у нас отнимаешь кусок хлеба, а вовсе не наркотики!

— Значит, по-твоему, я должен сидеть сложа руки?

— А я почему знаю? Если торговля наркотиками дает людям жить, так и ладно, не к чему ей мешать.

Комиссар понял, что продолжать этот разговор бесполезно.

* * *

Он вновь уселся за банковские документы. Сравнивал один текущий счет с другим, искал аналогий в финансовых операциях. Например, некоторые из них в точности повторялись в добрых двух десятках текущих счетов. Что это означает?

Обнаружилось, что с текущих счетов снимались огромные суммы. Точно через четыре месяца они возвращались на те же счета, почти удвоившись. Сравнив между собой более двадцати подобных счетов, комиссар смог установить, что деньги снимались на все эти счета и тот же день, а потом возвращались на все эти счета тоже одновременно — все записи имели одинаковую дату.

Когда Каттани потребовал объяснений от одного из владельцев этих счетов, то услышал в ответ: «Вы уж не сердитесь, что у меня сейчас не в порядке с головой. Врач сказал, что у меня нервное истощение и мне нельзя волноваться».

Все глубже изучая механизм этих денежных операций, комиссар установил, что все суммы, снятые с двух десятков счетов, были затем перечислены на два других счета — один на имя «Джелсоминно» — Жасмина, другой на имя «Папаверо» — Мака. Используя эти два условных имени, капиталы вынимали из банка; они возвращались умноженными, четыре месяца спустя, для чего хозяева Жасмина и Мака осуществляли обратную операцию: вносили возросшие суммы и распределяли их по тем двадцати счетам, с которых их сняли.

— Насколько я понимаю, — сказал Каттани вкладчику, на имя которого был открыт один из этих странных текущих счетов, — вы позволяете использовать

спешно объединенные капиталы для финансирования каких-то кратковременных сделок. Как видно, весьма прибыльных. С головокружительно высокими процентами. Быть может, я ошибаюсь?

— Дорогой доктор, — невозмутимо ответил тот, — я в этих финансовых делах совершенно не разбираюсь. Ими полностью занимается мой экономист.

— А где я могу его найти?

— К сожалению, этому экономисту не понравился наш город, и несколько дней назад он уехал. Куда-то за границу.

— Было совершенно невозможно вырвать у него хоть какую-нибудь информацию. Каттани решил попытаться счастья с третьим вкладчиком. Прежде всего ему хотелось узнать, кто скрывается под красивыми именами Жасмина и Мака.

Как и ожидалось, новый вызванный стал прикидываться дурачком.

— Я ювелир и не занимаюсь политикой.

— А при чем тут политика?

— Когда дело идет об обмане, за этим всегда стоит политика, — изрек тот.

— Чего ты мне пудришь мозги? — Комиссар чувствовал, как кровь ему бросилась в голову. — Смотри не заставляй меня потерять терпение. Слушай внимательно. Жасмин и Мак снимают с твоего счета большие деньги, а потом возвращают их почти удвоенными. Что это за дела, которые позволяют за столь короткое время заработать такие суммы?

Собеседник съехал на стуле. У него была широкая физиономия, отвисшая нижняя губа открывала желтоватые зубы. Толстые, словно распухшие, пальцы были похожи на сардельки. Проведя платком по лбу, он вытер пот. Громко пыхтел и никак не решался ответить.

— Ну же, говори! — поторопил его комиссар.

Мужчина дернулся на стуле, словно от удара. Наконец решительно, против воли, произнес плачущим голосом:

— Да это все банковские хитрости, господин комиссар. Я в них не разбираюсь. Все делал сам банк. Я ему полностью доверился.

— Ах, банк, — не отставал Каттани. — Значит, Равапуза?

Сидящий напротив него человек не издал ни звука. Уставившись на комиссара своими темными, чуть намы-

ките глазами, он ограничился тем, что поднял вверх огромные руки, словно моля о пощаде.

* * *

Равануза! Куда бы ни сунулся комиссар, отовсюду вылезало это имя. Банкир поистине становился каким-то наваждением. Что бы ни происходило, он всегда оказывался в центре всего, как паук посередине сотканной им паутины. Кто же в действительности этот ловкий, беспринципный человек, столько раз попадавший в ся и всегда выходивший сухим из воды?

Глядя на него, Каттани отметил, что движется он бесшумно, как кошка.

— Уважаемый комиссар, — сказал он со своей обычной холодной агрессивностью, — вы напрасно тратите время. Суммы, которыми вы так заинтересовались, это законнейшие финансовые операции, и необходимы они для того, чтобы двигать вперед туризм, жилищное строительство, торговлю, сельскохозяйственную деятельность. Это живая кровь, питающая экономику нашего города.

— Экономику, насколько можно судить, поистине чудодейственную, ибо она увеличивает суммы капиталовложений, подобно тому, что Иисус Христос проделал с рыбами. Но объясните, пожалуйста, финансируемые предприятия тоже получают такие же астрономические прибыли?

— Чего не знаю, того не знаю. Спросите об этом, например, у графини Камастры. У нее строительная фирма, и она вкладывает капиталы во многие предприятия.

* * *

По своей станции Сици-ТВ Нанни Сантамарин ежедневно передавал репортажи о «надевшей столько шума операции полиции». На телеэкранах появлялись изображения лишившихся работы рабочих, толпящихся перед запертыми воротами строек. «Хватит! Пора прекратить это безобразие!» — кричал в микрофон какой-то каменщик с окурком в углу рта. — Мы все тут честные люди, настоящая мафия на севере Италии!» Потом их сменяла раздосадованная физиономия строительного босса Беллеми. «Это, черт подери, не-

справедливо, — баял он. — Всю жизнь я трудился и приносил жертвы, а теперь из-за чьих-то капризов гибнет моя фирма». Он махал рукой перед самой телекамерой, и на экране крупным планом появлялась его чудовищно громадная лапа. «Они хотят контролировать? А какого дьявола они собираются проверять? Тут каждый кирпич полит нашим потом. Все это пора прекратить! Положа руку на сердце говорю: мне жаль не столько себя, сколько моих рабочих. Они, бедняги, остались без работы. Это бесчеловечно, потому что каждый из них должен кормить семью. Что с нами случилось, что мы, как собаки, грыземся между собой?»

В глубине кадра группа рабочих-строителей выражала одобрение его словам энергичными хихиками и криками протеста: «Хватит! Позор! Все устали!»

Сцена менялась, но суть оставалась прежней. Телекамера панорамировала сверкающую «стенку» орехового дерева в кабинете предпринимателя, потом показывала сидящего за массивным столом его самого. Топом мудрого старца он жаловался на молодых, намекая на комиссара Каттани: «Они неосмотрительны, их надо поддерживать. Представители государственной власти должны отдавать себе отчет в том, что непродуманными действиями можно неправомерно подорвать экономику, поставить под угрозу краха весь город с непредсказуемыми последствиями социального порядка. Поэтому я призываю также и наши политические власти предпринять уместные шаги».

Сразу же после этого телевидение предоставляло слово местным политикам. «Я принадлежу к оппозиции, — представился с экрана советник муниципалитета Патти, нервно поправляя огромные черные очки. — Но считаю, что в такой момент, как сейчас, следует забыть о таких понятиях, как «большинство» и «опозиция», и все политические силы должны выступить единым фронтом. Я считаю своим долгом выразить самую глубокую озабоченность по поводу происходящего. Э, нет, дорогие господа, нельзя выставлять полгорода преступниками. Моя партия всегда со всей ясностью заявляла: нет — мафии, нет наркотикам, но теперь мы говорим «нет» также и политикам без всякого разбора поставить всех — и правых и виноватых — на одну доску».

Дон Манфреди метнул на своего брата Нанни испепеляющий взгляд.

— Как тебе только не совестно? — сказал он. — Ты затеял гнусную кампанию против полицейского комиссара, честнейшего человека. Ты нападаешь на него изо дня в день по своему мерзкому телевидению.

— Ну и что? — расхохотался журналист. — Это не мешает ему сделать карьеру.

Вместо ответа священник изо всех сил залепил братцу пощечину.

Нанни Сантамария даже покачнулся и схватился за щеку.

— Святая мадонна, что с тобой?

Священник был гораздо плотнее и сильнее его. Он притянул к себе Нанни за лацканы пиджака.

— Я говорю тебе не как священник, а как твой брат: ты должен чувствовать себя подонком. Ты ведь помогаешь мафии и торговцам наркотиками.

Журналист, опустив голову, чуть ли не со слезами в голосе ответил:

— Да разве ты что-нибудь понимаешь? Тебе хорошо говорить, надел эту черную рясу и плевал на все. Что ты знаешь о сложностях жизни? Запомни хорошенько: я не могу позволить себе роскошь строить из себя героя. Телестудия принадлежит не мне, я ее открыл на их деньги. И если буду взбрыкивать, мне конец. Понял?

Во второй половине дня Каттани отправился на строительство, которое вела фирма графини Камастры. Как ему и посоветовал Равануза, он хотел послушать, что скажет эта опытная в делах женщина, и получить хоть какое-то представление о том, сколько наживают предприниматели благодаря фондам, предоставленным им банком.

— Комиссар, что вы со мной делаете? — встретила она его, снисходительно улыбаясь. — Вы уже присылали ко мне ваших людей, и они установили, что у меня все в ажуре. А теперь провести ревизию вы решили сами?

Всякий раз, встречая ее, Каттани удивлялся,

насколько сильно его влечет эта женщина. Рядом с ней все остальные казались такими заурядными, такими неинтересными.

— Нет, — ответил он, — я пришел не за тем, чтобы допрашивать. Скажем так: я пришел за консультацией. Здороваясь с ним, она немного задержала его руку в своей.

— За консультацией, — задумчиво повторила графиня. — Вы не возражаете, если мы поговорим об этом в рабочей столовой? Я как раз собиралась пойти перекусить и буду рада, если вы будете моим гостем.

Они направились в столовую. У входа перед ними почтительно расступились несколько рабочих.

— Добрый день, госпожа графиня.

— Добрый день, — ответила женщина, рассыпая улыбки налево и направо. Потом вполголоса обратилась к Каттани: — Я иногда хожу сюда обедать. Надо, чтобы меня считали за демократку. В наше время это полезно.

— Да, — согласился с ней Каттани, — ловкий приемчик. Старая знать командовала рабочими при помощи кнута, а новая шагает в ногу со временем и прибегает к лести, обещаниям, ланибратству.

Палив из кувшина себе и комиссару вина, женщина спросила с ободряющей улыбкой:

— Ну так какого же рода вам потребовалась консультация?

Каттани холодно произнес:

— На самом деле я не нуждаюсь в каких-либо консультациях. Кажется, я все уже понял сам. От вас я, пожалуй, мог бы услышать лишь подтверждение своих подозрений.

— Каких подозрений? — отозвалась женщина. — Разрешите? — И взяв сигареты Каттани, вытащила из пачки сигарету.

— Относительно капиталов, предоставляемых банком Раванузы, — сказал комиссар и чиркнул спичкой. Графиня сложила ладони домиком вокруг огонька и потянулась к нему зажатой во рту сигаретой. — Я уверен, что эти деньги идут на финансирование нелегальных сделок. — Он также извлек сигарету. — Эти счета на имя Жасмина и Мака... и вновь чиркнул спичкой, закурил. — Эти счета используются для оплаты поставщикам наркотиков. — Она даже не моргнула глазом. Каттани продолжал: — Эти капиталы идут вовсе не на

развитие экономики. Здесь процветает торговля наркотиками. Они поступают с Ближнего Востока, их перегружают в открытом море на рыболовные суда и привозят на Сицилию.

— Где это вы все вычитали? В каком романе?

— Это не роман, — ответил Каттани, давя в пепельнице окурок. — Это грязное дело. Наркотик перевозят в виде морфина, а здесь, в подпольных лабораториях мафии, его превращают в героин. И сразу же отправляют в Соединенные Штаты и на Север нашей страны. Он наводняет Италию и всю Европу. И приносит миллиарды чистой прибыли без налогов.

— Черт возьми! — воскликнула графиня, словно бы в удивлении. — И как же его отсюда отправляют? Голубиной почтой?

— Оставьте остроты. Используют апельсины, мебель, конфеты. У этих людей богатая фантазия. Иногда пользуются и чемоданами с двойным дном. Их везут с собой те, кто едет проводить родственников в Америку, а возвращаются они с пачками припрятанных долларов.

— Это очень увлекательно. Мне даже захотелось попробовать самой.

Комиссар прищелкнул пальцами.

— Конечно все не так уж просто. В Италии эти люди наталкиваются на большие трудности, пытаются пустить в ход привезенные доллары. Нужно найти стойкого менялу, который выдает эту валюту за поступления от эмигрантов. Или же агентство путешествий, которое заприходует ее как деньги, полученные от туристов. Вашему приятелю Раванузе принадлежало подобное агентство в Палермо. — Каттани глубоко затянулся сигаретой. — Бедняга Де Мария и брат Анни Карузо поплатились собственной шкурой за то, что раскрыли, чем занималось это бюро путешествий.

Женщина еле заметно подняла одну бровь. Она слушала, опершись подбородком на сцепленные пальцы.

А Каттани продолжал:

— Оплата партий наркотиков, поступивших в Америку, может производиться также и в Швейцарии. В этом случае необходимо располагать банком, который мог бы оформлять поступления этих сумм в Италию. Вот и весь фокус! Достаточно финансировать через банк легальную производственную деятельность. Например, какую-нибудь строительную фирму в про-

вансей. И словно по мановению волшебной палочки, деньги, нажитые в результате грязной торговли наркотиками, «очищаются», становятся капиталом, предназначенным для честного бизнеса...

— Ну и ну! — воскликнула женщина с ироническим восхищением. — Да вы просто гений! А вы пробовали поговорить на эту тему с каким-нибудь банкиром?

— Вы что, смеетесь надо мной?

Графиня приняла серьезный вид. Пристально стала разглядывать свои руки, словно о чем-то размышляя. Потом проговорила:

— Но одного я все же не могу понять.

— Чего же именно?

— Какого черта вы теряете время, служа в полиции? Из вас вышел бы потрясающий бизнесмен. Мне бы иметь рядом такого человека, как вы. С нами никто не мог бы потягаться.

— Скажите прямо: вы предлагаете мне стать одним из подставных лиц для ваших многочисленных предприятий?

— Ничего-то вы не понимаете.

Теперь женщина роняла слова не спеша, и тон у нее был такой уверенный, что мог привести в замешательство собеседника. В столовой стоял гул голосов. Лица у обедающих рабочих были изможденные, заросшие многодневной щетиной.

— Тогда, может, вы хотели бы, чтоб я стал вашим компаньоном? — продолжал Каттани. — Что это: попытка подкупа?

Дама повторила с искренней досадой:

— Ничего-то вы не понимаете.

Каттани оперся локтями о стол и устремил долгий взгляд на невозмутимое лицо графини.

— Вы знаете, — наконец проговорил он, — что вы очень симпатичная женщина? У меня бы сердце разорвалось от горя, если бы мне вдруг пришлось вас арестовать.

— Ах, ах, ах... А с чего бы это вам пришлось меня арестовывать? Даже и не надейтесь. Я чиста, как стеклышко. Кого-кого, а меня-то вам не отправить на какому-нибудь торговлю.

Губы Каттани раскрылись в улыбке.

— Ну хорошо, — сказал комиссар другим тоном. — Значит, вы чисты. А также и весьма умны. Не в пример всем нашим друзьям-приятелям.

Когда они к нему подошли, профессор Лаудео прощался с группой восторженно уставившихся на него слушателей.

— Прощайте, дорогие друзья, до встречи в воскресенье в Риме. Смотрите, обязательно приезжайте!

Вблизи бросались в глаза его тщательно ухоженные руки с длинными пальцами, которыми он непрерывно поглаживал свой элегантный шелковый галстук. Ему явно нравилось внимание этих окружающих его людей, пожимавших ему руку и одобительно хлопавших по плечу, но вместе с тем оно, видимо, уже начало вызывать у него некоторое раздражение. Он отступил немного назад, выбирая удобный момент, чтобы окончательно распрощаться.

— Профессор, — сладким голосом обратился к нему Сантамария, — я обещал вам привезти в Палермо нашего комиссара.

— Ах, bravo, дорогой Сантамария. А теперь, если разрешите, оставьте нас на минутку одних. Идемте, комиссар. Вы, наверно, этого не знаете, но я вами восхищаюсь.

— Благодарю, — ответил Каттани, — но не совсем понимаю причины вашего восхищения.

Профессор Лаудео увлек его в коридор, усталый ковровой дорожкой и освещенный маленькими бра в виде свечей.

— Скромность, — возразил профессор, — не лучшая помощница для талантливого молодого человека. Дорогой Каттани, вы себя недооцениваете. Я не выпускаю вас из поля зрения с тех пор, как вы окончили Высшую школу полиции.

— Неужели? И зачем же?

— У меня повсюду есть друзья, — ответил профессор, доставая серебряный мундштук и вставляя в него сигарету. — И они сигнализируют мне о способных людях в различных сферах жизни.

— А для чего же вам эти сведения?

Лаудео взял комиссара под руку и подтолкнул к мягкому диванчику.

— Я стараюсь вовлечь всех этих одаренных людей в свою Ассоциацию.

Каттани, казалось, это заинтересовало.

— Каковы же цели вашей Ассоциации?

— Благо Италии, — торжественно произнес профессор. — Меня беспокоит будущее нашей родины.

И я считаю, что необходимо отбирать наиболее заслуживающих того работников и помогать им достичь самых высоких постов.

— Вы мне льстите, — ответил Каттани, — ведь я могу и разочаровать вас.

Физиономия профессора приняла обиженное выражение.

— Перестаньте, хватит себя недооценивать. Вы обладаете всеми достоинствами, дорогой Каттани. И я считаю долгом своей Ассоциации оказывать вам поддержку. — Сигарета догорела, он вытряхнул окурок и наставил пустой мундштук на комиссара. — Мне хотелось бы видеть вас во главе полицейского управления в каком-нибудь важном центре. Ну не знаю — в Генуе, во Флоренции. Или же на какой-то ответственной должности в Риме.

Каттани, поерзав на диване, ограничился лишь кратким:

— Интересно.

— Моя Ассоциация готова помочь вам, — заверил его профессор. — Вы — человек, на которого можно сделать ставку, как на лошадь-фаворита. — Он не отрывал от его лица пронизывающего взгляда своих светлых глаз. — Мы хотим спасти Италию от гибели. Мы все люди, далекие от мелочной политики, хотя среди членов нашей организации немало лиц, занимающих государственные посты. Мы боремся против коррупции, моральной апатии, попустительства, против мафии. Мы хотим, чтобы Италия обрела свой достойный облик. Для этого нам необходимы такие люди, как вы. Обдумайте хорошенько, и если это нас заинтересует, дайте мне знать.

* * *

Во второй половине дня комиссар возвратился в Трапани. Всю дорогу он размышлял по поводу услышанного от Лаудео, перебирая в памяти каждое слово. И как только смог, позвонил в Рим Каннино, чтобы сообщить ему об этом случае и спросить совета. Каннино с первых же его слов выказал горячий интерес. Больше всего его интересовало, требовал ли профессор, обещая блестящую карьеру, чего-то взамен.

— Абсолютно ничего, — заверил Каттани, — хотел

только, чтобы я вступил в Ассоциацию. Мы как одна семья, сказал он, и помогаем друг другу.

— Он называл какие-нибудь фамилии?

— Да, многие. Генералов, журналистов, промышленников, политических деятелей. Всех этих людей он называл по именам, словно желая подчеркнуть свою с ними близость.

— А какое впечатление он произвел на тебя в целом?

Каттани усмехнулся.

— Человека весьма посредственного, но очень хитрого. И держится он так, словно в самом деле обладает значительной властью.

— Гм... Может, и так. Испытай его. Постарайся понять, действительно он что-то собой представляет или же это пустой хвостун.

* * *

Дав санкцию на проведение расследования, прокурор решил выйти из игры. Еще не придя в себя от начальной наглости Каннито, пытавшегося им командовать, и глубоко раздосадованный полемикой, вызванной закрытием стройплощадок, старик подал заявление о досрочном выходе на пенсию.

Вопрос перешел в руки его помощника Бордониро — молодого человека в небольших круглых очках и с умным лицом, обрамленным короткой, тщательно ухоженной бородкой.

— У меня для вас важные новости, — объявил ему Каттани. Он извлек из «дипломата» папку и начал ее листать. — Вот, поглядите. Нам удалось установить, кто в действительности является владельцами счетов, открытых на вымышленные имена Жасмина и Мака, — он показал документ, испещренный печатями. — Это данные графической экспертизы, свидетельствующие о том, что подписи Жасмина на чеках ставил собственной рукой Равануза. А теперь взгляните сюда. Владелец счета Мака является Терразини. Мы частично проследили, по каким каналам проходят деньги, когда их снимают с этих двух счетов и они покидают банк. Частично адресуются на север — в Рим, в Милан. Их получателями являются липовые компании, аббревиатуры которых неизвестно что означают. Может, это банкиры-хищники, международные махинаторы, а возможно

и политические организации. Но самые большие куши остаются здесь. Они копят на текущем счету Терразини.

— Черт побери! — воскликнул помощник прокурора. — Он известен как адвокат, защищающий людей мафии, но я думал, что дальше того дело не идет. Вот уж не мог представить себе, что он сам так глубоко завяз.

— Да уж, — отозвался Каттани, — слается мне, что из этот раз адвокат понадобится ему самому.

— Вы проделали огромную работу, — проговорил помощник прокурора, не скрывая своего горячего одобрения. — Перевернули вверх дном весь город. Но одного я до сих пор не могу понять: почему такой осторожный человек, как прокурор, решил предоставить вам свободу действий.

— Да, действительно. — Каттани, по-прежнему веря, что это произошло в результате давления со стороны его друга Каннито, изобразил удивление. — Сам не понимаю. Сперва он был против.

* * *

Паола привыкла сидеть дома одна, ожидая отца. Он всегда старался поспеть вовремя, чтобы поужинать с дочерью. Ужин, уже готовый, обычно им оставляла проходящая прислуга.

В тот вечер, в пятницу, отец нашел девочку не в духе. Она сказала, что не хочет есть, ушла в свою комнату и бросилась в постель, даже не зажигая света.

Комиссар не знал, что делать, он никогда не сталкивался с такими проблемами. Да, нелегко быть и за отца, и за мать девочке.

Он вошел в ее комнату.

— Паолетта, что с тобой? Почему ты лежишь в темноте?

В ответ раздалось лишь какое-то бормотанье.

— Ну же, говори, — подбодрил он дочь. — Ты ведь, наверно, хочешь мне что-то сказать, но не знаешь как? Может быть, ты заболела? Хочешь, вызовем врача?

— Нет, нет, нет! — испуганно проговорила девочка и отвернулась к стене.

Отец положил ей руку на плечо.

— Я, наверно, догадываюсь, что у тебя случилось. Наверно, ты стала взрослой барышней?

Марко Незе

Последовало служащее подтверждением молчание.
— Но зачем же в таком случае огорчаться? — говорил комиссар. — Я тебе советую сейчас же позвонить маме и рассказать ей.

На этот раз девочка мгновенно поднялась и села на постели.

— Ты действительно так думаешь?

— Конечно.

Услышав в трубке голос матери, Паола окончательно успокоилась.

— Папа сказал, чтобы я тебе позвонила. Мне надо сообщить тебе одну новость. Знаешь... Краем глаза она посмотрела, не слушает ли отец. — Так вот, сегодня я стала взрослой девушкой...

— Это очень хорошо, дорогая.

— Знаешь, я не хотела говорить папе. А он, бедняга, не знал, что со мной делать, так растерялся.

— Действительно это он велел мне позвонить? — спросила мать.

— Да, он. Папа сказал: позвони маме, обрадуй ее. Слушай, мама, отец совсем не плохой.

— Я никогда и не говорила, что он плохой. Наоборот, может быть, это я немножко сумасбродка.

В голосе женщины прозвучала горечь.

— Мама, тебе грустно?

— Нет. Но мне очень не хватает тебя. Ты меняешься, а меня нет рядом. Я хочу с тобой скорее увидеться.

Когда Паола повесила трубку, отец спросил, как чувствует себя мама.

— Хорошо, — ответила девочка. — Но мне показалось, что настроение у нее неважное. — Она на минутку приостановилась, словно подыскивая подходящие слова. — Послушай, папа, это правда, что ты любишь другую женщину?

Каттани нагнулся, взял личико дочери в обе ладони и сказал:

— Да, правда. Это девушка, одинокая и больная. Понимаешь? Мне бы очень хотелось помочь ей выздороветь.

* * *

Нанин Сантамария бежал по лестнице полицейского управления, пытаясь его догнать.

— Комиссар! — окликнул он задыхающимся голо-

сом. — Погодите минутку. Профессор Лаудео справлялся, не желаете ли вы ему что-нибудь сообщить.

Каттани продолжал подниматься.

— Нет, пока что ничего, — крикнул он, обернувшись к Сантамарии, который приостановился и смотрел на него снизу вверх. — Если понадобится, я свяжусь с ним сам.

«Свяжусь сам, — повторил про себя Сантамария. — А когда это будет? Может, вообще хочешь нас надуть?»

Когда журналист сообщил ответ комиссара адвокату Терразини, тот не смог скрыть досады.

— Ну что за упрямая башка! — прорычал он сквозь зубы.

— Нет, — проговорил с сожалением Сантамария, — этого парня посулами профессора Лаудео не остановишь.

* * *

Терразини вновь поехал в тюрьму, чтобы сообщить Чиринна последние новости.

— С этой полицейской ищейкой, — сказал он, — нет никакого сладу. Значит, остается одно: пустить в расход девицу.

Лицо Чиринна побагровело. Мафиозо весь затрясся, еле себя сдерживал.

— Не вздумайте трогать Титти, — с угрозой проговорил он. — Я велел принести ей наркотиков. Пока она колется, мы можем спать спокойно. Но я не желаю даже слышать о том, чтобы ее убили.

— Послушай, Чиринна, — ласково произнес адвокат, — уж не втюрился ли ты, случаем, в нее? Дело в том, что этот легавый старается ее вылечить. И если это ему удастся — нам всем крышка.

Чиринна сжал кулаки и грязно выругался.

— Адвокат, с этим легавым, будь он трижды проклят, надо что-нибудь придумать. А девушка — это не проблема, она у меня в руках.

«ОНИ НАЙДУТ СПОСОБ С ВАМИ РАСКВИТАТЬСЯ»

Замначальника отдела Альтеро достал из стенового шкафа пуленепробиваемый жилет и протянул его Каттани.

— Наденьте, — посоветовал, — хотя бы от дурного глаза.

Комиссар взвесил его в руке и швырнул на стул. Эта штука не поможет, сказал он, и даже если залезть в броневик, все равно и там достанут.

Альтеро, однако, не отставал. Он доказывал, что жилет обеспечивает хотя бы минимальную защиту. И добавил, что комиссару не следует столь беспечно бродить по городу. Необходима вооруженная охрана.

— Да перестаньте, — прервал его комиссар, — если им нужна моя шкура, никакой охраны не испугаются.

— Может, и не испугаются, — возразил заместитель, — но, во всяком случае, охрана их попридержит. Заставит дважды подумать.

— Видите ли, я уже вряд ли служу для них миссией. Расследование зашло достаточно далеко, и документы говорят сами за себя. К чему им было бы сейчас меня ликвидировать?

Альтеро пробурчал, что все это кажется ему слишком оптимистичным.

— Никогда не следует полагаться на судьбу, — предостерег он.

Каттани скинул пиджак, повесил его на спинку стула и продолжал:

— Знаете, что я вам скажу? Мафия совершает, так сказать, превентивные убийства. Она отправляет на тот свет, когда должна помешать кому-то предпринять что-либо такое, что для нее представляет опасность. В моем случае она упустила подходящий момент. Теперь уж слишком поздно.

— Не стройте иллюзий, — тяжело вздохнул Альтеро. — Эти люди никогда не прощают. Рано или поздно они найдут способ с вами расквитаться.

* * *

Напротив полицейского управления находилась кондитерская, где продавали очень вкусные миндальные пирожные. Паола их обожала. И в тот вечер отец решил порадовать ее любимыми сладостями. Лил дождь, и дул холодный, пронизывающий ветер. Как доберусь домой, сразу залезу под одеяло, думал Каттани.

Он медленно вел машину в по-вечернему оживленном транспортном потоке. Дождь, бивший в лобовое стекло, вызывал у него раздражение. Некоторые участки улиц превратились в настоящие озера. Насколько Южная Италия сказочно красивая при солнце, настолько она невыносима в непогоду.

Через несколько минут он доехал до дома. Вбежал в подъезд и вызвал лифт. Тщательно вытер ноги о коврик, прежде чем повернуть в замке ключ. В передней горел свет, но квартира казалась погруженной в полную тишину. Странно.

— Паола! — позвал Каттани.

Никакого ответа.

Комиссар распахнул дверь комнаты дочери.

— Где ты?

Телевизор был выключен. Ванная пуста. Сердце у Каттани билось все сильнее. Комиссар положил сверток с пирожными на стол и ослабил узел галстука. Он почувствовал, как от желудка поднимается жар горячая волна, захлестывает все тело, бьется и стучит в висках. Он ухватился за последнюю надежду: может, Паола решила пошутить и спряталась? Он заглянул под кровать — и там пусто.

В передней зазвонил телефон. Каттани бросился к нему и снял трубку. То, что он услышал, было так ужасно, так невероятно, что он окаменел.

— Твоя дочь у нас, — объявил мрачный голос. — Слушай внимательно: никому об этом ни слова, ни намека. Никому. Понял? Иначе твоя дочь умрет, и это будет мучительная смерть. Мы сами свяжемся с тобой.

В трубке раздался щелчок. Разговор был окончен. Но у комиссара в ушах еще звучал, словно бил молотом по черепу, этот голос. Он крепко сжал зубы. Ноги почти не держали его. Он еле добрался до дивана и тяжело на него опустился.

«Спокойно, спокойно, — продолжал он повторять, пряча в ладони лицо. — Я должен сохранять полное спокойствие, чтобы справиться с этим делом. Должен сохранять полное спокойствие, чтобы спасти мою девочку».

Он плеснул на дно бокала немного коньяку и выпил залпом. Значит, они все-таки придумали способ перебить мне хребет, подумал он. И это им действительно удалось.

Теперь он должен был хорошенько вбить себе в банку, что стал другим, не таким, как прежде. Человек, раненный так, как он, превращается в дикого зверя, у которого отняли детенышей. Или становится агрессивным и разит всех без разбора. Или же делается сговорчивым, прячет когти, и каждый проглоченный кусок ему горек, как желчь. Что я могу сделать? Этот вопрос вновь и вновь вставал в измученном мозгу комиссара. Ничего, абсолютно ничего не сделать: попал в положение, в котором вынужден подчиниться шантажу.

Он провел ночь на диване, даже не сняв ботинок. Если ему и удалось забыться беспокойным сном, то не больше, чем на час-другой. Все тело у него болело и ныло. Но он сразу же подскочил, услышав телефонный звонок.

— Здравствуй, — услышал он голос жены.

— Ах, это ты. Привет.

— Я хотела узнать, как чувствует себя Паола. Пожелать ей доброго утра прежде, чем она уйдет в школу. Так как он молчал, Эльзе закричала в трубку:

— Алло! Коррадо, ты меня слышишь?

Он попытался крикнуть голосу спокойствие.

— Да, да, слышу, Паола в порядке. Знаешь, у нее завелись подруги. Она уже вторую ночь ночует у своей одноклассницы. Ей полезно побыть в компании.

— А сам ты как? По-моему, не в духе.

— Да нет, просто немного устал. Работа заела.

Но он ее, кажется, не убедил.

— Тебе что, неприятно говорить со мной?

— Нет, с чего ты взяла? — ответил Каттани. Он говорил, стоя с закрытыми глазами, прислонясь к стене. — Дело в том, что я сейчас жду важного звонка с работы и нельзя занимать телефон.

— Ах, прости, пожалуйста, — извинилась она, — поговорим в другой раз.

Каттани открыл жалюзи на окнах. Дождь перестал, день обещал быть солнечным и ясным.

На этот раз, когда зазвонил телефон, Каттани был рядом с аппаратом и снял трубку с первого звонка. Тот же голос произнес:

— Ну так что же ты решил, дегавай?

— Чего вы хотите?

— Прежде всего ответа на один вопрос. Мы хотим знать, готов ли ты выполнить все наши требования.

Каттани потер опухшие глаза.

— Да, — сказал он, — согласен.

В голосе, звучащем в трубке, слышались издевательские нотки:

— Молодец. Вот так-то, будь панишкой. Слушай внимательно, черт тебя подери. Сейчас ты отправишься к себе в контору и будешь себя вести как ни в чем не бывало. Продолжай давать приказы этим бездельникам, которые работают с тобой. Но помни, что с этой минуты приказы — я имею в виду важные приказы — будем отдавать мы.

— Что с дочерью? Где она?

Последовало несколько секунд молчания. Потом раздался умоляющий голосок девочки:

— Папа!

— Паола, Паола, Паолетта, как ты себя чувствуешь? — Каттани повторял имя дочери, словно обезумев. Вспотевшими ладонями он так вцепился в телефонную трубку, словно желал не только услышать голос, но ощутить присутствие девочки. — Ответь мне, Паолетта.

Но больше голоса дочери он не услышал. По ту сторону провода вновь был тот человек, которому доставляло явное наслаждение держать его в кулаке.

— С ней все в порядке, — сказал он, — Все в порядке... Пока что.

Первым человеком, которого пришло в голову увидеть Каттани, был Сантамария. Он отправился к нему с просьбой немедленно связать его с профессором Лаудео, который надавал ему столь щедрых обещаний. Такой человек, как он, входящий во все сферы, быть может, был единственный, кто мог бы нажать на нужные пружины, чтобы освободить девочку.

— К сожалению, — огорчил его журналист, — профессор Лаудео в настоящий момент находился за границей. Деловая поездка. Право, не знаю, как найти его. — Он окинул комиссара внимательным взглядом и спросил: — А в чем дело? Что-нибудь случилось?

— Нет, нет, ничего. — Каттани помахал рукой, словно считая вопрос исчерпанным. Но потом передумал. Он прямо взглянул в лицо Сантамарии и сказал: —

Послушайте, я буду держать язык за зубами. Я ни слова никому не скажу, но если у вас есть мне что-нибудь сообщить, говорите. Прошу вас.

Услышав эти обращенные к нему взволнованные и загадочные слова, журналист вытаращил глаза и нервно проглотил слюну, явно испуганный.

— Слушайте, — ответил он, — клянусь вам, я не знаю, о чем вы говорите. Даю вам честное слово!

* * *

С чего начать, чтобы установить контакт с похитителями? Где искать конец ниточки, хоть самой тоненькой, которая привела бы к берлогу, где держат пленницей его дочь? Комиссар решил стучаться во все двери.

Он направился в суд искать адвоката Терразини. Какими судьбами, комиссар? — приветствовал его с обычной добродушной улыбкой адвокат.

Каттани пристально на него посмотрел, надеясь уловить хоть какой-то знак, жест согласия, приглашение поговорить в более уединенном месте. Но Терразини оставался невозмутимым, и комиссар рискнул прозондировать более решительно.

— Скажите, — начал он, — вы ничего не слышали? Знаете последние новости?

— Вы имеете в виду ваше расследование? — Терразини пожал плечами. — Что я могу сказать? Вы творите нечто невообразимое, перевернули все вверх дном. Будем надеяться, у вас имеются достаточные основания.

Каттани с надеждой перехватил взгляд адвоката. — А о новостях другого рода вам ничего не известно? — спросил он.

Терразини откинул голову назад, словно желая его лучше разглядеть.

— Комиссар, — сказал он, — что это вы сегодня загадываете мне загадки?

* * *

Кто знает, может быть, графиня Камастра? Может, они выбрали именно ее, такую решительную и самоуверенную, в качестве канала связи?

Он застал графиню в ее кабинете. Она отпустила двух инженеров, с которыми обсуждала новый проект, и пригласила Каттани войти.

— Ольга, — начал он, — мне необходимо с вами поговорить.

Женщина встревоженно наморщила лоб.

— Что случилось? — спросила она. — Какие-то неприятности?

После некоторого колебания Каттани сказал:

— Вы мне друг или враг?

— Ну что за речи, — отозвалась она.

— Вам известно, что произошло?

Женщина вздохнула и метнула на Каттани пронзительный взгляд, словно желая прочесть его мысли.

— Вы не могли бы говорить хоть чуточку яснее?

Каттани поднялся со стула.

— Ничего, не обращайтесь внимания. Прошу прощения за беспокойство.

Он направился к двери, но когда уже переступал порог, графиня его окликнула:

— Комиссар! Могу я все-таки знать, что происходит?

Каттани оглянулся и посмотрел на нее. Она встала из-за письменного стола и казалась искренне встревоженной. Комиссар прикрыл за собой дверь.

ЧЕЛОВЕК В ЗАПАДНЕ

Первые распоряжения поступили ночью — со следующим звонком. Отдавал их тот же голос. Он требовал отмены конфискации рыболовного судна, на котором была обнаружена партия морфина. И продиктовал, в каком порядке должна быть осуществлена эта процедура. Адвокат владельца судна представит в полицейское управление накладные одной фармацевтической фирмы, заверенные печатями министерства здравоохранения. В них содержится разрешение на отправку из порта Неаполя в порт Трапани некоторого количества пакетиков морфина «для использования в лечебных целях». Каттани должен поверить этой версии.

На следующее утро комиссар сказал прислуге, что она может не приходить, пока он сам ее не вызовет, потому что дочь некоторое время поживет у подруги.

Он отправился на работу, и вскоре явился Альтеро, размахивая пачкой документов. Он поднес их к носу и проговорил:

— От них за километр пахнет липой. — И, протянув

их Каттани, добавил: — Глядите, о перевозке этого морфина будто бы просила фирма «Сицил фармачи». Просто курам на смех!

Комиссар сделал вид, что внимательно проверяет документы. И наконец сказал:

— Мне кажется, все в порядке.

— То есть как в порядке? — изумился Альтеро.

— Все законно, — Каттани поднялся из-за стола. — Что вы так на меня уставились? Думаете, я сошел с ума или совсем обалдел? Нет, мой дорогой Альтеро, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что эти бумажки липовые. Но нам выгодно принять их как подлинные. Через некоторое время они станут в наших руках оружием против, к примеру, той же фирмы «Сицил фармачи».

— Так что же мне в таком случае? Отменить конфискацию судна?

— Разумеется.

Альтеро покачал головой.

— Ладно, комиссар. До сих пор вы всегда оказывались правы.

* * *

Шел день за днем, и нервное напряжение становилось все невыносимее. Он непрерывно следил за каждым своим словом, каждым жестом. И изо дня в день, подобно Пенелопе, распускал кусок сотканного с таким трудом полотна. Иногда, когда он вечером возвращался домой, необходима была разрядка, и он в иступлении колотил кулаками о стену, пока не отрезвляла боль. Нет страшнее врага, чем невидимые тени.

После одной из таких вспышек он совсем обессилел. Но телефонный звонок, ставший для него кошмаром, наваждением, заставил комиссара подскочить, как на пружине.

Он услышал голос жены:

— Я тебя не разбудила? Прости, что беспокою.

— Нет, нет, какое там беспокойство.

Этот звонок требовал нового напряжения, опять нужно ломать голову, что-то выдумывать, чтобы жена не дай бог не начала что-то подозревать.

— Ты знаешь, я боюсь, — вдруг сказала Эльзе. — Меня мучает мысль, что ты из-за своей работы подвергаешь себя опасности.

— Гони подальше такие мысли, — с досадой ответил он.

— А как Паола?

— Она еще у своей подруги.

— Дай мне номер телефона. Я хочу поговорить с ней.

Он побарабанил пальцами по столу, на котором стоял телефон, и сказал:

— Лучше не надо. Не будем ее дергать. Она прекрасно поняла, что произошло между нами, и ей нужно невозможно успокоиться.

Эльзе сразу заговорила другим тоном:

— Смотри, если ты хочешь отдалить ее от меня, я не позволю.

— Ну что ты выдумываешь? — Он пытался говорить как можно ласковее. — Может, мы с тобой не слишком хорошие муж и жена, но попытаемся хотя бы быть хорошими родителями. Мы должны думать о благе девочки, а не враждовать из-за нее.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что наша общая тревога за жизнь дочери, быть может, поможет нам вновь обрести друг друга. — Слова лились сами по себе, без всякой связи с его мыслями.

На том конце провода воцарилось изумленное молчание. Потом жена проговорила:

— Не шути такими вещами. Если по правде ты так не думаешь, не надо бросаться словами, только заставишь меня еще больше страдать. Ведь я уже почти примирилась с тем, что вышло.

— Послушай, — ободряюще проговорил Каттани, — когда Паола успокоится и вернется домой, давай с нею поговорим вместе, по-честному. А там решим, что делать.

Вконец вымотанный, он повесил трубку и бросился на постель. Скрестив руки за головой, уставился в потолок. Раньше он никогда не замечал, но как раз над ним на потолке темнело пятно. Маленькое темное пятнышко. Чем дольше он не него глядел, тем быстрее оно меняло свои очертания, превращаясь на глазах в какое-то страшное чудовище. Боже мой, только этого не хватало, пришел в себя Каттани, теперь еще и галлюцинации!

Потом, как стало уже привычным, позвонили похитители с новыми требованиями. Теперь они требовали, чтобы освободили Санте Чиринна.

— Да как я это сделаю? — возразил комиссар. — Поймите наконец, что все-таки не все возможно!

— Слушай меня хорошенько, — загремел голос в трубке, — меня не касается, что возможно, а что нет. Плевать я на это хотел. Этот парень гниет в тюрьме, и его надо отсюда вытащить. Понятно? — Несколько секунд молчания, а потом голос опять приобрел эту проклятую издевательскую интонацию: — Знаешь, у меня ведь очень доброе сердце. Пожалуйста-ка.

В трубке раздался какой-то шум, потом голосок Паолы произнес «папа».

— Паола, Паола, дорогая, — взволнованно закричал Каттани.

Девочка отвечала сквозь слезы:

— Папа, когда же ты за мной приедешь?

— Скоро, скоро, моя радость. Но ты не должна бояться, понимаешь? Все кончится хорошо. Ты меня слышишь?

Девочка больше не отвечала. Прежде чем положить трубку, похититель категорическим тоном произнес:

— Так, значит, не забудь насчет Чиринна!

* * *

Врач профессор Кристини был известен как человек честный и серьезный. Своей жизнью, целиком посвященной науке и работе, он заслужил безупречную репутацию. Многие больные называли его святым, так как с самых бедных он никогда не брал денег.

— Разрешите? — робко спросил профессор Кристини.

На пороге кабинета Каттани стоял старик с ореолом седых волос вокруг головы.

— Входите, пожалуйста.

Врач прикрыл за собой дверь и подозрительно огляделся вокруг.

— Извините за беспокойство, господин комиссар, но я должен обратиться к вам по серьезному делу. — Он непрерывно приглаживал пальцами пышные усы. Прищурив водянистые глазки, он сказал: — Вот уже несколько дней, как мне угрожают смертью.

Каттани стал слушать его внимательнее.

Врач рассказал, что кто-то позвонил ему по телефону и потребовал выдать медицинское заключение, на

основании которого можно было бы освободить из тюрьмы содержащегося там Чиринна.

— Они настаивали, чтобы я согласился подписать заведомо ложный документ, — с растерянным видом произнес профессор. — Я, не более не менее, должен письменно удостоверить, что этот Чиринна страдает острой сердечной недостаточностью. Представляете? А он здоров как бык. Так что они со мной не сговорились. — Он поправил сползающие очки и добавил: — Но дело в том, что теперь они не дают мне покоя. Звонят и угрожают убить. Скажите, комиссар, как мне себя вести?

Комиссар задумался, а потом, когда решил, что нашел нужные слова, ответил:

— Случай, подобные вашему, поверьте, ставят меня в трудное положение. Что бы вы делали на моем месте? Приходит уважаемый человек и просит о помощи. А что я могу ему предложить? Да ничего! — Он с видом отчаяния развел руками. — Ничего! Мафия — это неуловимый, бесслотный призрак. Как защититься от призраков? Вы следите за моей мыслью? А если я обещаю вашу безопасность, кто гарантирует, что они не изберут своей жертвой кого-нибудь из вашей семьи? Они способны на все. Поэтому я воздержусь нам что-либо советовать. Я вас уважаю, но именно поэтому мне хотелось бы уберечь вас от неприятностей. В таких случаях вряд ли стоит строить из себя героя. — Каттани сделал паузу, словно желая, чтобы до врача лучше дошел смысл его слов. — Подойдем к вопросу по существу. Что случится, если вы напишете, что Чиринна тяжело болен? Его переведут из тюрьмы в клинику, где он будет находиться под нашим присмотром. Практически, что изменится? Ничего страшного, профессор, уж вы мне поверьте, ничего страшного не произойдет.

РЕВАНШ

Солнце возвещало скорый приход весны. Уже давно дожди не мыли уличные мостовые, и когда санитарная машина затормозила, сопровождавших ее окутало густое облако пыли. Полицейские соскочили с «джипов» с автоматами в руках и расположились полукругом перед входом в клинику «Вилла Розалия».

Двое санитаров бегом бросились к машине. Распах-

нули задние двери и выкатили носилки, на которых лежал Санте Чиринна. Он был словно спеленут: одело стягивали два привязанных к носилкам эластичных бинта. Видна была только его физиономия, на которой играла торжествующая улыбка.

После долгих колебаний профессор Кристини наконец решился удостовериться, что состояние здоровья Чиринна внушает серьезные опасения. С такой медицинской картой на руках адвокатам не составило особого труда добиться перевода заключенного в клинику.

Клан Чиринна праздновал победу. Его уютная палата с отдельным санузелом была полна родственников. Кузены принесли шампанского, вырядились в умопомрачительные костюмы, широченные галстуки. Рожи у них были до удивления одинаковые: с приплюснутыми носами и глубоко сидящими свинными глазками. Пришла и мать Санте — древняя морщинистая старуха. Чиринна обнял ее, приподнял и стал кружиться с ней по комнате, восклицая:

— Мамаша, я сегодня будто вновь родился!
Кузены разливали шампанское по бокалам:

— Ваше здоровье! Ура!

В самый разгар веселья на пороге палаты появился комиссар, и сразу воцарилась мертвая тишина. Родственники направились к двери, а мать, думая, что он пришел за ее сыном, начала вопить во все горло:

— Нет, не отдам сыночка. Не уводите его!

Потребовалось немало времени, пока Чиринна успокоил ее и объяснил, что за него нечего волноваться.

Когда Чиринна и комиссар остались одни, мафиозо заговорил первым:

— Я чувствую себя другим человеком, — сказал он, надуваясь, как индюк. — В этой дерьмовой тюрьме я не мог больше выдержать. Глядите, какая палата: на полу ковер, кресло, телевизор, телефон. Наконец-то все по-человечески.

Избегая смотреть на него, Каттани попытался завязать разговор. Он отдавал себе отчет в нелепости ситуации. Умасливать этого третьестепенного бандита было просто невыносимо.

— Да, я знаю эту клинику, — начал он, — именно здесь должны были удалить миндалины моей дочери.

— А! — Чиринна словно с небес свалился. — Я и не знал, что у вас есть дочь.

Каттани подавил желание броситься на него и схватить за глотку.

— Да, ей двенадцать лет, — процедил он сквозь зубы.

— Так ей сделали операцию? — с притворным интересом спросил мафиозо.

— Нет, сделают, как только она вернется домой.

— А что — она сейчас в отъезде?

— Вот именно.

— Ну не волнуйтесь. Удаление миндалин — пустяковое дело. — Чиринна разгладил отворот домашней пижамы и добавил тоном жалобы: — Вот у меня действительно неприятности. Сердце начало пошаливать, и преследует правосудие. — Он махнул рукой, словно прогоняя печальные мысли. — Но будем надеяться, — закончил он, — что все обойдется благополучно.

— Я на вашем месте, Чиринна, не был бы таким оптимистом, — холодно проговорил комиссар. — Вы рискуете собственной шкурой. — Под расстегнутым пиджаком Каттани тускло блеснул заткнутый за пояс пистолет.

Мафиозо выпятил подбородок. Взгляд его глаз стал колючим.

— Потихе, потихе, комиссар, — начал заводить Чиринна. — Только сегодня утром читал в газете о похищенном сыне нефтяного магната. Мальчика разрезали на куски. Просто ужасно! — И закончил почти равнодушным тоном: — Вы ведь не будете за мной здесь шпионить? Могу я свободно звонить по телефону?

— Можете, можете, — с досадой ответил Каттани, — звоните, сколько вам влезет.

* * *

Альтеро бы вне себя от ярости.

— Мы выглядим как круглые идиоты, — кипятился он. — Я проходил мимо автосалона Чиринна. Они там празднуют, всех угощают вином. А мы здесь из кожи вон лезем.

Каттани пытался утешить его.

— Да успокойтесь. Настанет и наш черед радоваться.

— Я считаю, — не унимался заместитель, — что надо хорошенько прижать профессора Кристини. Он поддался шантажу.

— Возможно, и так, — согласился Каттани. — Но чего мы можем добиться от врача, каково бы ни было его заключение — истинное или ложное?

— Потребуем новой экспертизы.

— Ничего не изменится, — возразил Каттани.

Альтеро не желал уступать.

— Они были у нас в руках. Хотел бы я знать, как они заставили профессора подписать эту бумажку. Наверно, напугали беднягу до смерти.

— Да уж наверно, — отозвался Каттани.

Оставшись один, комиссар заперся на ключ в кабинете. Он был измучен, выжат, как лимон. Губы его шептали имя дочери. Руки дрожали, глаза наполнились слезами.

— Где ты, моя доченька, где ты? — шептал он.

* * *

Он старался ни в чем не изменять своих привычек. Боялся, что возникнут подозрения и пойдут слухи, которые начнут передавать из уст в уста по всему городу. Поэтому вечером он заехал за Титти и отправился с ней в Клуб интеллигенции.

Девушка выглядела испуганной.

— Я слышала, его выпустили, — сказала она.

— Да нет, — поспешил успокоить ее Каттани. — Он находится в клинике, и наши люди сторожат его днем и ночью. Все равно что в тюрьме.

Титти чуть пригубила «камнари» и после короткого молчания продолжала:

— Иногда я себя спрашиваю: и почему только ты тогда от него раз и навсегда не избавился? Он же пытался тебя убить, а ты сохранил ему жизнь.

— Но ведь я полицейский, а не киллер.

К ним подошел мальчик из бара и сказал, что комиссара просят к телефону.

— Я тебя потревожил?

Каттани узнал голос Кринина. Кто-то ему уже успел сообщить, что он здесь, с Титти.

— Опять ты? Что тебе еще надо? — Комиссар говорил тихо и оглядывался по сторонам. — Ты же получил все, чего хотел, теперь оставь меня в покое.

— Ах, ах, ах, — насмешливо произнес мафиозо. — Он еще имеет наглость хорохориться! Думаешь, все

уже позади, все кончилось? Самое интересное еще только начинается. Вот сейчас, в эту минуту.

— Ну, говори, — в бешенстве выдохнул в трубку Каттани. — Какого дьявола ты еще там придумал?

— Сейчас скажу, лопух легавый. — В голосе послышалась угроза. — В этом городе все должно вернуться на свои места. Стать по-прежнему, как было до того, как тебя принесло на нашу голову. Усек? Поэтому слушай внимательно. С Титти считай, что ты завязал. Попрощайся с ней, и завтра она вернется к себе домой. Хватит с нее этого богоугодного заведения, понял?

— Звонили с работы, — солгал комиссар в ответ на вопрос Титти.

Вид у девушки был сосредоточенный и вместе с тем доверчивый, словно она хочет сказать ему что-то важное. Нагнувшись к уху Каттани, она прошептала:

— Знаешь, о чем я подумала, пока ты говорил по телефону? Что, если уехать всем нам из этого города — мне, тебе и девочке? Исчезнуть и начать новую жизнь где-то в другом месте.

Он закинул ногу на ногу, открыл новую пачку сигарет и ответил:

— Ты же прекрасно знаешь, что это невозможно.

— Почему? Если дело в деньгах, так того, что я получила в наследство, нам вполне хватит.

Лицо Каттани омрачилось.

— Дело не в деньгах, Титти. Я здесь еще не рассчитался с долгами. Я расследую три преступления, и одна из жертв — твоя мать.

— А я не могу сдерживать дрожь при одной мысли, что следующей жертвой можешь оказаться ты.

— Ну нет. Они уже упустили подходящий случай. В некотором смысле можно считать, что мне сделали прививку и опасность уже не грозит.

— Тогда в чем же дело? — Девушка медленно повернулась и посмотрела ему в глаза. — Может, ты не веришь, что я сумею навсегда покончить с наркотиками? Не так ли?

— Вовсе нет, — сказал Каттани. — Ты, безусловно, сумеешь это сделать. Более того, знаешь, о чем я думал? Там, у донна Манфреди, мне кажется, странная обстановка. Какой-то проходной двор: одни приходят, другие уходят. Может быть, если хорошенько взвесить, тебе стоило бы вернуться домой. Я поставлю тебе у ворот

парочку агентов, и ты будешь себя чувствовать в безопасности.

— Но теперь, когда он в клинике, он может мне звонить по телефону.

— Ну и что? Не позволяй себя запугать. Ты только должна быть очень осторожна. Если он станет спрашивать обо мне, о наших отношениях, ты не должна проговориться, что рассказала мне о том, как он убил Маринео и твою мать. Это очень важно.

Титти не могла скрыть растерянности.

— А если он придет мне домой наркотики?

— Ты притворись, что снова начала колоться, продолжал настаивать ее Каттани. — Пусть поверят, что ты не вылечилась. А сама отдавай все, что он пришлет, дону Манфреди. Согласна?

— Ты меня любишь? — спросила девушка.

— Люблю, конечно, люблю, — заверил он.

— Тогда для меня все будет куда легче.

* * *

Одержав над ним победу им было мало. Они хотели раздавить, уничтожить противника. Высмеять его. Телекомпания Сини-ТВ с удовольствием предоставила им свои услуги. Одну из передач Нанни Сантамария посвятил теме: «Как обстоит дело с расследованием».

На экране перед телезрителями предстал адвокат Терразини, со страдальческим выражением лица изрекающий сентенции вроде: много шума из ничего. Туча пыли.

— Однако поднятой с какой-то тайной целью? — коварно вставлял вопрос ведущий.

— Не исключено, — как бы между прочим ронял Терразини. — Если только речь не идет о каком-то личном деле, например, не касается женщин. Но, с моей стороны, останавливаться на подобных темах было бы неэтично.

Ведущий с готовностью подавал следующую реплику:

— Комиссар Каттани полагает, что раскрыл операции по пересылке и сбыту наркотиков в колоссальных масштабах...

Терразини пожимал плечами и разводил руками, как бы говоря, что сам он тут ни при чем. И добавлял:

— Комиссар, наверно, больше меня осведомлен во

всем, кто касается наркотиков. Ведь он знаком с теми, кто их употребляет, он помогает им, и, быть может, ему в порыве страсти к излишнему морализаторству чудятся чудовища там, где их нет. Иногда случается и такое!

«У НАС ЕСТЬ ДРУЗЬЯ»

Он еще раз перебрал всю груды папок, но не оставив никаких сомнений: двух досье не хватало. Заместитель прокурора Бордонаро прищурился и провел пальцем по дверце металлического шкафа. Никаких следов взлома вокруг замочной скважины не было.

«Унесли... украли», — не в силах поверить в случившееся, повторял он про себя. На всякий случай тщательно просмотрел все бумаги, высящиеся горой по обе стороны стола. Потом, возмущенный и растерянный, набрал номер Каттани.

— Невозможно поверить, — сказал он. — У меня в кабинете из шкафа выкрали два досье — на Раванузу и на Терразини. Да-да, вот именно, со всеми документами относительно банковских счетов «Жасмина» и «Мака»... Да, и заключение графологической экспертизы по проверке подписей тоже. Фантастика! Вокруг нас люди, которым нельзя доверять, дорогой комиссар. Скажите, а у вас случаем не сохранилось копий этих материалов? Конечно, копия не так ценна, но все же лучше, чем ничего.

— Да, — ответил Каттани, — копии у меня имеются.

Повесив трубку, комиссар открыл свой металлический шкаф, отодвинул несколько стоящих в строгом порядке толстых скоросшивателей и вытащил две папки. Быстро проверил, что это именно то, что нужно — досье на Раванузу и Терразини, и спрятал их в свой «дипломат». Потом нервно потряхнул одну ладонь о другую, словно желая стереть какие-то компрометирующие следы, и нажал кнопку звонка.

Дверь отворилась, и на пороге робко показался молоденький полицейский.

— Слушаю, господин комиссар.

Каттани приказал позвать Альтеро. Не успел заместитель войти, Каттани осыпал его градом упреков.

— Как мы можем побороть мафию, если ее сообщники ходят тут, среди нас? — Разыгрывая глубокое

возмущение, он указал на распахнутый шкаф: — Видите, до чего они дошли? Тут не хватает досье. Исчезли!

Альтеро клялся, что на этот раз виновные жестоко поплатятся.

— Вчера вечером мы с вами их вместе просматривали, — сказал он. — Значит, их взяли этой ночью.

Он открыл дверь в коридор и громко крикнул:

— Кто дежурил сегодня ночью?

— Сеттимелли, — ответил кто-то из агентов.

— Сеттимелли... Сеттимелли... — Альтеро пытался мысленно себе его представить. — Ах, этот новый парень! — наконец воскликнул он. — Ну, он у меня быстро расколется!

* * *

Автомобиль медленно ехал по разбитой мостовой окраинных улочек. Потом сделал крутой поворот, тусклые городские огни остались позади. Почти полночь. Каттани сосредоточенно вел машину и внимательно взглядывал в темноту. Вдруг он затормозил. Вот наконец то, что он искал. В свете фар вырисовывался кривой столб у обочины дороги. Наверху его красовался кусок картона, на котором от руки было накорябано: «Куры и яйца».

Через несколько метров за столбом, справа, темнел проселок, уходящий в поле. Каттани свернул на него и, проехав метров триста, выключил мотор. Стал ждать.

Не прошло и пяти минут, как сзади шелкнула дверца. В темноте он разглядел силуэт мужчины, который, усаживаясь в машину, спокойно произнес:

— Не оборачивайтесь, комиссар.

Каттани узнал голос. Это был тот самый человек, что звонил ему по телефону. Не оборачиваясь, комиссар скосил глаза на зеркало заднего вида, но во тьме что-нибудь разглядеть было невозможно.

Тогда, просто чтобы позондировать почву, он спросил:

— Как вам удалось стащить документы у прокурора?

— У нас есть друзья, — прозвучал лаконичный ответ.

— Может, он сам — ваш человек?

— Нет, это сделал другой, — ответил с раздраже-

нием незнакомец. — И вообще что за любопытство? Вы принесли ваши папки?

Каттани открыл «дипломат», вынул досье и, не оборачиваясь, протянул их назад.

— Я то, что обещал, выполнил, — сказал Каттани. — А вы когда мне возвратите девочку?

— Когда дело будет окончательно улажено, — сказал, как отрезал, мужчина и исчез в ночной темноте.

* * *

На следующий день в полицейском управлении царил напряженная атмосфера. Лица у всех были угрюмые, нервы — на пределе. Один Альтеро не терял спокойствия и призывал не падать духом. «Все равно наша возьмет, — подбадривал он Каттани. — Восстановим все с самого начала».

Комиссар вспомнил о полицейском, который дежурил ночью.

— Ну что там с этим Сеттимелли? — справился он. У комиссара сжималось сердце при мысли, что по его милости у парня, абсолютно не причастного к этому делу, могут быть серьезные неприятности.

— Он у меня в кабинете, — сказал Альтеро, — дрожит как осиновый лист и клянется, что ничего не трогал. Но я ему покажу. Он у меня скоро запоет. Даю голову на отсечение!

Каттани направился в кабинет Альтеро. Его заместитель последовал за ним. Когда они вошли, Сеттимелли стремительно вскочил и вытянулся в струнку. Это был худощавый блондинчик, перепуганный до полусмерти.

С надеждой глядя на Каттани, он обратился к нему:

— Господни комиссар, я ни к чему не притрагивался, клянусь вам!

— Кроме тебя, было некому, — холодно проговорил Альтеро.

— Минутку! — Каттани поднял руку, словно отменяя любое категорическое и окончательное суждение. — Не будем никого обвинять, пока у нас нет стопроцентной уверенности. Может, это действительно был кто-то другой, каким-либо образом — как, мы сейчас себе еще даже не представляем — проникший в управление.

Услышав его слова, полицейский чуть приободрился. И ухватился за хрупкую соломинку.

— Господин комиссар, — сказал он, — я из честной семьи, не какой-то преступник, я просто не мог бы этого сделать.

— Успокойся, — проговорил Каттани. — Мы постараемся как-нибудь все уладить.

* * *

Море билось о скалы, и в воздух вздымались облака мельчайшей водяной пыли. Брызги то и дело ударяли в лобовое стекло машины, стоявшей на маленькой площадке у обочины дороги. Стекло было совсем уже мокрое, и Каттани сквозь стекающие по нему струйки видел голубое пятно моря словно через бутылочные осколки.

Подъехала другая машина и остановилась почти вплотную позади автомобиля комиссара. В ней сидели двое полицейских в штатском, а на заднем сиденье виднелась хрупкая фигурка Титти. Девушка вышла и пересела в машину Каттани, рядом с ним.

— Мы дошли до того, что должны встречаться тайком, — раздраженно проговорила она. — Разве это не смешно?

— Успокойся, — отвечал Каттани. — Когда-нибудь ты поймешь, почему так надо.

— О боже, — вздохнула Титти. — Что означает вся эта таинственность? Мы были так счастливы, так радовались нашим встречам. А теперь вынуждены прятаться. Ох, извини. Наверно, у тебя есть какие-то свои причины. Но мне с каждым днем все труднее. Чиринна замучил меня своими звонками. Звонит днем и ночью. «Ты меня не забываешь?» — спрашивает. «Нет, нет, помню». — «Ты меня любишь?» — «Да, люблю». Не знаю, сколько я еще выдержу, сколько смогу еще ломать эту комедию.

— Уж как-нибудь не теряй терпение, — ответил Каттани. Он откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

Она отвела от него взгляд. Из окна машины были видны кружащие над морем чайки. Они описывали ровные круги и вдруг стремительно пикировали. Погружали голову в воду и взмывали вверх с крепко зажатой в клюве добычей.

— Терпение, — повторила девушка. — И до каких же пор мне нужно сохранять терпение?

— До тех пор, пока это будет необходимо. Я велел привести тебя сюда, — добавил он, — чтобы сказать нечто важное. Хочу заверить, что между нами ничего не изменилось. Я люблю тебя по-прежнему. Ты это должна знать. И никогда не забывай об этом, что бы ни случилось. Поняла? Что бы ни случилось.

Титти видела, как руки Корrado с дикой силой сжали баранку руля. Ей передалось это нервное напряжение. Девушка чувствовала, что он доверил ей какую-то пугающую, ужасную тайну. И не решилась о чем-либо спрашивать. Она накрыла ладонью его руку и прошептала:

— Я тоже люблю тебя, Корrado.

* * *

Молоденький официант был невысокий, худощавый, с крупными лошадиными зубами. Руки у него были жирные, фартук весь в пятнах. Он устало поставил тарелку с бифштексом перед Каттани и обтер ладони о передник.

— Послушай-ка, — сказал комиссар, — принеси мне еще большую кружку пива.

Парень кивнул и, шаркая ногами, появился между столиками. Траптория была переполнена. Посетители, большей частью молодежь, невообразимо шумели. Как раз напротив комиссара сидел мужчина лет пятидесяти в выпетшей кепке, из-под которой свисали длинные космы. Склонившись над столом, он не спеша тянул из стакана вино, что-то бормоча про себя, и на губах его запавшего рта то и дело появлялась ухмылка.

Каттани с трудом сдерживал раздражение. Он не выносил этот шум, грохот включенного на всю мощность телевизора, который все равно никто не слушал, не выносил этот все более сгущавшийся зловонный туман — смесь кухонного чада с табачным дымом.

К столику приблизился какой-то тип с усиками, жующий резинку. Он приложил два сальных пальца ко лбу, словно отдавал честь.

— Разрешите, комиссар? — спросил он, отодвигая стул и усаживаясь. — Мне надо с вами поговорить.

Каттани, не отвлекаясь от еды, продолжал кусочек за кусочком отправлять в рот свой бифштекс.

— Ну что же, послушаем, — ответил он.

Незнакомец мялся, видимо не зная, с чего начать. Потом, как бы оправдываясь, проговорил:

— Гонца не казнят за плохие вести! — И после паузы добавил: — Друзья недовольны.

— Чем же они недовольны? — спросил Каттани, не поднимая голову от тарелки.

— Вашим заместителем.

— Альтеро? А что такое он сделал?

— Мешает, господин комиссар. Очень мешает.

— Такая у него работа.

— Но очень уж он всем осточертел. Так вот... — собеседник переломил надвое деревянную зубочистку. — Так вот, если бы завтра вы послали его в Палермо, мы бы обо всем сами позаботились.

— Что? — Каттани хватил кулаком с зажатым в нем ножом по столу. — Кровавопролития я не допускаю, — прошипел он сквозь зубы. — Понял, ты, грязное животное? — Он размахивал ножом перед физиономией незнакомца. — Я тебя сам прикончу! — Жилы на щеке у Каттани вздулись, землистого цвета лицо было страшно.

Сидевший перед ним застыл с открытым ртом, в зубах у него застряла жевательная резинка. Его темные глазки были прикованы к сверкавшему в опасной близости ножу.

— Прикончу тебя собственными руками, — повторил в отчаянии Каттани.

Мужчина опасливо отодвинулся вместе со стулом, потом вскочил и пустился бегом к двери.

* * *

Каттани возвратился домой поздно вечером. Он был удивлен, увидев в квартире зажженный свет, а еще больше — двух ожидавших его там гостей.

— Вы нас уж извините, что мы позволили себе вот так войти к вам.

Это были кузены Чиринна, с напояженными волосами и, как обычно, свисавшими из верхнего кармана огромными платками.

— Мы пришли, чтобы взять кое-что для девочки. Платя, майки, трусы.

Каттани все еще не мог прийти в себя после разговора в trattoria. Он схватил керамическую ста-

туэтку и изо всех сил запустил ею в стену. Он попал в картину. Из рамы вылетело стекло и осколками усыпало кузенов.

— Мы пришли к вам как друзья, а вы психуете.

— Вы преступники, опасные сумасшедшие, — сказал Каттани. — Ничего для нас не стану больше делать.

— Ну ладно, ладно, — продолжал тот же кузен снисходительным тоном. — Ладно, забудем эту историю с вашим заместителем. Конечно! Будто и не говорили. — В руке в него была зажженная сигара. Направив ее на Каттани, он добавил: — Однако, со своей стороны, вы должны забыть синьорину Титти. Вы не соблюдаете нашей договоренности, тайком ходите к ней на свидания. Мы, конечно, все понимаем и многое можем простить, но и вы тоже должны проявить понимание.

У комиссара чесались руки. Он еще не пришел в себя после вспышки ярости, хотелось схватить эту варочку и разможить их пустые головы так, как он разбил статуэтку. Но он ограничился лишь тем, что сказал:

— Смотрите, будьте осторожны, потому что эта история может для вас очень плохо кончиться.

— Ну вот, теперь вы хотите нас сглазить! — сказал кузен с сигарой. — А мы-то приберегли для вас приятный сюрприз. — Он нарочно выдержал долгую паузу и с улыбкой спросил: — Не хотите ли поехать с нами повидать дочку?

Завязав ему глаза, они уложили Каттани на заднее сиденье машины. Автомобиль кружил больше полчасика. Каттани пытался мысленно проследить его путь, отмечая повороты, прислушиваясь к звукам извне. Но вскоре вынужден был от этого отказаться, так как перестал ориентироваться.

Когда машина наконец остановилась, ему помогли выйти и развязали глаза. Издалека донесся крик ночной птицы. Каттани был дрожа, он дышал прерывисто, с трудом. Вокруг было чистое поле. Он стоял под отбрасывавшим черную тень одиноким большим деревом. Вдали вырисовывался силуэт небольшого сельского домика. Больше в темноте ничего нельзя было различить.

Затем увидел, что со стороны домика движется свет фонаря. Кто-то шел по направлению к нему. Он так напряг зрение, что даже ощутил резь в глазах. И на-

конец разглядел: рядом с мужчиной с фонарем семенила девочка. По мере того как они приближались, отец чувствовал, что волнение отпускает его, сердце начинает биться ровнее. Он впился в дочь взглядом.

— Папа! — Девочка отделилась от человека с фонарем, побежала и бросилась в объятия отца.

— Дорогая, сокровище мое! — Каттани крепко прижал ее к груди, приглаживал растрепавшиеся волосы, вытирал слезы, продолжая шептать ласковые слова: — Маленькая моя, Паолетта, дорогая девочка. — И, не переставая, гладил ее, и, словно баюкая, прижимал к себе.

— Папа, ведь ты меня здесь больше не оставишь? — обеспокоенно спросила девочка. — Они меня держат все время в темноте. Я даже никогда не знаю, день или ночь. Не оставляй меня здесь, папа.

— Ну потерпи еще немножко, дорогая, — отвечал отец. — Ничего не поделаешь, так надо.

— Сколько?

— Несколько дней. — Комиссар постепенно обрел хоть немного хладнокровия и спешил дать девочке какие-то наставления. — Не надо плакать. Папа скоро за тобой придет. Ты должна держаться молодцом. Обещаешь? Мы с мамой будем снова жить вместе, ты будешь с нами, и вот увидишь, все мы будем счастливы.

— Да, папа. Я буду вести себя так, как ты говоришь.

Человек с фонарем приблизился к ним. Высокие сапоги у него были все в земле.

— Ну, пошли, — сказал он резким голосом. Взял девочку за руку и потащил за собой.

— Нет! Нет! — кричала Паолетта. — Пустите меня!

Некоторое время Каттани провожал ее взглядом, потом она скрылась в темноте. До него лишь доносились издали крики девочки: «Папа, папа!» Он хотел броситься за ней, вслед ее голосу. Но один из кузенов ткнул ему в бок дуло пистолета и подтолкнул к машине.

СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ КОМИССАРА

Бордонаро поглаживал бородку, стараясь вникнуть в смысл того, что говорил сидящий напротив него адвокат.

— Да, — повторил юрист, — имеются двое свидете-

лей происшедшей в тот вечер перестрелки между Чиринна и комиссаром. Два человека, которые видели своими глазами, как это все произошло. Если вы соизволите выслушать их показания, они готовы рассказать все подробности.

Зампрокурора выпятил нижнюю губу.

— Двое свидетелей? — повторил он. Он никак не мог взять в толк. — А почему же они ожидали столько времени, чтобы появиться? Где они были раньше?

— Страх, — произнес адвокат, будто речь шла о самой естественной вещи в мире. — Боязнь неприятностей.

— Боязнь неприятностей, — Бордонаро опять повторил слова адвоката, словно это могло помочь, чтобы они уложились у него в сознании. Он переложил на столе уголовный кодекс, спрятал в ящик нож для бумаги. Потом произнес: — Ну что же, позовите этих свидетелей.

В кабинет вошли двое, один низенький, с большим животом, из-за которого он казался еще более коротконогим, другой приземистый, с резкими чертами лица. Он все время приподнимал лацканы пиджака, словно пытаясь что-то спрятать на груди.

— По одному, — приказал зампрокурора.

Оба одновременно попытались к двери, в замешательстве столкнувшись на пороге. Наконец пузан, слегка прихрамывая, прошел вперед.

— Я хочу вам сказать, господин прокурор, — начал свидетель, — что нам, беднякам, не найти справедливости. Толпчут, как хотят. Закон не для нас. Моей бедной матушке давно полагается пенсия, а ей все не дают — не видят достаточных оснований. Нет нам счастья в жизни...

Зампрокурора слушал его со смешанным чувством любопытства и удивления. Потом решил прервать эти излияния и призвал перейти к сути дела.

Свидетель заерзал на стуле, и его огромный живот заколыхался.

— Так вот, — проговорил он, — в тот вечер, когда происходила перестрелка, я с моим компаньоном — мы с ним водители грузовика — оказались как раз у того места, потому что грузовик наш сломался. Машина у нас, господин прокурор, старенькая, но купить новую нет денег.

— Да-да, понимаю, — поторопил его зампрокурора.

— И я видел — и мой напарник тоже, — как господин комиссар стрелял в тех двух мотоциклистов.

— Да, — подтвердил второй свидетель. — и пусть, если я вру, святая Лючия лишит меня зрения, я видел, как сидевший в машине человек, а это, верно, и был господин комиссар, прицелился из пистолета и выстрелил сначала в одного, потом в другого, а они ничего и не думали делать ему плохого. Святые Иисус-Мария, я вам говорю, и мой компаньон, которого вы выслушали, тоже вам говорит, что именно так все оно и было. Иисус-Мария, комиссар палил в них совершенно хладнокровно и без всякой причины.

* * *

Известие о показаниях, данных двумя свидетелями, распространилось по городу с удивительной быстротой. Графиня Ольга Камастра сочла своим долгом выразить участие комиссару, которого теперь изображали как опасного киллера. Она его поджидала у входа в полицейское управление.

— Что происходит? — спросила она. — Вы мне можете объяснить?

Он прошел мимо нее, не удостоив взглядом.

— Оставьте меня в покое.

— Вы не должны со мной так разговаривать. Ведь я вам друг.

— Ради бога, отстаньте от меня, — пробормотал комиссар и скрылся в подъезде.

Сразу же к нему обратился с этим вопросом и его заместитель Альтеро:

— Черт возьми, что происходит?

— Не знаю, Альтеро, не знаю.

— Вас срочно просил зайти к нему доктор Бордонаро.

Он прекрасно знал, зачем понадобился заместителю прокурора. Он также прекрасно понимал, что эта история принимает для него самый неприятный оборот. Тем более следовало не откладывая явиться к Бордонаро и по возможности спокойно выслушать его решение.

— Объясните мне все хорошенько, — сказал Бордонаро. Он сидел, опустив голову на сложенные руки. — Что-то концы с концами не сходятся.

— Теперь, когда я вспоминаю, думаю, что дело было так, — начал объяснять Каттани. — Я увидел,

как они — и тот, и другой — вдруг сунули руки в сумки, и подумал, что они хотят достать оружие.

— Ах, вы подумали! — зампрокурора не мог скрыть своего возмущения и вместе с тем изумления. — Но это просто неслыханно! — Он полистал протокол показаний обоих свидетелей и продолжал: — Тут сказано еще, что они видели, как вы вложили пистолет в руку убитого вами юноши.

— Видите ли, — продолжал Каттани, — этот пистолет был ранее обнаружен у одного убитого хулигана. Когда я узнал в научно-экспертном отделе о том, что из него был застрелен агент Де Мария, то подумал, что ни к чему использовать эту улику против какого-то убитого хулигана, а лучше употребить ее против Чиринна и его клана...

Он сидел прямо и неподвижно, искажая, оборачивая против себя истинный ход событий. Он говорил бесстрастно, спокойно, словно ему уже все равно.

— Это абсурд, нелепость, — проговорил шокированный Бордонаро. Он достал платок и вытер лоб. Потом добавил: — Вокруг все говорят, что ваша ненависть к этому Чиринна объясняется соперничеством из-за женщины.

— Это все давно в прошлом и не имеет никакого отношения к делу.

— Однако, возможно, из-за этой женщины вы зашли против него злобу.

— Я повторяю: это все в прошлом. Похоронено и забыто.

— Однако, увы, не похоронены документы, в которых вы излагали версии, не соответствующие действительности, обманывали нас, — сказал Бордонаро. Он снял очки и медленно опустил их на стол. — Мне очень жаль, — продолжал он, — я действительно очень сожалею, но с этой минуты должен считать, что вы перешли на другую сторону. И вынужден начать следствие по поводу вашего поведения в этом деле.

— Я признаю, что погорячился и натворил много ошибок, — произнес Каттани.

Зампрокурора вопросительно посмотрел на него.

— Да, — продолжал комиссар. — Если хорошенько подумать, то, наверно, я ошибся также в отношении Раванузы и Терразини. Я обрисовал и того, и другого, как исчадия ада, а теперь в том раскаиваюсь. Потому что против них нет абсолютно никаких улик.

С тех пор, как она осталась совершенно одна, Анна Карузо возложила все свои надежды на Каттани. Она в душе создала из него миф и считала, что только он один способен отомстить за смерть ее жениха и ее брата. Новый поворот событий сначала вызвал в ней глубокое разочарование, а потом мало-помалу породил неустойчивую, яростную злость. Выходит, также и Каттани в конечном счете оказался жалким, бесхарактерным мозгляком.

Ей очень хотелось выложить ему все в лицо. Она подошла к нему на улице перед зданием полицейского управления.

— Ну где же ваши красивые обещания? — произнесла она презрительным тоном. — Теперь Чиринна скоро совсем выйдет на свободу. И как вы только могли согласиться с показаниями этих двоих «свидетелей»? Сколько вам заплатили? Сколько? — Она задыхалась от злости, лицо ее побледнело от негодования. — А кто мне возвратит брата и любимого? Кто-о-о?

И с громким криком ударила по лицу комиссара, который застыл, словно окаменев. Потом, прежде чем уйти, девушка крикнула ему напоследок:

— А ведь многие в вас так верили!

Всегда жадные до чужих несчастий, в Трапани, как сарапачи, слетелись корреспонденты крупных газет. Они раздули, насколько могли, образ полицейского-убийцы и разгласили о нем по всей стране. В Милане Эльзе была потрясена, неожиданно увидев в газетах фотографию мужа. Под огромными заголовками сообщалось, что против него возбуждено судебное дело и ведется следствие. В ожидании результатов министерство внутренних дел отстранило его от должности и, в свою очередь, начало дисциплинарное расследование.

Неужели эти два свидетеля сказали правду? Или же это какой-то маневр, лживая выдумка, направленная против ее мужа? Только один человек мог ей помочь разобраться — это Каннито, важная шишка, в доме у которого в Риме она когда-то познакомилась с Коррадо и к которому комиссар всегда был очень привязан.

Эльзе решила позвонить ему по телефону. — Слыхал, слыхал, — сказал Каннито несколько раздраженно. — Мне прислали копию донесения со всеми обвинениями. Не потому, что это входит в мою компетенцию, а лишь потому, что знали, что он был моим учеником. Я к этому делу, повторяю, не имею ни малейшего отношения...

Так, понятно: Каннито хочет отмежеваться. Коррадо для него уже не друг. Просто бывший ученик, который не оправдал надежд...

— Не понимаю, как такое могло случиться, — огорченно продолжала Эльза. — Возможно, он хотел совершить великодушный поступок, спасти эту девушку, так нуждающуюся в помощи и защите.

— Да, я тоже об этом подумал, — согласился с ней Каннито. — Наркоманке ведь нужна ее доза каждый день. Чтобы доставать для нее зелье, Коррадо пошел наговор с каким-нибудь торговцем наркотиками. Ты мне поставляй «товар», а я буду смотреть сквозь пальцы на то, чем ты занимаешься. Но такого рода сделки всегда плохи кончаются, потому что другая сторона становится ненасытной — ей все мало, она требует новых уступок. И ты в конце концов, сам того не заметив, оказываешься замешанным в грязные дела.

— Мне это кажется невозможным, — сказала Эльза. Она раскаивалась, что оставила мужа одного.

— Факты говорят ясно, — возразил Каннито. — Каттани предал тех, кто в него верил, в том числе и вас, дорогая Эльзе. Послушайте меня, нам сейчас остается лишь смотреть, как он идет на дно. Он сам влез в петлю. Вы должны немедленно отобрать у него девочку, а потом сможете начать новую жизнь. Ведь вы-то счастливы, еще молоды. Вам нужен хороший адвокат?

— Адвокат между мужем и женой? — Эльзе была удивлена и раздосадована. — Ох, как это ужасно. Нет, благодарю вас.

Комиссар провел ладонью по лицу. Почувствовал, как колется борода, — он уже три дня не брился. В дверь позвонили.

Ему не хотелось ни с кем разговаривать. Немного поколебавшись, он спросил:

— Кто там?

— Отгадай. — Он узнал голосок Титти.
— Зачем ты пришла? — не сдерживая раздражения, спросил он.

— Чтобы повидаться с тобой.

Не открывая двери, он крикнул:

— Нет, уходи. Сегодня я не хочу тебя видеть.

Девушка была непреклонна.

— Если не откроешь, — сказала она, — я лягу тут, у твоей двери.

Каттани с досадой повернул ключ в замке. Дверь распахнулась, и Титти застыла в изумлении, увидев его заросшим щетиной, с воспаленными глазами.

— Ну нет, — сказала она, — нельзя доходить до такого состояния.

В квартире стоял едкий запах табачного дыма. Девушка распахнула окно. Гостиная напоминала поле сражения. На полу валялись рубашки, пепельницы полны окурков, диван завален газетами и носками.

— Я тут немножко приберусь, — сказала Титти, — а ты сядь и не мешай мне. — Она заглянула в комнату Паолы. — А где девочка? — удивилась она. — Еще ночует у подружки?

— Да, — сухо ответил он, продолжая расхаживать взад-вперед. Словно боялся, что если хоть на мгновение сядет или остановится, то станет удобной мишенью.

— Я у тебя останусь, пока она не вернется, — решительно заявила Титти.

Он обернулся и устремил на нее взгляд, полный ярости.

— Ты немедленно отсюда уйдешь. Сейчас же убирайся! — Потом, немного помолчав и подумав, сменил тактику. Подавив раздражение, проговорил менее резко: — Для тебя же будет лучше, если ты пойдешь домой. Я — конечный человек и уже не в силах защитить тебя.

— Ничего не поделаешь, — отозвалась она. — Значит, мне придется защищать себя самой. Рано или поздно мне нужно научиться это делать.

Впервые Каттани открылось, что под хрупкой оболочкой у этой девушки таится неожиданно твердый характер. Видно, в ней заговорила врожденная гордость старой сицилийской знати.

— Нет, — сказал Каттани, — ты должна держаться от меня подальше. — Теперь его голос звучал умоляюще. — Со мной все кончено. Я стал всеобщим посмешищем. Все надо мной издеваются.

— Но я знаю правду и тебя не покину. А до того, что говорят вокруг, мне нет никакого дела.

— Да дело в том, что я хочу остаться один, — он сжал кулаки с такой силой, что у него побелели пальцы. — Я тебя прошу, оставь меня в покое.

Однако девушка продолжала упорствовать:

— Я тебе не буду мешать. Сяду в уголок, и ты меня даже не заметишь.

Эти ее слова окончательно вывели комиссара из себя. Он так хватил кулаком по кухонному столу, что грязные кофейные чашки подпрыгнули на блюдах.

— Тебе надо уйти! — заорал он. — Я не могу тебя тут держать! И не желаю видеть!

— Так, это, значит, из-за Чиринна, — грустно и задумчиво проговорила она. — Значит, ты тоже его боишься. Теперь он вновь на свободе, и ты дрожишь от страха. Но я-то его не боюсь. Ты почему-то в тот вечер решил сохранить ему жизнь, но я не буду столь мягкосердечна. Если Чиринна явится ко мне, то получит пулю в лоб. Я застрелю его.

— Не говори глупости, — встревоженно сказал он.

— Нет, я это сделаю, — решительно произнесла девушка. — Кто посмеет осудить меня? Ведь он убил мою мать.

С тем она ушла.

Каттани поднял голову и увидел свое отражение в зеркале, висевшем в ванной. У него болели глаза. Он открыл кран и долго держал лицо под сильной струей холодной воды. Тем временем мозг его лихорадочно работал. Он перебирал один за другим все моменты ссоры с Титти. Вытер полотенцем лицо. «Я вел себя по отношению к ней жестоко», — подумал он.

И неожиданно для самого себя выскочил из квартиры, спустился и выбежал на улицу. В тусклом свете редких фонарей никого не было видно.

— Титти! — принялся звать он. — Где ты?

Фары одной из припаркованных неподалеку машин вспыхнули и погасли. Каттани успел разглядеть в машине низко склонившуюся над рулем Титти.

Он взял в ладони ее лицо.

— Я люблю тебя, — проговорил Каттани. — Я хочу это вновь повторить, чтобы ты не сомневалась. Но я не могу увлекать тебя за собой в пропасть.

— Это все из-за Чиринна? Не так ли? — еле слышно спросила она.

— Да нет, — пожал плечами комиссар. — Создалась очень странная и запутанная ситуация. Ты сама потом все поймешь. Постепенно, не сразу.

* * *

Он не мог даже показаться в полицейском управлении. Целыми днями сидел дома, напряженно прислушиваясь. Постоянно ждал телефонного звонка, надеясь что-то узнать о дочери. Он создавал, что загубил и следствие, и самого себя. Чиринна, с которого сняли обвинение в попытке убить его, вот-вот выйдет на свободу. Зачем же тогда они продолжают держать Паолу? Проклятые негодяи.

Каждую минуту — это у него превратилось в манию — он хватал телефонную трубку, желая удостовериться, что телефон в порядке. Иногда, когда становилось невмоготу, он выходил из дома. Садился в машину и уезжал к морю, куда-нибудь подальше, в какой-нибудь уединенный уголок. Там гулял по песчаному берегу, искал красивые отполированные морем камешки. Собирал их, а потом кидал в воду.

Однажды, возвращаясь из такой поездки, он застал у себя дома совершенно неожиданную гостью. Застигнутый врасплох, он в удивлении застыл на пороге.

— Я здесь уже больше часа, — с улыбкой сказала жена. — Ты меня не обнимешь?

Каттани был тронут. Он по-прежнему стоял у двери, глаза его лихорадочно блеснули.

— Ах, значит, ты приехала, — только и мог вымолвить он.

— Да, не могу оставить тебя одного. Газеты пишут, тебя отстранили от должности, начали против тебя следствие. Тебе необходима поддержка. — Она положила ему руку на плечо. — Какой ты бледный, — сказала она, — на тебе лица нет.

Каттани чуть улыбнулся краешком губ.

— У тебя тоже усталый вид, — заметил он. — Тебе надо немножко отдохнуть. — Потом, с некоторым подозрением взглянув на нее, спросил: — А когда меня не было, мне никто не звонил?

— Нет, никто, — ответила она. Ласково пригласила ему волосы. И добавила: — Я не верю клеветам, которые тут возводят. Я-то тебя хорошо знаю. Ты не преступник, какого хотят изобразить. Ну верно, взбрело

тебе в голову связаться с этой юной герцогиней. Ладно, пройдем мимо. Но ты слишком шепетил, чтобы зайти дальше. Ты никогда не стал бы пачкать руки.

Но мысли мужа были где-то далеко. Он слушал ее, а смысл слов до него не доходил. Он пул ногой диван и снова спросил:

— Пока меня не было, телефон не звонил?

— Я же сказала, что нет.

— Какая с моей стороны была глупость, — он теперь часто разговаривал сам с собой. Он уже так привык обращаться только к самому себе, доверять только себе, что даже почти не замечал присутствия жены. — Не надо было мне, черт возьми, выходить из дому.

— Ну что ты так волнуешься? — спросила Эльзе. — Кто тебе должен был звонить?

Каттани облилиз губы.

— Они обещали сделать это сегодня.

— Сделать — что? — Эльзе ощутила смутное беспокойство.

— Освободить ее, — пробормотал Каттани.

— Кого освободить?

Он повернул к ней голову и прошептал:

— Паолу.

— Паолу? Что ты хочешь сказать? — Лицо жены побавровело, она в отчаянии вцепилась в лацкан его пиджака и простонала: — Умоляю тебя, объясни, что это все значит?

Каттани приподнял за подбородок лицо жены.

— Эльзе, — тяжело роняя слова, проговорил он. — Паолу похитили.

— Нет! — отчаянно крикнула она. Потом зажмурилась и закрыла лицо ладонями. — Как это могло произойти?

— Люди, против которых я вел следствие. Месть.

Эльзе покачнулась. Муж обнял ее за талию и подвел к постели. Уложил. Расстегнул блузку. Он видел, как из-под закрытых век у нее катятся слезы. Он вытер ей платком глаза.

— Ее увезли через несколько дней после твоего отъезда, — рассказывал он, продолжая гладить ее лицо. — Я лгал тебе, уверяя, что она ночует у подруги. Иначе нельзя было. Чтобы спасти ее, нельзя было поднимать шум.

Эльзе открыла глаза.

— Ах, так вот почему... — пробормотала она. Те-

перь, в одно мгновение, ей все стало сразу совершенно ясно.

Мужу, по-видимому, сейчас хотелось рассказать ей все по порядку, во всех подробностях, поделиться своей долгой мукой.

— Надеюсь, теперь уже скоро она вернется домой, — закончил он обнадеживающе.

— Ох, — простонала Эльзе, — а если не вернется?

— Есть условия соглашения.

— Соглашения — с кем? С преступниками?

— Они не могут рисковать, — убежденно проговорил он. — Они получили то, чего добивались. И не станут совершать сейчас такой грубой ошибки.

— А если им ума не хватит? Если ее нам не отдадут? — Эльзе встала с постели, вся дрожа. — Где Паола? — начала она кричать. — Где моя дочь? Отдайте мне ее!

Каттани зажал ей ладонью рот. Он крепко обнял жену и прошептал ей на ухо:

— Успокойся. Она вернется, наша девочка.

* * *

Однажды теплым вечером большой автомобиль неслышно проскользнул по бульвару. Поравнявшись с маленьким сквером, он остановился. Из машины вышел один из кузенов Чиринни и огляделся вокруг. Улица была пустыня. Тогда он распахнул дверцу автомобиля и приказал:

— Выходите!

Паола напоминала испуганную птичку. Несмотря на приказ, она не тронулась с места. Тогда он повторил более строго:

— Ну, пошли! — Чтобы поторопить ее, он потянул девочку за руку. — Видишь вон ту скамейку? — сказал он. — Иди сядь на нее и жди.

Девочка направилась к скамейке — маленькая тень в тусклом свете фонарей. Через несколько минут у нее дома зазвонил телефон. Каттани, вне себя от волнения, схватил трубку, несколько секунд молча слушал, а потом, словно избавляясь от кошмара, с облегчением швырнул ее на рычаг.

— Они ее освободили! — задыхаясь от радости, воскликнул он. — Едем!

Каттани молча вел машину. И жена, сидевшая

рядом затрав дыхание, не проронила ни слова. Оба словно боялись дышать.

Первым увидел ее отец. Она съежилась на скамейке, будто замерзший зверек.

— Паола! — позвал он вне себя от радости. И бросился обнять ее.

Но девочка неизвестно почему оттолкнула его и отшатнулась. Пронзительно закричав, она вытянула вперед руки, словно желая защититься от опасности.

— Не дотрагивайся до меня, — с ужасом и мольбой прошептала она.

Он не мог понять, в чем дело.

— Паола, это я, твой папа. — Но девочка не слушала его.

Когда же приблизилась Эльзе, Паола одним прыжком бросилась в объятия матери.

— Ах, мама! — всхлипывала она, содрогаясь всем телом от рыданий.

В тот момент Каттани приписал поведение дочери пережитому шоку, нервному напряжению. Да кроме того, и сам он был слишком взволнован, чтобы строить какие-то другие предположения. Куда более страшные.

Дом он оставил девочку наедине с матерью, чтобы она скорее пришла в себя. После всего пережитого, думал он, теперь жизнь, возможно, войдет в прежнюю колею. Также и перспективы его работы казались уже не такими мрачными. Может быть, ему разрешат вновь взять в свои руки расследование. Вот тогда он им покажет. Вот тогда они у него, черт возьми, заляшут, эти сукны дети, эти проклятые мерзавцы.

Из комнаты дочери вышла Эльзе. Лицо у нее было искажено гримасой страдания.

— Знаешь, почему она тебя отталкивала? — сказал она. — Ты вызываешь у нее такой ужас, потому что ты мужчина. Ее изнасиловали.

ПРОЩАНИЯ

Вокруг были разлиты ароматы весны. Каттани глубоко вдохнул воздух, набрал полные легкие. Он стоял, ожидая поезд, на платформе вокзала, вместе с женой и дочерью. Позади них остановился, насистывая, какой-то железнодорожник. Каттани обернулся взглянуть на него и уголком глаза заметил направляющуюся

к ним девушку с черными, как вороново крыло, волосами.

Это была Анна Карузо. Она приближалась своей уверенной, исполненной достоинства походкой. Протянув руку, она сказала:

— Комиссар, я должна перед вами извиниться. Я не могла дать вам уехать, не попросив прощения за ту пощечину.

— Это не имеет значения, — пожав плечами, проговорил комиссар. Потом отвел девушку в сторону и спросил: — Можно попросить вас об одном одолжении? Никому другому я не могу доверить. Пойдите к Титти Печчи-Шалоя и объясните, что я уехал потому, что должен заняться дочерью, показать ее специалисту и поместить на лечение. Но я вернусь. Скажите, что, как только смогу, я немедленно дам ей о себе знать.

— Вы могли навести порядок в этом городе, — сказала девушка. — Но вам не дали этого сделать. Надеюсь, скоро вас восстановят в вашей должности.

— Не знаю, — ответил Каттани. — Не знаю, позволят ли мне сюда возвратиться.

* * *

Мафиозо Санте Чиринна вышел из клиники в четверг во второй половине дня. После новой версии перестрелки, выдвинутой двумя свидетелями и подтвержденной Каттани, обвинение в попытке убийства комиссара отпало. Больше не было никаких причин держать Чиринна под арестом. Полицейских, стороживших его палату, убрали, и он мог совершенно свободно покинуть клинику в сопровождении целой свиты родственников и друзей, пришедших разделить с ним его триумф.

После поздравлений и возлияний Чиринна надел двухцветные остроносые ботинки, вынул из ладони полфлакона одеколона, протер подмышки и нарядился в новый костюм в крупную клетку. Любуясь на себя в зеркало, он принимал различные позы — в профиль, три четверти, с легкой улыбкой и улыбаясь во весь рот, демонстрируя все тридцать два зуба. В этот день ему надлежало быть совершенно неотразимым.

Весь лоснящийся и раздутый от самодовольства, он уселся в свой «мерседес» и велел кузену, который был

у него за шофера, отвезти его домой к Титти. У подъезда палатко он столкнулся с Анной Карузо.

— Что тебе тут надо? — набросился он на нее.

— Мне нужно поговорить с синьориной Титти, — ответила девушка.

— Не о чем тебе с ней разговаривать. Что ты ей можешь сообщить такого интересного? — заорал он. Поправив рукой узел широкого яркого галстука. И, видя, что девушка не уходит, приказал: — Убирайся, не путайся под ногами, не то кончишь так, как твой брат и жених. Иди, иди, место женщины дома.

Взгляд у Титти был потухший, словно она уже смирилась с собственной судьбой. Он вошел в ту же гостиную, где убил Марино и герцогиню. Там царил полный беспорядок. На кресле были накинаны какие-то вещи, украшавшие комнату безделушки валялись кое-как, все было покрыто густым слоем пыли, а со стен и потолка осыпалась штукатурка.

— Титти... Титти... — радостно восклицал Чиринна, обняв девушку. Он гладил ее по спине, пытался засунуть руку под юбку. — Ах, ты моя красотка, — нащипывал он. — Лучше всех.

Девушка пыталась освободиться, наконец ей удалось немножко от него отодвинуться.

— Титти... Титти... — слащаво повторял он. Потом, подмигнув, проговорил: — Значит, ждала своего старого доброго Санте! Небось не могла дожждаться!

Решительным движением Титти высвободилась из объятий, оттолкнув его так, что он налетел на стул.

— Ты что, убегаешь? — растерянно спросил Чиринна. И вкрадчиво добавил: — А я тебе принес немножко порошочка. Хочешь?

— Мне его не нужно, — сказала она.

— Вот и хорошо. Значит, ты выздоровела. Меня это радует, потому что я хочу, чтобы мы с тобой как можно скорее поженились.

Титти разразилась смехом.

— Ты хочешь, чтобы я стала твоей женой?

— Конечно. Все вокруг сдохнуло от зависти, потому как что у меня, что у тебя полно денег.

— Чиринна, ты хочешь слишком высоко прыгнуть. Задумал стать аристократом! Но это у тебя все равно не выгорит.

— Ну как ты можешь такое говорить? — обиделся он. — Я хочу на тебе жениться, потому что люблю

тебя. — Высоко подняв руки, он сделал нечто вроде пируэта. — Вся в белом ты будешь просто потрясающе выглядеть!

— Выброси это из головы, — тихо и совершенно спокойно произнесла девушка.

— Сейчас ты просто немножко устала, — усмехнулся он, — сама не знаешь, что говоришь. Но завтра, когда спокойно все обдумаешь, вот увидишь, эта мысль тебе понравится.

— Хорошо, хорошо, — сказала Титти с саркастической улыбкой, больше похожей на гримасу. — Оставим до завтра. Подожди до завтра.

Взгляд у нее был совершенно безучастный, словно она утратила всякий интерес ко всему окружающему.

* * *

Утро следующего дня возвестило о себе веселым солнечным светом, залившим спокойную гладь моря. Массивный силуэт палатки Печчи-Шалоя четко вырисовывался на фоне окружающих домов. Уборщик улиц, лениво подметавший тротуар у палатки, заметил, что в окне на самом вершине здания, там, где старый герцог оборудовал для себя нечто вроде мансарды, с ночи горит свет.

Это показалось ему в высшей степени странным: в этот ранний утренний час, когда весь город еще погружен в сон, зажжено электричество. Он продолжал мести панель. И то и дело поднимал голову и смотрел на это освещенное окно. Когда он подошел ближе, его удивление усилилось: окно было распахнуто.

Опершись на метлу, он стоял сгорбившись и, весьма заинтригованный, раздумывал, что бы это могло значить. Он перевел взгляд с окна на землю и вдруг заметил посреди мостовой нечто, что заставило его содрогнуться. Как раз напротив этого окна лежало человеческое тело. Он хорошо различал его не более чем в десятке метров от себя, в круге света, отбрасываемого еще не погашенным уличным фонарем.

Метельщик с опаской приблизился. И остолбенел, узнав Титти. Ее длинные волосы разметались вокруг головы наподобие короны. Она разбилась насмерть, и с ее белого, как полотно, лица уже исчезли все краски жизни. Она спокойно лежала, подвернув под

себя ноги, со сложенными на груди руками. Казалось, она сладко спит.

* * *

Лечение Паолы предстояло быть долгим и трудным. Дочь Каттани оказалась очень глубоко и сильно травмирована. Целыми часами она сидела неподвижно, погруженная в себя, словно отгородившись от всех окружающих.

Мать не отходила от нее. Иногда девочка хватала ее за руку и молча подолгу держала. «Ничего, — говорила Эльзе, утешая мужа, — постепенно она придет в себя. Я словно помогаю ей заново родиться на свет».

Отец по-прежнему вызывал у девочки ужас. Паола глядела на него затравленно.

— Лучше не будем форсировать, — посоветовал психиатр. Они с Каттани гуляли по окружающему клинику роскошному парку. Вокруг высились горы, вершины их покрывал снег. В Швейцарии весна еще не окончательно сменила зиму. — Понадобится время, — продолжал врач. — Немалое время. Ей нужно оправиться от глубочайшего потрясения.

ОТМЩЕНИЕ

С отъезда Каттани прошел целый месяц. Трапани вновь погрузился в сонное спокойствие. Постепенно все вернулось на свои места. Каждая мелочь сама становилась на прежнее место — так вирусы, поборов антитела, распространяются по клеткам.

Но у комиссара остался неоплаченный счет. И в один прекрасный день он вновь появился в Трапани, горя намерением отомстить. Явился к графине Камастре. Она открыла ему дверь и увидела его мрачным и нахмуренным, как бог войны.

Какое-то мгновение она, в растерянности, колебалась. Потом пригласила войти.

— Я изумлена и возмущена до глубины души, — проговорила она. — Я ничего не знала о похищении вашей дочери.

— К чему вы это говорите? Хотите создать себе алиби? — резко сказал он. — Мою дочь похитили и из-

насиловали также и для того, чтобы защитить интересы таких, как вы.

Графиня прикрыла глаза.

— Вы участвуете в этой игре, — продолжал Каттани. — Чем вы занимаетесь с вашими чистенькими строительными предприятиями, с вашими не вызывающими подозрения сделками? Я сейчас вам скажу: вы «отмываете» грязные деньги. Вы принимаете финансирование от банка Раванузы и не спрашиваете его о происхождении этих денег. — Он потер рукой висок и продолжал: — Но в этой игре вы все-таки лишь пешка. И засадить за решетку я хочу не вас.

Луч солнца разрезал комнату пополам, он играл на лице графини.

— Я понимаю ваше душевное состояние, — проговорила Ольга, — и, хотя вы мне не верите, глубоко огорчена случившимся с вашей дочерью. Как она сейчас себя чувствует?

Каттани пропустил ее слова мимо ушей. Солнечный луч его не задевал. Сам он оставался в затененной половине комнаты.

— Я пришел просить вас передать кое-что от меня Раванузе и Терразини. Скажите им только, что я требую правосудия. Они поймут.

Графиня, по-видимому, тоже поняла, о чем идет речь, и кивнула:

— Вы получите от них то, что хотите.

— Вы, наверно, имеете в виду деньги? — с досадой обернулся Каттани. — Вам везде слышится лишь звон монет. Не обижайтесь, но, хоть вы и вышли замуж за графа, в душе остались самой заурядной женщиной. Не нужны мне деньги. Они должны отдавать мне в руки того негодяя, который изнасиловал мою дочь.

Из окна графиня Камастра проводила взглядом переходившего на другую сторону Каттани. Она видела, как он открыл дверцу бело-зеленого фургончика с римским номером. Эта машина была его новой квартирой на Сицилии.

Не теряя времени, Ольга вышла из дому и направилась на квартиру к Раванузе. В роскошной гостиной находились и Терразини. Полулежа в глубоком кресле,

он играл тонкой золотой цепочкой от часов, свисающей из жилетного кармашка.

— Дорогая графиня, — сказал Равануза, — к чему эти детские разговоры? Если мы вам не говорили о похищении, то единственно из-за того, чтобы вас попусту не тревожить.

— Это все, конечно, весьма прискорбно, — подержал его Терразини, — но в тот момент у нас не было другого выхода. Мы не держали вас в курсе дела, но на то была причина. Вы могли случайно проговориться и все испортить. Так что уж не обижайтесь. — Он закинул ногу на ногу. — Ведь если с нами что-нибудь случится, то полетит ко всем чертям весь механизм жизни города.

— Я не могла даже подозревать, что вы в этом замешаны, — проговорила графиня. — Я знаю, что вы далеко не святые. Но никогда не допускала, что вы способны на такое. Похитить и изнасиловать девочку...

— При чем тут изнасилование? — сказал Терразини, отмечая даже возможность этого резким жестом. — О девочке всячески заботились, никто ее и не думал обижать, а потом возвратили родителям.

— Девочка была изнасилована, — повторила женщина.

— Нам об этом ничего не известно, — вмешался Равануза. — А у вас от кого сведения?

Услыхав, что комиссар вернулся, мужчины переглянулись.

— Немедленно вызовите Чиринна, — сказал Терразини, обращаясь к Раванузе.

— Мы никогда не приглашали его к себе на квартиру, — возразил банкир.

— А теперь он удостоится такой чести, — отрезал Терразини.

Когда Чиринна явился, он, казалось, оробел от сосредоточенных на нем взглядов, то засовывал руки в карманы, то вынимал, непрерывно одергивал пиджак.

Терразини сразу же напал на него:

— Хотел бы я знать, какому идиоту взбрело в его пустую башку насиловать девочку?

Встретив столь ледяной прием, Чиринна опасался худшего. Поэтому он сразу приободрился и попытался преуменьшить значение происшедшего.

— Подумаешь, великое дело. Даже если кто и со-

творил это, что же, теперь прикажете просить у этого легового прощения?

В ответ ни звука. Терразини откинулся в кресле, сложил руки на животе и постукивал пальцами одной по костяшкам другой. Молчание было красноречивее всяких слов.

Чиринна чувствовал себя словно на раскаленных углях. Немного поколебавшись, он продолжал:

— Ладно, я понял. Вы хотите знать, кто изнасиловал девочку. Хорошо. — Он был весь красный. Со слезой в голосе добавил: — Но вы не должны со мной так обращаться. Я выполнил свой долг.

Терразини строго на него поглядел.

— Но выполнил его плохо. У девочки не должен был упасть ни один волосок с головы. Так было договорено. А ты натворил такое, что теперь не оберешься хлопот. Комиссар вернулся разъяренный, как дикий зверь, и грозит со всеми нами расправиться.

Графине Камастре надоело все это слушать.

— Я прощаюсь, — сказала она, — меня тошнит от ваших разговоров.

Когда графиня уже шла к двери, Терразини вслед ей с угрозой произнес:

— Но прошу вас, графиня, держите язык за зубами.

Это показалось ей уж слишком. Резко обернувшись, она ответила:

— Если будете разговаривать со мной таким тоном, то кто знает, захочу ли я еще держать язык за зубами. С меня хватит ваших грязных делишек!

Терразини никогда не раздражался. Что бы ни случилось, он оставался бесстрастен, как гранитная глыба. Но на сей раз сорвался и заорал:

— Эти грязные делишки принесли миллиарды вашим предприятиям, дорогая графиня. Вы делаете вид, что ничего не видите и не слышите, но вбейте себе хорошенько в голову, что мы все в одной лодке. И если лодка пойдет ко дну, то никто не спасется!

На графиню его слова не произвели должного впечатления.

— Я не совсем поняла, — сказала она, — рассматривать ли сказанное вами как угрозу?

Терразини в ответ улыбнулся. Он уже обрел свою обычную флегматичность.

— Сейчас вы немного разволновались, — проговорил адвокат, — и вам надо отдохнуть. Но прежде чем

уйти, вы должны нам сказать, как мы могли бы установить контакт с комиссаром. Где его найти?

Тон был спокойный, но категорический и угрожающий. Графиня поняла, что от ответа на этот вопрос не уйти.

— Вот этого я не знаю, — проговорила она. — Думаю, что ночует он в бело-зеленом фургончике с римским номером.

* * *

Каттани припарковал свой фургончик на поросшей травой маленькой площади на окраине города. В три часа ночи жители окрестных домов подскочили в своих постелях от страшного грохота. Первыми прибыли два полицейских агента. Они обнаружили, что взрыв полностью уничтожил автомобиль. От него осталась лишь груда дымящихся металлических обломков, напоминающая скелет какого-то огромного животного.

На следующий день у адвоката Терразини раздался телефонный звонок, который его очень удивил.

— Адвокат, вы меня узнаете?

Терразини подавил досаду и ответил самым сердечным тоном:

— Комиссар, как я рад снова услышать ваш голос!

Лицо у него посерело. В уголке глаза сильно забилась жилка. Чиринна и его клан снова осрамлились.

— Адвокат, — проговорил Каттани, — ваши прихвостни взорвали мой автофургон. К счастью, я ночевал в другом месте.

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, — с притворным удивлением ответил Терразини. — Но скажите, могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

— Разумеется, — отозвался комиссар. — Даю вам двадцать четыре часа на то, чтобы вы передали мне виновника насилия над моей дочерью. Когда все будет подготовлено, позвоните дону Манфреду. Что, что? Неужели вы думаете, что я столь наивен, что почую у дона Манфреду? Но он знает, где меня найти.

Терразини продолжал ломать комедию.

— Комиссар, право, не знаю, что вы имеете в виду. Но постараюсь разузнать, собрать все сведения. Если мои старания увенчаются успехом, обязательно вам сообщу.

Повесив трубку, Терразини сразу же сделал вывод,

что дело приняло слишком опасный оборот. Тут лучше прибегнуть к вмешательству какого-нибудь высокопоставленного лица, которое сможет безболезненно все уладить.

Он набрал номер профессора Лаудео в Риме.

— Нет, — ответил тот. — Сейчас я абсолютно не могу уехать из Рима. О моем приезде на Сицилию не может быть и речи. Я должен контролировать деятельность Ассоциации во всенациональном масштабе, не могу же я заниматься тем, что происходит в каждом далеком городке.

Адвокат позволил себе возразить.

— Нельзя терять бдительность. Иногда мелкие неприятности на периферии могут привести к серьезному скандалу в центре.

— Вы неправильно действовали с самого начала, — парировал Лаудео, и в голосе у него зазвучало нетерпение. — Да и потом, не вижу, как помог бы воздействовать на этого полицейского.

Насчет этого у Терразини имелась одна идея, и он изложил ее со всей ясностью:

— В столице нетрудно найти какого-нибудь меткого парня. А комиссар ездит туда-сюда. Все будет выглядеть как происшествие римской уголовной хроники.

— Я в это не намерен вмешиваться, — резко сказал Лаудео.

В голосе Терразини зазвучали угрожающие нотки:

— Если этот тип поднимет шум, то связи банка смогут проследить до самого верха, они приведут в Рим.

— Я хочу внести ясность, — резко оборвал разговор Лаудео, — финансовые отношения Ассоциации с вашим банком абсолютно законны. В остальном между нами существуют более чем корректные отношения взаимопомощи. Там у себя вы изрядно напортчили. Вот теперь сами и расхлебывайте.

* * *

За маленьким кухонным столом Каттани собирался ужинать. Анна Карузо поставила перед ним тарелку с дымящимися баклажанами, густо посыпанными натертым сыром-пармезаном. Девушка не колеблясь согласилась спрятать комиссара у себя. В квартирке все будило горестные воспоминания. На стене в прихожей

висели рядом две фотографии. Одна — брата, а другая — полицейского Лео Де Марии, такого красивого и всегда такого веселого.

— Я не раз задавал себе вопрос, — сказал комиссар, — мог ли я что-нибудь сделать, чтобы спасти Лео?

— Не надо себя мучить, — попыталась утешить его девушка, — вы сделали все, что было в ваших силах.

Комиссар покачал головой.

— Еще бы совсем немножко, и я бы их всех засадил. Они вот-вот должны были один за другим расколоться. Но кто мог предположить, что они пойдут на такую гнусность, что они так жестоки? Похитить дочь, понимаешь? Может, другой вел бы себя на моем месте более мужественно. Сказал бы себе: хорошо, я пожертвую дочерью, но припру вас к стене, раздавлю. А у меня не хватило духа.

— Но зато вы спасли дочь.

Каттани обтер салфеткой губы.

— Да, — сказал он, — но теперь я стал другим. Я жажду мести. И они тоже не те, что прежде. Я почувствовал, они дрожат от страха.

Девушка подошла к зазвонившему телефону.

— Да, он здесь, у меня, — проговорила она. И повесив трубку, передала комиссару: — Звонил дон Манфреди. Они сообщили: встреча этой ночью у старого рыбного склада.

* * *

Старый склад находился за городом, у моря. Четыре разрушенных стены напоминали о тех временах, когда рыбаки сгружали сюда свой улов тунца. На пустынном берегу лежало с десятков огромных якорей с острыми, задранными в небо лапами.

Каттани притаился за якорями и стал ждать. Наконец он увидел медленно приближающийся автомобиль. Машина остановилась у самой кромки берега. Распахнулась дверца, и в свете фар комиссар узнал силуэт Чириинна.

Несколько секунд Каттани следил за каждым его движением, а потом крикнул:

— Выключи фары!

И в темноте побежал по песку, укрылся за развалинами склада.

— Не беспокойся, — со смешком ответил мафиозо. — У нас все по-честному.

Но Каттани, не доверяя ему, повторил:

— Выключи фары! И проходи вперед.

И снова быстро и незаметно перебежал на другое место.

— Эй, где ты? — заорал Чиринна. Он наполовину влез в машину и погасил фары. — Выходи, легавый!

Каттани воспользовался этим моментом, чтобы новой перебежкой зайти ему за спину. И теперь стоял сзади него, уперев в бок дуло пистолета.

— Подними руки вверх и не шевелись! — приказал Каттани.

Несколькими быстрыми движениями обыскал его. Чиринна был безоружен.

Мафиозо так негодовал, будто ему нанесли неслыханное оскорбление.

— Когда мы даем слово, — прошипел он, — мы его держим. Без всяких фокусов. Я привез тебе того человека, которого ты хотел.

Каттани, оставаясь по-прежнему на чеку, обошел вокруг машины.

— Скажи, пусть выходит.

Чиринна изумленно развел руками.

— Да как он может это сделать? Он же связан.

— Где он?

— Там, в багажнике. Подготовлен для укладки в гроб!

Каттани не мог сдерживать ярости.

— Я же требовал его живым! Живым!

— Ну, знаешь, ты хочешь слишком много, — отозвался Чиринна. — Не можешь же ты претендовать, чтобы тебе подали на блюде готового свидетеля.

Он открыл багажник. Секунд предстало ужасное зрелище: задушенный с высунутым языком, выпученными глазами, колени высоко подтянуты к груди. Длинная веревка стягивает за спиной кисти рук, спускается до шиколоток, тоже стянутых двумя тугими узлами, и к шее, обвивая ее скользящей петлей. Старое и жестокое наказание, придуманное мафией. Жертве уготовано неминуемо удавить себя самой. Чем больше связанный дергается, стремясь освободиться, тем туже петля сжимает шею, пока не задушит.

Каттани сунул пистолет в кобуру.

— Ты тоже заслуживаешь такого конца, — холодно произнес он.

— И не надейтесь! — ухмыльнулся мафиозо. — Я из другого теста.

— Ты той же породы. Такой же зверь, как он. — Глаза Каттани привыкли к темноте. Теперь он уже ясно различал фигуру Чиринна. — У тебя на совести самое меньшее два убийства, — продолжал комиссар, — Маринео и герцогиня Печчи-Шалойя.

Чиринна злобно дернулся.

— Это ложь!

— Я все знаю, Чиринна, тебе не выкрутиться. Титти мне рассказала все подробности.

— Ты не сможешь ничего доказать. — Чиринна дышал тяжело, с присвистом.

— Почему не смогу? — продолжал наступать на него комиссар. — Я сам буду против тебя свидетельствовать. Посмотрим, кому больше поверят.

Чиринна оперся рукой о машину. У него начали дрожать ноги.

— Тебя обделила природа, Чиринна, — с презрением сказал Каттани. — Как только игра становится слишком сложной, твои мозги начинают буксовать. Ты что, не понимаешь, что эта встреча задумана как сведение наших с тобой счетов? Тебя послали сюда с вполне определенной целью — а ты этого никак не можешь усесть! Они рассчитали так: или Чиринна избавит нас от комиссара, или комиссар освободит нас от Чиринна, который стал для нас слишком опасен.

По мере того как до бандита постепенно доходило, в какой безвыходный тупик он себя загнал, им все сильнее овладевала паника. И он решил, что единственный путь спасения — бегство. Сломая голову он пустился наутек, надеясь скрыться в ночной тьме. Но Каттани, словно ожидал этого, тотчас бросился следом. Он накинулся на него сзади, и они, сцепившись, покатились по песку. Комиссар нанес несколько сильных ударов в лицо и живот. Чиринна обмяк и не оказывал больше никакого сопротивления. Он только тяжело дышал и тихонько постанывал.

Каттани, поставив его на ноги, подтолкнул к машине, связал руки и ноги, сажая на сиденье, сказал:

— Вот-то будет сюрприз для твоих друзей! Такого варианта они в своем плане не предусмотрели. Я вовсе не собираюсь отправлять тебя на тот свет.

Не хочу доставлять им такого удовольствия. Нет, ты мне нужен живой. Так ты сам потащишь их за собой в пропасть.

Комиссар сел за руль «мерседеса» мафиозо и остановил машину у Центра дона Манфреди.

— Я уйду, — сказал он священнику. — Тут в машине двое. Один — для полиции, другой — для морга.

* * *

Известие об аресте Чиринна исполнило не только Терразини и Раванузу. Сильно обеспокоен был и профессор Лаудео в Риме.

Он тотчас же позвонил Терразини. Профессор спрашивал, насколько Чиринна в курсе финансовых операций, производимых банком.

— Не слишком, — ответил Терразини.

— Не слишком? — встревоженно повторил Лаудео. — Значит, кое-что ему все-таки известно. В таком случае дело принимает опасный оборот. Друзья мои, мы сидим с вами на пороховой бочке, не знаю, отдасте ли вы себе в этом отчет.

— Да, — согласился с ним адвокат, — дело хуже некуда.

— Я полагаю... — Лаудео немного колебался и проговорил: — Пора начать действовать.

— Мы так и сделаем...

Закончив разговор с Терразини, профессор Лаудео сразу же набрал номер Каннито.

— Я хотел успокоить вас относительно трудностей, возникших у нас на Сицилии, — сказал Лаудео. — Дело действительно приняло там довольно опасный оборот, но сейчас, как мне кажется, положение нормализуется.

— Рад это слышать, — ответил собеседник. — И подумать только, что весь этот сумасшедший дом начался из-за Каттани. Выходит, с ним я дал маху. Если помните, ведь я рекомендовал его и вам. А он впутался в какую-то историю, погубил себя из-за женщины. Но вы уверены, что все это можно уладить?

— Можете не беспокоиться.

* * *

Чиринна уставился на приоткрывшуюся дверь своей камеры.

— К вам гости, — объявил тюремщик.

Мафиозо увидел хорошо знакомое ему лицо.

— Гвоздь! — приветствовал он новенького. — Значит, и тебя замели!

Гвоздь подобрал голову в плечи и в ответ только усмехнулся. Он был похож на сатира. Это был друг детства Чиринна. Но в отличие от мафиозо, который бахвалился, что достиг солидного положения, Гвоздь был бедняк и неудачник. Со своими закрывающими уши и лоб патлами и длинными руками, которыми он непрерывно размахивал, Гвоздь походил на готовую взлететь большую птицу.

Встреча с Чиринна его, казалось, очень позабавила.

— Ах, вот ты где, старый боров, — повторял он, хлопывая приятеля по щеке и легонько тыкая в живот.

— Эй, Гвоздь, кончай! — с начальственным видом прикрикнул на него Чиринна. — За что тебя засадили?

— Остановил на улице регулировщик. Ты на своем мотоцикле, говорит, нарушаешь правила — тут одностороннее движение. Это ты кому говоришь, мне? Ну, слово за слово, и влепил я ему пару хороших затрещин.

— Ох, ты все такой же, горячая ты голова, — сказал Чиринна так, чтобы его слова прозвучали комплиментом.

Когда настало время прогулки, Чиринна и Гвоздь вместе вышли из камеры. Они смешались с толпой заключенных. Вдруг кто-то подставил ему ножку, Чиринна споткнулся и упал. Гвоздь кинулся на него, в то время как остальные сгрудились вокруг, делая вид, что вспыхнула драка. Когда все успокоилось и разошлись, на земле в луже крови осталось лежать тело Чиринна. Ему нанесли десятка два ножевых ударов.

Расследование этого случая было весьма коротким: пришли к заключению, что убийство произошло непреднамеренно во время случайно вспыхнувшей ссоры.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОМИССАРУ

Белое здание клиники стояло на вершине холма, с которого открывался восхитительный вид на Женеву. От главного входа разбегались аллейки, выходящие среди идеально подстриженных пышных газонов. Наконец в Швейцарию донеслось дуновение весны, и пациенты клиники укрепляли свою нервную систему, спокойно прогуливаясь меж елей. Или же, спустившись чуть вниз по склону, сидели, лениво раскинувшись на скамейках вокруг фонтана, в большой круглой чаше которого плавали рыбки.

Паола очень полюбила этот фонтан. Она взяла мать за руку и повела ее к нему, рассказывая по дороге приснившийся ночью сон.

— Дом был маленький, — говорила она, — как мне казалось, без окон и без дверей. Стены все закопченные. Я стояла посреди комнаты, смотрела на стены, а они превращались в людей. Меня охватил ужас, но вдруг я увидела, что распаивается окно, и бросилась из него вниз головой.

Мать нежно сжала ей руку.

— Дорогая, — сказала Эльзе, — это был сон. Теперь успокойся.

Она опустилась на скамейку, и девочка присела рядом.

— Однако, — продолжала Паола, — теперь, когда я об этом думаю, мне кажется, что это был не сон, потому что глаза у меня были открыты. Я лежала в постели, но не спала.

— Иногда ночью, в темноте, может что-то почувдаться или присниться кошмар. Но сейчас ведь с тобой я, тебе нечего бояться, — успокаивала ее мать.

К ним подошел Каттани и весело поздоровался. Теперь Паола уже не испытывала страха и отвращения

к отцу. Душу девочки переполняло неодолимое желание почувствовать себя надежно защищенной, и эта жажда безопасности сливалась с надеждой на окончательное примирение между родителями.

— Вы оба такие красивые, — сказала Паола. — Когда же мы снова проживем все вместе?

— Но ведь мы уже вместе, — заметил отец.

Девочка уточнила:

— Нет, я говорю о том, когда же мы будем жить у себя дома?

Отец развел руками.

— Это зависит от врачей. Когда они разрешат покинуть клинику.

Девочку огорчили его слова. Она печально опустила голову, и каскад золотистых волос упал на глаза и лицо. Вдруг она резко вскочила, побежала и уселась а сторонке на траву, прислонившись к стволу дерева.

Отец хотел было подойти к ней, но Эльзе его остановила.

— Оставь ее, — сказала она. — Пусть Паола сама научится справляться с огорчениями.

В глади Женевского озера ярко отражались огни Каттани, слегка озябший в этот прохладный вечер, стоял, прислонившись к парапету, и напряженно вглядывался в прохожих. Ему позвонили, и какой-то незнакомый голос попросил о встрече «по очень важному делу».

— Вот и я.

Перед ним стоял господин лет пятидесяти, с приятной внешностью, волнистыми волосами, небольшими усиками. Вид у него был ужасающе серьезный.

— Мое имя вам ничего не скажет, — начал незнакомец. — Но, поскольку я знаю ваше, вам следует знать и мое. Меня зовут Этторе Ферретти. Я из Рима.

— И зачем же я вам понадобился? Зачем вы так издалека приехали?

Ферретти кивнул головой на тротуар и двинулся медленным шагом.

— Прогуляемся немножко? — предложил он. Голос у него был низкий и спокойный. Он сунул руку во внутренний карман и извлек фотографию. Показал ее Каттани: — Вам знаком этот человек?

— Ну как же, — отвечал комиссар. — Это Себастьяно Каннито.

— Да, — подтвердил Ферретти. — Он начальник отдела «Зет» секретных служб. Когда-то был нашим другом и покровителем. — Вздыхнув, он повернулся к Каттани: — А как вы думаете, он не изменил своего к вам отношения?

Комиссару начала действовать на нервы эта игра в загадочные вопросы. С некоторым раздражением он проговорил:

— Я все еще не понимаю, что вам от меня нужно.

— Сейчас поймете, — сказал Ферретти и протянул другую фотографию. — А этого знаете?

— Кажется, знаю, — не сразу вспомнил Каттани. — С ним я познакомился на Сицилии. Его фамилия... если не ошибаюсь, Лаудео.

— Да, Лаудео. И какое же вы составили о нем мнение?

— Я с ним говорил только однажды. Он мне казался каким-то фанатиком, человеком, который хвастается, что в силах сдвинуть моря и горы.

— Это действительно так, — отозвался Ферретти. — Его Ассоциация — это лишь легальная вывеска, за которой скрывается очень мощная и, как я считаю, опасная организация.

— В каком смысле — опасная? — спросил Каттани.

— Видите ли, я уверен, что в эту Ассоциацию тайным образом входят очень высокопоставленные лица. Политические деятели, редакторы газет, высшие государственные чиновники, генералы, банкиры, крупные промышленники. Убежден, что членом ее состоит и ваш друг Каннито.

— И что с того? — сказал Каттани.

— Это означает, — произнес с тревогой Ферретти, — что эта Ассоциация контролирует самые важные области жизни нашего общества. Через своих членов она может проникнуть куда угодно. Она представляет собой самое настоящее теневое правительство. Может, даже более могущественное, чем официальное.

— У вас есть доказательства? — спросил Каттани.

— Доказательств у меня нет, — ответил Ферретти. — Это лишь догадки. Но они основываются на конкретных фактах. Мы с вами, в Италии, являемся свидетелями некоторых эпизодов, причем не случайных, а неоднократно повторяющихся, которые наводят на мысль

о вмешательстве какой-то мощной организации. Чем другим можно объяснить замазывание громких скандалов, назначение самых неожиданных лиц на руководящие посты в высших, жизненно важных государственных органах?

— Ну, — сказал Каттани, — они помогают друг другу делать карьеру, осуществлять разные махинации...

— Если бы дело было только в карьере, — возразил Ферретти, — тогда нечего было бы волноваться. Я же полагаю, что тут нечто гораздо большее. Вероятно, у них имеются политические связи на международном уровне. И они готовятся к финальному шагу — поднять под себя государственные установления. Взять в свои руки контроль над всей страной.

— Государственный переворот?

— Возможно. Опасность очень велика.

Каттани пожал плечами.

— Право, не знаю, что и сказать. Однако вы еще не объяснили, какое это все имеет отношение ко мне.

— Мне хотелось бы как можно скорее сдать в архив возбужденное против вас дисциплинарное расследование, — ответил Ферретти. — Тогда вы могли бы быть сразу восстановлены на службе.

— Я к этому не стремлюсь.

— Ставки в игре слишком высоки, — напомнил Ферретти. — Прошу вас хорошенько подумать. Если мы с вами будем работать рука об руку, согласованно, быть может, нам еще удастся предотвратить катастрофу.

Каттани подставил лицо ветру. Он пытался угадать, какая у этого человека причина оказывать на него столь энергичное давление.

— Почему вы обратились ко мне? — прямо спросил он.

— Потому что вы — честный и мужественный человек, — льстил ему Ферретти. — Для этой невероятно трудной борьбы нужны такие люди, как вы. А кроме того, потому, что вы считали Каннито своим другом. А Каннито вас предал. И вы, наверно, затаили на него обиду, не простите ему предательства. Это тоже нельзя сбрасывать со счетов.

— А в каких отношениях с Каннито вы?

— Я его заместитель. — Каттани повисла злая усмешка. — Ни лице Каттани, ни повисла злая усмешка.

— Этого следовало ожидать! Обычные интриги.

внутри секретных служб. Боретесь между собой за власть. — Он с силой поддал ногой камешек. — И вы хотите втянуть меня в эту братоубийственную войну? Нет уж, спасибо!

— Это не совсем так, — возразил Ферретти. — Я не преследую никаких личных целей. Речь идет о наших общих интересах, интересах всех итальянцев. Мы стоим перед лицом чрезвычайных обстоятельств. Мы должны обезвредить эту преступную банду, прежде чем она начнет диктовать нам свои законы.

— Займитесь этим без меня, — решительно ответил Каттани. — Я должен думать о своей дочери.

* * *

На Сицилии кое-что пришло в движение. Прежде чем возвратиться в Швейцарию, Каттани пришлось подвергнуться долгому допросу у зампрокурора Бордонаро. Восстановить всю историю своего пребывания в Трапани. Он начал с того, как у него родились первые подозрения относительно международной торговли наркотиками в колоссальных масштабах, оперативная база которой находится именно здесь, на Сицилии. Затем он напомнил о том, как открыл странные финансовые операции, осуществлявшиеся через банк Раванузы. И, добавив в заключение Каттани, лишь «похищение моей дочери заставило меня остановить расследование и взять назад некоторые обвинения».

Заместитель начальника оперативного отдела Альтеро, к которому после отстранения Каттани перешло ведение следствия, принялся за дело очень энергично. И результаты его работы были довольно обнадеживающими. Важное значение имело обнаружение «тюрьмы», в которой похитители держали пленницей дочь комиссара. Это была лачуга за городом, нечто вроде конюшни, принадлежавшая некоему Анджело Маррокко. Однако после ареста Маррокко дело вроде опять застопорилось. Из арестованного ничего нельзя было выжать. Когда зампрокурора спросил у него, зачем там держали девочку, он словно с луны свалился.

— Какую девочку? — изумленно спросил он. — Я ничего не знаю.

Все угрозы и посулы были тщетны. Маррокко утверждал, что однажды к нему явились трое мужчин. Они сказали, что им нужна его конюшня.

— Разве я мог им отказать? — сказал Маррокко. Бордонаро думал, что он уже вот-вот вырвет признание.

— Кто же были эти люди?

— Таким людям нельзя отказывать. И разве я мог спрашивать, как их зовут? — развел руками Маррокко.

Раздосадованный тем, что дальше этой конюшни не продвинуться, зампрокурора решил посоветоваться с Альтеро. Тот придерживался мнения, что необходимо все усилия вновь сосредоточить на расследовании финансовых махинаций. Он сказал:

— Распутать этот клубок мы сумеем, только если вновь займемся банковскими счетами тех, кто в короткое время сильно обогатился.

Но Бордонаро возразил, что это потребует много времени. Он торопился, он был молод и нетерпелив. В сотый раз зампрокурора просмотрел протоколы допросов Каттани и спросил себя: да разве этот документ не представляет сам по себе самого красноречивого обвинения? Ведь комиссар возлагает ответственность за похищение дочери непосредственно на банкира Раванузу и адвоката Терразини.

Поразмыслив день-другой, Бордонаро в конце концов решил. Он начал против них судебное расследование без содержания под стражей и вызвал на допрос.

Первым был Терразини, который не удержался от искушения и сразу же высказал, что он думает по этому поводу:

— Доктор Бордонаро, вы взвалили себе на плечи слишком тяжелую ношу. Смотрите, как бы она вас не раздавила.

Но зампрокурора не дрогнул. Наоборот, он попытался психологически одержать верх, прибегнув к блефу. Небрежно он проронил:

— У меня есть на то основания. Арестованный Маррокко начал давать показания.

Но на Терразини это не произвело никакого впечатления.

— А почему вы мне об этом говорите? — спросил он. «Скользкий, как угорь», — подумал Бордонаро. И продолжал атаку:

— Комиссар Каттани утверждает, что именно вы приказали похитить его дочь.

В ответ Терразини расхохотался.

— Нет, вы мне скажите: с чего это вдруг мне понадобилось бы делать такую глупость?

— Причина была. Комиссар готовился предъявить вам обвинение в том, что вы финансируете сбыт наркотиков в крупных масштабах.

— Ах, да-да, — усмехнулся Терразини. — Если не ошибаюсь, я перевел деньги на банковский счет, открытый на имя какого-то цветка... Что-то в таком роде. — Он резко взмахнул ладонью, словно рассекая воздух, и добавил: — Это старая история. Впоследствии комиссар взял назад свои обвинения.

— Потому что тем временем у него похитили дочь, — сухо комментировал Бордонаро.

Здесь Терразини прибег к испытанной оборонительной тактике, часто весьма действенной: отвергать без разбора все подряд обвинения, черня и оговаривая того, кто эти обвинения выдвигает. Понизив голос до шепота, словно сообщает нечто доверительное, он сказал:

— Доктор Каттани может пенять только на самого себя. Бегал за женщинами. Втюрился в молодую герцогиню. А это, как вы знаете, вывело из себя одного человека... как бы его назвать? Одного петушка. Теперь, конечно, комиссара мучают угрызения совести. И он говорит, что из-за любовных историй не похищают детей, как у него похитили дочь. Он уверяет: мое расследование кое-кому мешало, меня хотели остановить. Бедняга, его можно понять, когда он приводит такие оправдания. Но мы должны считаться с фактами, не поддаваться эмоциям.

Не в силах больше слушать этот урок лицемерия, зампрокурора отпустил Терразини и начал допрос банкира Раванузы.

В отличие от Терразини он, казалось, нервничал. Ерзал на стуле, то и дело терял терпение, срывался.

— Короче, выходит, что после того, как я всю жизнь честно трудился, — возмущался он, — теперь я превратился в человека, преследуемого правосудием!

— Никто вас не преследует. Я лишь пытаюсь разобраться в некоторых совпадениях. Например, чек, на который арестованный Маррокко купил лавку, вышел из вашего банка. Что вы можете сказать по этому поводу?

Реакция Раванузы была весьма бурной.

— На что вы пытаетесь намекать? Что это за инсинуации!

— Успокойтесь, — строго сказал Бордонаро. — Я ни на что не намекаю. Я говорю, что имеется много неясностей в отношении вашего банка. К примеру, я хотел бы узнать, кому принадлежат два текущих счета, открытые на условные имена Жасмина и Мака.

Равануза, прежде чем ответить, немного подождал. В тишине слышалось его тяжелое дыхание. Потом, чувствуя, что пауза слишком затянулась, он произнес:

— Не помню.

— И вы думаете, я вам поверил! — воскликнул Бордонаро. — По этим двум счетам рекой текли миллиарды дир, а вы не помните, чьи они!

— Меня не касаются частные дела моих клиентов.

— В таком случае я вам скажу, что согласно расследованию, проведенному комиссаром Каттани, эти счета принадлежат вам и адвокату Терразини.

Ответ Раванузы можно было предвидеть:

— Но ведь потом комиссар отказался от своих утверждений!

— Знаю, — сказал Бордонаро, — но теперь он подтверждает все свои прежние показания.

Однако то, что здесь заявил Равануза, вряд ли кто мог предвидеть:

— И вы верите человеку, ослепленному ненавистью? Человеку, у которого похитили и изнасиловали дочь?

Бордонаро сидел, наклонившись вперед. Он резко поднял голову и ударил кулаком по столу.

— А вы откуда об этом знаете? — закричал он.

Застигнутый врасплох, Равануза не понимал, что такого ужасного у него случайно вырвалось. Глаза его растерянно забегали, и он тише, словно вызывая о помощи, обращал взгляд к адвокату, своему защитнику. Наконец банкир пробормотал:

— Простите, что такого я сказал?

— То, что девочка была изнасилована, — наседали на него Бордонаро. «На сей раз ты у меня не выкрутишься», — подумал он.

Равануза, казалось, чуть приободрился.

— Да об этом все знают, — проговорил он.

— Ошибаетесь, — возразил зампрокурора. — Об этом никому не известно. И вы тоже не должны были бы знать.

— Я повторяю лишь то, о чем говорят вокруг, — запротестовал банкир.

— Вряд ли кто в курсе таких подробностей. — с наигранным спокойствием произнес Бордонаро. — А кому это известно, тот должен знать также, кто приказал похитить девочку.

Равануза обливался потом. Губы у него предательски тряслись.

— Я тут ни при чем, — проговорил он сдавленным голосом.

— Однако вы знаете, кто велел похитить девочку.

— Нет, не знаю.

— Если вы знаете, что она изнасилована, значит, знаете и то, кто приказал ее похитить.

— Я не знаю.

— Кто это — Терразини?

— Нет, я ничего не знаю.

Зампрокурора быстро решил сыграть ва-банк.

— Предупреждаю вас, — строго произнес он, — что располагаю достаточными данными, чтобы вас арестовать.

Равануза побледнел. Но на помощь пришел его защитник: он попросил прекратить допрос, подмигнув при этом секретарю.

— Перерыв пять минут. Пойди-ка принеси нам кофе.

Когда они остались одни, Бордонаро поставил локти на стол, сцепил пальцы и сказал:

— Ну что, давайте поговорим по душам.

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК В СПЕЦСЛУЖБЫ

Последней пришла графиня Камастра. Она извинялась за вынужденное опоздание, объяснив его тем, что на заключение сделки иногда уходит больше времени, чем предполагаешь. Она заняла место за большим круглым столом, вокруг которого уже сидели шесть человек. И сделала рукой жест, означавший, что можно начинать. Совещание происходило в небольшом, закрытом для посторонних зале того же палаццо, где помещался Клуб интеллигенции. Совещание созвал Терразини, который сейчас готовился пояснить причины, побудившие его всех пригласить.

— Господа, — начал он, — я созвал вас, чтобы сообщить важную новость. Перед нами открывается редкая возможность, дело чрезвычайно крупных масштабов. Мне позвонил по телефону из Америки мой старый

приятель Фрэнк Карризи. Он и несколько его друзей готовы вложить сумму более чем в триста миллионов долларов в строительство электронного предприятия, которое выпускало бы продукцию стратегического значения. — Он сделал паузу, словно желая, чтобы присутствующие до конца осознали важность сделанного им сообщения. Потом продолжал: — Вы, несомненно, понимаете, что это сулит нам. Деньги хлынут рекой из Соединенных Штатов через банк, пользующийся нашим доверием.

Какой-то неприятного вида толстяк высказал свои сомнения:

— Тут надо сперва хорошенько все обдумать. Необходима крайняя осторожность. Такая большая сумма может вызвать подозрения. Тем более когда мы находимся в центре всеобщего внимания.

Его перебил другой, с лицом, густо усеянным веснушками:

— Относительно финансовых операций нам мог бы дать некоторые пояснения Равануза. Жаль, что он здесь не присутствует.

Терразини, соглашаясь с ним, кивнул головой и сказал, что Раванузу можно понять: накануне у него был длинный разговор с заместителем прокурора, после которого он совершенно выбит из колеи.

— Во всяком случае, — добавил Терразини, — у нас достаточно времени для размышлений. Американские друзья дают месяц, чтобы мы все обдумали и приняли решение.

* * *

Принять решение предстояло также и зампрокурору Бордонаро. Как действовать после допроса Раванузы?

Напротив зампрокурора сидел Альтеро.

— А вы что скажете? — спросил Бордонаро.

— Не знаю. Равануза сообщил вам что-нибудь полезное?

— Кое-что, — ответил зампрокурора. — Он признал, что с его стороны в руководстве банком были допущены некоторые финансовые нарушения. Но это все ерунда.

— А насчет Терразини?

— Некоторые намеки. Видите ли, Равануза дал понять следующее: если вы не станете обвинять меня

с протоколом допроса Раванузы. Задумчиво повертел ее в руках, полистал, ища то место в показаниях Раванузы, где у него сорвалось с языка имя Каннито. Потом положил папку в чемоданчик, с которым никогда не расставался в поездках.

* * *

Терраса в квартире Каннито выходила на кварталы старого Рима. С нее открывался захватывающий дух вид на огромные купола, купола поменьше и совсем маленькие, все искусно отделанные и изукрашенные, которые высились над морем крыш, словно паря в тумане. Всякий раз, когда приходил новый гость, особенно иностранец, Каннито продуманно давал ему полюбоваться из окон лишь одним каким-нибудь кусочком панорамы. А под конец умело наносил последний решающий удар. Он выводил уже и так замороженного гостя на террасу и, обедая широким жестом вокруг, напыщенным тоном вещал:

— Восхищайтесь, наслаждайтесь! Перед вами неуврагический центр мира. Отсюда вышла наша западная цивилизация и распространилась по всей Земле. И скажу вам вот что: я не верю, что этот город полностью утратил свою роль столицы мира. Кое-что еще осталось. Потаенное, неуловимое, но осталось!

Иногда, чтобы поразить гостя еще сильнее, он, повернувшись лицом к панораме, принимался декламировать по-латыни отрывки из Тита Ливия: «Но было, я полагаю, предопределено самой судьбой, чтобы здесь возник этот огромный город и таким образом было положено начало империи, самой могущественной после империи богов».

Но сейчас не было никакой нужды, ошарашивать гостя, с которым он сидел на террасе. Профессор Лаудео был здесь, как говорится, своим человеком: он пришел сообщить последние новости по одному весьма важному делу. Тому самому, о котором Терразини рассказывал своим компаньонам.

— Посол вам очень благодарен, — Лаудео говорил Каннито. — Ваше вмешательство сыграло решающую роль. Теперь, по-видимому, все в порядке. Они уже распорядились о предоставлении кредита на первый миллион долларов.

Появился слуга в куртке наподобие форменной

и в белых перчатках, в руке у него был переносной телефон, который он протянул Каннито:

Говорят, вы срочно необходимы.

Каннито слушал голос в трубке, и его настроение менялось на глазах.

— Да, — отвечал он своему собеседнику, — понимаю. — Но по выражению лица никак нельзя было этого сказать. Более того: оно выдавало, что он абсолютно ничего не понимает.

Закончив разговор, он некоторое время сидел, погруженный в размышления. Потом спросил Лаудео:

— Вы знаете заместителя прокурора Бордонаро?

— Слышал эту фамилию, — ответил профессор.

— Так вот. Докладывает мой секретарь. Он говорит, что мне на работу позвонил этот Бордонаро и очень просил его извинить, но из-за непредвиденных обстоятельств он вынужден отменить свидание со мной, назначенное на будущий четверг.

— Ах, так? — отозвался Лаудео.

— Да, и это весьма странно, — проговорил Каннито, созерцая кубики льда в своем коктейле. — Этот Бордонаро сам весьма настойчиво просил меня о встрече. Уверял, что для него очень важно срочно увидеться со мной. — Он сделал глоток. — А теперь вдруг сам отказывается. — Ему что-то начинала не нравиться эта история. Его как всегда столь чувствительные антенны уловили какой-то тревожный сигнал. — Вы знаете, — проговорил он, — Бордонаро занимается этим старым делом Каттани.

— Как, до сих пор?! — с досадой вскричал Лаудео. — Нечего нам с ними нянчиться. Пора с этим раз и навсегда развязаться. Одним ударом — и делу конец.

— Совершенно с вами согласен, — одобрил Каннито. — Мне бы тоже вовсе не хотелось, чтобы они там, на Сицилии, раскопали какие-то сведения, которые привели бы сюда, в Рим.

* * *

После обеда Лаудео сел в самолет и вечером уже ужинал с Терразини. Тот пригласил его в ресторан, недоступный для простых смертных. Стены украшали старые фрески. Меж столиками сновали четыре стройные, гибкие девицы, щедро демонстрируя глубокие де-

колье. Они дарили посетителям улыбки и услужливо подбегали по первому знаку.

— Это нас встревожило, — говорил Лаудео, — и я решил сразу же сесть в самолет и прилететь посоветоваться с вами. Что вы думаете по этому поводу?

Терразини втянул в себя аромат вина, которое на пробу налила ему в бокал одна из официанток. Он отпил глоточек, подержал во рту и одобительно кивнул. Спасибо, — с улыбкой поблагодарил он и вновь сосредоточился на том, что говорил ему Лаудео.

— Думаю, что дела хуже некуда, — ответил он. — Также и потому, что Бордонаро все равно собирается в Рим. Он отменил свидание с Каннито, но не аннулировал заказа на авиабилет.

— Вам это точно известно? — вытаращил глаза Лаудео. — Значит, положение еще серьезней, чем мы предполагали.

— Боюсь, что да, — спокойно отозвался Терразини. Он намеренно коснулся руки девушки, принесшей тарелку с устрицами. А она, принимая игру, в ответ сладко улыбнулась. Это была высокая блондинка, непрерывно хлопающая длинными ресницами. — Ты что — новенькая? Я тебя тут раньше не видел, — шепотом спросил ее Терразини.

— Только со вчерашнего дня, — с иностранным акцентом ответила девушка и отошла, покачивая бедрами. Терразини добавил:

— Бордонаро ступил на опасный путь. Он затребовал все старые материалы, собранные Каттани. А теперь, наверно, разузнал еще что-то важное. И, не торопясь посмаковав последнюю устрицу, добавил: Но как бы то ни было, то, что вы слышали, предназначалось только для ваших ушей и ни для кого больше. Вернулась блондинка с серебряным подносом, на котором стояли три бокала и бутылка шампанского. Она наполнила бокалы, два подала гостям, а третий подняла сама, присоединившись к тосту.

— За вас, — сказал Терразини, чокаясь с девушкой. Девушка ответила довольным смешком, пригубила шампанское и на прощание помахала белой рукой. Терразини проводил ее взглядом и мечтательно произнес:

— Высший класс!

Лаудео улыбнулся.

— Да, ничего себе, — сказал он. И вернулся к во-

просам, которые, по-видимому, его больше волновали: — Какие новости от вашего американского друга?

— Мастер Карризи скоро приедет в Италию. Тем временем мы здесь пришли между собой к соглашению. Эта сделка нас очень заинтересовала.

— Рад слышать, — загорелся Лаудео. — В Риме тоже все пройдет гладко. Ассоциация примет самое деятельное участие, мобилизует все силы для того, чтобы законопроект был утвержден. Каннито влез в это дело с головой, а его поддержка имеет решающее значение.

Терразини допил свой бокал.

— Мы должны хранить наше единство, — произнес он. — А для этого абсолютно необходимо избегать каких-либо осложнений. Достаточно малейшего шума, и дело сорвется.

Княком он подозвал блондинку, та немедленно подошла. Он протянул две ассигнации — одну в уплату по счету, другую — ей.

— О-ох! — в знак благодарности громко выдохнула девушка. И, кокетливо улыбаясь, воткнула гвоздик в петличку пиджака Терразини.

ОНИ ПРОДОЛЖАЮТ УБИВАТЬ

Было уже около полудня, когда Альтеро на своей личной машине заехал за Бордонаро. Он хотел сам отвезти его в аэропорт Палермо. А также воспользоваться случаем, чтобы сообщить самые последние новости и одновременно выведать, какие конкретные шаги тот собирается предпринять.

Дорога была почти пустынная. Она вилась вдоль зеленых апельсиновых рощ; по другую сторону простиралась недвижимая синяя гладь моря. Бордонаро вдруг вынул из своего чемоданчика конверт и протянул его Альтеро.

— Это пусть хранится у вас, — проговорил он. — Здесь копия допроса Раванузы.

Зампрокурора захлопнул чемоданчик. И, словно оправдываясь, добавил:

— Дурной знак: у меня начинается мания преследования — все время кажется, что за мной следят.

Альтеро взял конверт и сунул в карман, не снимая другой руки с руля. По его ответу было видно, что он и сам не в лучшем состоянии.

— Надеюсь, оригинал протокола, — спросил он, — вы не оставили у себя в кабинете?

Бордонаро хлопнул рукой по чемоданчику, как бы говоря, что оригинал находится здесь.

В аэропорту Альтеро подождал, пока самолет Бордонаро поднялся в воздух, и пустился в обратный путь. То и дело машинально он дотрагивался до внутреннего кармана пиджака, словно желая удостовериться, что конверт на месте.

Проехав участок дороги, вымощенный серпантинном, машина вышла на длинную прямую, чуть заметно шедшую в гору. Когда Альтеро уже приближался к следующему крутому повороту, его догнала другая машина, «джульетта» кремового цвета, с тремя пассажирами. Сразу же за поворотом «джульетта» пристроилась рядом почти вплотную, тесня его и словно пытаясь столкнуть с дороги. И вдруг в ее окнах показались, сверкнув на солнце, дула автоматов.

Двое из сидящих в «джульетте», один с переднего сиденья, другой с заднего, высунулись, сжимая оружие. Они оказались так близко, что стволы автоматов чуть ли не вплотную уперлись в Альтеро. Замначальника оперативного отдела резко бросил машину влево в отчаянной попытке уйти от «джульетты» маневр, выполненный скорее инстинктивно, чем сознательно.

И сразу же затрещали автоматные очереди. Одна из них прошила голову и шею Альтеро. Его отбросило на соседнее сиденье. Машина потеряла управление и свалилась с дороги, пролетев десяток метров вниз по склону, пока ее не остановил большой камень. Один из трех пассажиров «джульетты» быстро скользнул под откос. Тщательно осмотрел салон машины и одежду Альтеро, достал из кармана убитого конверт и поднялся обратно на дорогу, где его ожидали сообщники.

* * *

В это время Коррадо Каттани ехал по автостраде по направлению к Риму. Подняв стрелу правого поворота, он свернул к гриль-бару для автомобилистов. После долгих часов за рулем голова у него была как в тумане. Хотелось немножко размяться и перекусить.

Погруженный в свои мысли, он миновал несколько шумных компаний автомобилистов, громко болтавших между собой с полным ртом и, огрызками булочек в ру-

ках. Комиссар нерешительно оглядел горы лепешек, булочек с вложенной в середину колбасой и наконец остановил свой выбор на пирожном с кремом. Он всегда был сладкоежкой. Это пирожное вряд ли могло удовлетворить требования такого гурмана, как он.

Ожидая, пока дадут кофе, он вспомнил годы ранней юности, когда ходил по лучшим кондитерским Рима. И в каждой были свои фирменные сладости, которые стоило отведать. Старые, добрые времена! Он взглянул на часы. Когда пошел к выходу, взгляд упал на плюшевого медвежонка, который очень симпатично улыбался среди кукол и каких-то замысловатых металлических игрушек.

Он протянул руку, взял медвежонка, придирчиво осмотрел его вблизи и решил, что лучше не бывает. Паоле он наверняка понравится, подумал он. И продолжил свой путь в направлении Рима.

Бордонаро вышел из дверей римского аэровокзала Фьюмичино. Он размышлял о том, что, не приди ему в голову мысль позвонить Каттани, он в эту минуту уже входил бы в кабинет Каннито. И, возможно, совершил бы таким образом весьма опрометчивый шаг. Быть может, это непоправимо отразилось бы на всей его дальнейшей судьбе. Хотя он все еще не понимал, почему вдруг беседа с Каннито могла стать опасной ловушкой. Но именно это и обещал объяснить Каттани.

Зампрокурора сел в такси и положил чемоданчик на колени. Объяснил шоферу, что ему нужно на автостанцию у выезда на автостраду, ведущую из Рима на север. Тот, обшительный парень с падающим на лоб густым чубом, с улыбкой ответил на своем римском диалекте:

— Доктор, не беспокойтесь, мы поедем по кольцевой дороге. Через три четверти часа будем на месте!

Бордонаро бросил взгляд на часы. Свидание с Каттани назначено на пять. Еще достаточно времени. Он спросил таксиста:

— А вы сможете меня там немного подождать? Я только поговорю с одним человеком и потом сразу поеду обратно.

— Конечно, подожду, — ответил парень, которому не терпелось завязать разговор. — Встану себе в сто-

ронке и буду ждать. — Таксисты чем-то напоминают женщин. От них можно всего добиться, если согласен терпеливо слушать их жалобы.

Шофер тотчас воспользовался случаем и начал сетовать на судьбу. Сперва он обрушился на владельцев частных машин, которым, по его мнению, надо строжайшим образом запретить ездить по центральным улицам. Затем перешел к другой излюбленной таксистами теме: критике политических деятелей, которых, как он считал, пора призвать к ответу за все творившееся в мире беды — в прошлом, настоящем и будущем.

Бордонаро не изъявил особого желания поддерживать разговор. Он отделивался односложным «да», «нет» и каким-то неопределенным мычанием, делая вид, что следит за ходом мыслей собеседника. Ему не хотелось показаться нелюбезным. Но тем не менее он ощущал, как в нем поднимается странное беспокойство, какое-то напряжение. Он смотрел на бегущие за окном машины невысокие мирные холмы римских пригородов, на вздымающиеся тут и там по сторонам кольцевой дороги безобразные дома. Через несколько тысячелетий, подумал он, археологи будут изучать нашу нынешнюю цивилизацию по обломкам этих строений и придут к выводу, что никогда еще человек за всю свою историю не проявлял такого отсутствия вкуса.

Такси быстро скользнуло под путепровод Кассиевой дороги, миновало дороги Фламинка, Салариа и свернуло на автостраду на Флоренцию. Сзади шел большой мощный автомобиль. Догнав такси, он с ним поравнялся. В машине сидело двое молодых людей. Тот, что сидел рядом с водителем, скосив глаза, бросил взгляд внутрь такси. Резким рывком автомобиль обогнал такси и поехал посреди автострады, по разделительной полосе. Слегка притормозив, он оказался чуть впереди такси. Вдруг парень, сидевший за рулем автомобиля, выжал до конца педаль тормоза. Послышался душераздирающий скрежет, и машина, чуть не перевернувшись и оставляя за собой на асфальте длинные следы покрышек, резко остановилась.

От шофера такси, никак не ожидавшего, что машина впереди вдруг остановится, потребовались все его мастерство и долгий опыт. Но все же столкновения избежать не удалось. Такси ударилось о правый угол багажника, описало дугу и застыло на обочине.

Таксист, хотя и слегка оглушенный, все же нашел в себе силы выйти из машины, собираясь как следует отчитать этих дорожных пиратов. Но раньше, чем он успел открыть рот, эти двое уже выскочили из автомобиля с куда более опасными намерениями. Глаза у них были налиты кровью, в руках они сжимали автоматы. Сразу же, одной очередью, они скосили таксиста. Он откинулся назад, ударился спиной о борт своей машины и сполз на асфальт.

Бордонаро увидел, что теперь стволы автоматов направлены на него. Он застыл, словно парализованный. За эти секунды он успел осознать, что расстается с жизнью и бессилен что-нибудь сделать. Первая очередь приговоздила его к сиденью. Вторая заставила подпрыгнуть и бросила на дверцу. Чесмоданчик соскочил и застрял между сиденьем и ногой убитого. Один из убийц его быстро подхватил. Сзади уже начал образовываться целый хвост машин.

Не теряя времени, оба киллера перескочили через заграждение и вышли на другую полосу автострады. К ним сразу же подкатила машина, забрала их и унеслась с громким ревом мотора.

* * *

Чуть более получаса спустя Каттани подъехал к автостанции у выезда на автостраду Рим — Север. Заплатил в кассу за выезд на автостраду и остановился на площадке, справа от станции. Его сразу же поразило необычное оживление. Было полно машин полиции и карабинеров. Своим сирен подъезжали все новые. Обида автострады со стороны Рима были совершенно пустынной.

Каттани обратился к какому-то старшине:

— Что случилось? Дорожное происшествие?

Старшина окинул его взглядом, наполовину подозрительным, наполовину снисходительным.

— Дорожное происшествие? — произнес он. — А вы, извините, откуда свалились? Вы кто такой?

Каттани показал удостоверение.

— Я комиссар полиции.

Старшина сразу же заговорил почтительным тоном:

— Нет, господин комиссар, не дорожное происшествие. Тут была бойня. Застрелили таксиста и какого-то судейского. — Он протянул руку, возвращая удостове-

ренис, но Каттани не замечал. Он застыл неподвижно, словно окаменев. — Господин комиссар, ваша книжечка. Что с вами? Вам плохо?

— Что? — отозвался Каттани, приходя в себя от потрясения. — Нет, нет, спасибо. Со мной все в порядке.

Садясь обратно в свою машину, он подумал: они меня опередили. Душу ему разрывали противоположные чувства: боль и горе из-за гибели еще одного товарища по работе отступала перед тоскливым отчаянием и усталостью. Он включил мотор и поехал в сторону Рима. Километра через три он увидел место расправы. Санитары укладывали на носилки тело таксиста.

Работники научно-экспертного отдела действовали четко и быстро. Один из них указал санитарам на такси, они открыли двери и вытащили тело запрокурора. Одежда его была в больших пятнах крови. Каттани с трудом узнал Бордонаро: пули превратили его лицо в сплошную кровавую маску.

Кто-то дотронулся до руки комиссара. Обернувшись, он увидел Ферретти. Тот пристально, с горестным сочувствием смотрел на него. Потом спросил:

— Он должен был с вами встретиться, не так ли? Каттани кивнул:

— Да, мы назначили встречу на автостанции.

Подождал один из подчиненных Ферретти и обратился к нему, не скрывая своего удивления:

— Мы узнали, что он только что прилетел с Сицилии. Надо бы выяснить, что заставило его отправиться на такси в сторону, противоположную Риму, вместо того чтобы ехать в город.

Оба оставили его слова без внимания. Отошли на несколько шагов, и Ферретти продолжал:

— Едва я вас увидел, дорогой Каттани, я сразу же понял, куда направлялся Бордонаро. Я вас предупредил, что мы имеем дело с безжалостными и опасными людьми.

Каттани слушал с отсутствующим видом. Полиция отвела движение транспорта на другую полосу, и теперь по ней в обе стороны с грохотом медленно пополз поток машин. Регулировщики, размахивая жезлами и свистя изо всех сил, пытались рассосать образовавшийся затор.

— Но вам известно еще, увы, не все, — проговорил Ферретти. — Сегодня убили Альтеро. Он позирался из аэропорта в Палермо, проводив Бордонаро.

Комиссар опустил голову. Сделал несколько шагов, поставил ногу на ограждение и, отвернувшись, вперил взгляд в простор полей. Потом Ферретти увидел, как он достает из кармана платок и вытирает им глаза.

Немного взяв себя в руки, Каттани сказал:

— Оба они были уже слишком близки к раскрытию этого дела. Им еле успели помешать.

— Они были честные люди, и наш долг отплатить за их смерть, — проговорил Ферретти. — Неужели и сейчас вы не примете моего предложения работать вместе?

После короткого размышления Каттани ответил:

— Нет. Это были последние друзья, которые у меня оставались. Я не чувствую в себе ни сил, ни желания. Не верю в успех. Сомневаюсь, что в существующих условиях возможно бороться за правду и справедливость. Что может сделать мелкий полицейский комиссар в одиночку, если там, наверху, за ним шпионят, его оговаривают, заставляют все бросить и от всего отказаться?

Ферретти попытался его подбодрить:

— Именно для того, чтобы покончить со всей этой мерзостью, и необходима ваша помощь.

— Нет, — сухо ответил Каттани. — Вы меня извините, но я думаю, что все вы одинаковы. С головой ушли в свои грязные игры, в борьбу за власть. Сейчас моя единственная цель — спасти дочь.

— Неправда, — мягко возразил Ферретти. — Вы же оставили дочь, чтобы отправиться на встречу с Бордонаро.

— Потому что пытался спасти его. Я знал, что ему грозит опасность, и хотел предупредить, с какой стороны ждать удара. Но я опоздал. — Плотно сжав губы, он развел руками. — Что поделаешь, так получилось, — вздохнул он. — Прощайте, Ферретти.

Комиссар направился к кустарнику, делившему автостраду на две полосы движения. Он оставил свою машину по ту сторону, в «запасном» ряду. Регулировщик поднял жезл и засвистел, останавливая машины, чтобы дать ему пройти. Ферретти проводил его взглядом. Сделал несколько шагов вслед и крикнул:

— Комиссар, подумайте над этим хорошенько!

Как только Каттани пересек автостраду, колонны машин вновь сомкнулись. Комиссар не обернулся. Он

поежился от свежего ветерка, словно физически ощутил горечь нового поражения.

* * *

Возвратившись в Женеву, он получил у врачей разрешение впервые вывести Паолу за ворота клиники. Они направились в луна-парк. Девочка была на седьмом небе от радости. Ей захотелось пострелять в тире, потом она пыталась выиграть золотую рыбку, бросая в цель шарики, а затем потащила отца и мать кататься на карусели.

Родители ей все разрешали и радовались, видя Паолу такой веселой и раскованной. Когда их взгляды встречались, они словно хотели сказать друг другу: кто знает, может, этот страшный кошмар уже позади?

Если они наблюдали за поведением дочери, то и она, в свою очередь, следила за ними, ловила их каждое слово, каждый жест. Она застала их врасплох неожиданным вопросом:

— Почему вы не любите друг друга?

Отец только вздохнул. Ему хотелось бы найти ответ, который звучал убедительно и обнадеживающе. Но он не сумел придумать ничего лучшего, чем банальное:

— Это неправда, что мы не любим друг друга. Девочка не отставала:

— Тогда почему же вы никогда не поцелуетесь? — Она с недоверием уставилась на них.

Отец притянул к себе Эльзе, взял ее лицо в ладони и чмокнул в губы.

— Это неправда, — сказал он, — что мы не целуемся.

Дочь, казалось, была довольна. Она порывисто и нежно обняла их обоих. Потом снова овладело чувство страха, неуверенности, и она спросила, остаются ли они навсегда вместе.

— Ну что ты все беспокоишься, — ласково ответил Каттани, пытаясь скорее кончить этот разговор. — Тебе нечего бояться. Мы сейчас вместе, будем вместе и потом. Все трое. Ну, теперь ты довольна?

Паола, утвердительно кивнув, сказала:

— Я вас обоих очень люблю.

Пока они проталкивались к выходу, девочка рассказывала, что ей приснились ее бывшие одноклассники.

— Мне очень хотелось бы к ним, — сказала она.

— Ну, конечно же, ты скоро вернешься к ним в школу, — весело ответила мать, глядя ей по голове.

— Знаешь, что я сделаю? — предложил отец. — Попрошу врача позволить почаще выходить тебе с нами гулять. Нам ведь было так хорошо, не правда ли?

— Да, да, папа, пожалуйста. Скажи ему.

На следующий день доктор, наблюдавший Паолу, человек очень любезный, всегда в хорошем, ровном настроении, вызвал девочку для контрольной беседы.

Эльзе с мужем остались в коридоре. Сквозь стеклянную дверь они видели, как дочь беседует порой даже весьма оживленно с врачом.

— Смотри, какая она стала разговорчивая, — сказала Эльзе. — Интересно, что она там ему выкладывает. — И, сделав паузу, добавила: — Может, говорит, что ее родители очень любят друг друга. — Эти слова она произнесла не без грусти. И затем словно про себя пробормотала: — А действительно ли мы любим друг друга? — И искоса взглянула на мужа.

— Послушай, — сказал он, — когда такие вопросы задает Паола, это пропустительно. Но когда ты после всего, что случилось, начинаешь спрашивать меня, любим ли мы друг друга, это, по-моему, уже слишком! Эльзе вся задрожала от возмущения.

— Объясни мне толком, — сказала она, — ты ломаешь эту комедию только ради нашей дочери? Значит, мы должны оставаться вместе не потому, что между нами еще что-то есть, а лишь в силу обстоятельств?

Не оборачиваясь к ней, Каттани ответил:

— Ты очень точно выразила суть сложившейся ситуации.

— И ты надеешься, что наша дочь поверит этому обману, этому притворству? Не поймет, что ты через силу заставляешь себя оставаться со мной?

Они шли по длинному безлюдному коридору. В клинике царил мертвая тишина, от которой становилось даже как-то жутко. Комиссар потер лоб и со всей ясностью выложил, как он на это смотрит:

— Сейчас главное, о чем мы должны заботиться, — это помочь девочке выздороветь, стать психически нормальной. Я сделаю ради этого все, что в моих силах. Если надо будет обманывать — буду обманывать, надо притворяться — буду разыгрывать из себя влюбленного мужа. По-моему, это единственно правильный выход.

— А когда Паола поправится? — еле слышно спросила она.

— Тогда я откровенно с ней поговорю, скажу всю правду, не делая из этого трагедии.

Эльзе чувствовала, как горло ей сжимает волнение. Не желая расставаться хоть с какой-то надеждой, она предприняла последнюю попытку:

— Мы ведь с тобой говорили, что попробуем начать все сначала. Может быть, теперь, когда мы уехали с Сицилии и нам никто не мешает, когда нас вновь сблизила Паола, это и удастся...

Но он окончательно отнял всякую надежду:

— Нам с тобой нечего начинать заново!

Наступило тягостное молчание. Потом Эльзе проstonала:

— Значит, ты меня бросишь?

— Но, Эльзе, будь же рассудительна: сейчас нас обоих слишком сильно мучают угрызения совести, мы затаили слишком много взаимных обид. И хотя мы стараемся подавить их, достаточно любого пустяка, чтобы они, каждый раз все возрастая и усиливаясь, вновь прорвались наружу. И рано или поздно мы все равно опять станем врагами.

— На деле выходит, — прокомментировала она, — что ты не хочешь даже попробовать. И только потому, что боишься, что потом придется об этом пожалеть. Но ведь это еще неизвестно!

Каттани не смог сдержать раздражения.

— Да можешь ты, наконец, понять или нет, — повысил он голос, — что наше супружество умерло и похоронено?! Между нами все кончено. Понятно?

И тут позади них раздался отчаянный вопль Паолы:

— Не-ет!

Выйдя из кабинета врача и подойдя сзади к родителям, она услышала конец их разговора.

— Не-ет! Не-ет! — продолжала кричать Паола.

Она пустилась бегом от них по коридору, выскочила в парк и стремглав помчалась по газонам.

Отец кинулся вслед за ней.

— Подожди! Я тебе все объясню!

Догнав, он пытался удержать ее, но девочка вырывалась и истерически кричала. Лицо ее было мокро от пота, глаза вылезали из орбит.

Отец попытался взять ее на руки, но она выскальзывала, как угорь, и, задыхаясь, хрипела:

— Не смей до меня дотрагиваться! Не трогай платье! Оставь меня!

Отец снова внушал ей ужас. Он вновь у нее ассоциировался с тем, кто совершил над ней насилие. Провал в прошлое. Врач дал девочке успокоительное. Потом пригласил родителей и призвал не падать духом.

— Такие кризисы, — сказал он со своей швейцарской невозмутимостью и уверенностью, — неизбежно будут повторяться. Но не надо отчаиваться. На этот раз причиной явились вы сами, а в следующий заставить ее вновь пережить этот кошмар может что-нибудь другое — неизвестно что, любой повод. И сказать, когда девочка обретет нормальные реакции, пока невозможно.

Врач вернулся к Паоле и сел рядом с ней. Девочка уже успокоилась, только глаза у нее еще лихорадочно блестя, как это бывает после некоторых лекарств.

— Послушай, — сказал ей врач, — с тобой хочет посекретничать мама. Она говорит, что ей надо тебе кое-что объяснить. Ты хочешь ее видеть?

Паола молчала. И прикрыла глаза. Врач погладил девочку по голове.

— Хорошо, — проговорил он, — значит, сегодня тебе не хочется. Я скажу маме, что ты хочешь поболтать с ней завтра. А теперь отдыхай.

Ночью Паола вдруг проснулась. Глаза у нее были широко раскрыты. Она встала с постели, взяла на руки мишку, которого отец купил ей на автостанции, и вышла из палаты.

Пройдя весь коридор, подошла к выходу. Толкнула тяжелую дверь, и взору ее открылась сверкающая огнями Женева.

На следующее утро садовник сделал страшное открытие. В большой чаше украшавшего парк клиники фонтана плавало тело девочки. Рядом плавал медвежонок — то медленно приближался к струе фонтана, то отплывал назад, уносимый течением.

КОНЕЦ БАНКИРА

Пассажиры толкались в коридоре вагона, надрываясь от тяжести перевязанных веревкой дешевых картонных чемоданов. Другие только вылезали из купе, стараясь втиснуться между ними. Поезд замедлил ход.

громко закрипел тормозами и с резким толчком остановился.

«Трапани,— прохрипело радио.— Станция Трапани».

Каттани протолкался к выходу. Он шагал быстро, несмотря на тяжесть чемодана. Подошел к такси. На встречу бросился шофер, взял чемодан и положил в багажник. Комиссар дал свой прежний адрес и, нахмурившись, стал глядеть на мелькавшие за окном дома. Улицы заливал золотистый солнечный зной.

Такси миновало небольшую круглую площадь и свернуло на узкую улочку, задавленную безобразными высокими серыми домами. Каттани вспомнил, что сразу за ней, вблизи от дома, есть нечто вроде небольшой площади, на которой находится бар. Он еще не завтракал и решил перекусить.

— Я сойду здесь,— сказал он таксисту.

В баре неожиданно наступила тишина. Протянув руку за кофе, Каттани случайно слегка задел локтем какого-то старика, и тот отпрянул, словно его ударили током.

Войдя в свой подъезд, Каттани, понутив голову, сел в лифт. Он ничего не хотел вокруг видеть. Каждая мелочь вызывала воспоминания, ножом прозаввшие сердце. На дверях еще была табличка с его фамилией. Он открыл дверь в квартиру, ударила волна застоявшегося воздуха.

Он распахнул все окна. Мебель стояла по своим местам, но казалась какими-то старыми ненужными ящиками. В комнате дочери со шкафа на него смотрели веселыми глазками два плюшевых клоуна. В углу лоджии он обнаружил пластиковый мешочек, полный тюбиков масляных красок — воспоминание об увлечении жены живописью.

Каттани не хотел ни о чем вспоминать. Внутри себя он ощутил пустоту. Словно только сейчас осознал, что всего за каких-то несколько месяцев жизнь его так круто изменилась. Поглядел на себя в зеркало, и ему показалось, что он лет на десять постарел. «По мне проехали катком,— подумал он.— Сплющили, как железный дом».

Под вечер неожиданно зазвонил телефон.

Он настороженно поднял трубку и несколько секунд молчал, прежде чем сказать:

— Алло.

— С благополучным возвращением!

Он узнал голос Ольги Камастры.

— А, это вы,— оговаривался он.— У нас что — специальные радары, чтобы следить за мной?

Та рассмеялась.

— Вы не знаете этого города,— сказала она.— Новости здесь распространяются с фантастической быстротой. Вы приехали, чтобы здесь остаться?

— Это мое дело,— грубо ответил он.— Вы меня извините, но у меня нет никакого желания разговаривать.— И повесил трубку.

Через несколько минут вновь раздался звонок.

Это опять была графиня Камастра.

— Не считите меня назойливой, но хотелось бы с вами ненадолго увидеться. Я должна вам многое сказать.

— Вряд ли смогу вас выслушать,— сказал Каттани.— Я приехал лишь упаковать вещи и сдать их в багаж.

— Может быть, сегодня вечером вместе поужинаем?— предложила она.

— Нет. Мне не хотелось бы куда-то выходить из дома,— решительно закончил он разговор.

Поужинал он двумя булочками, купленными утром в баре. В шкафчике на кухне он нашел еще плитку шоколада. Налил себе щедрую порцию виски и растянувшись на диване перед телевизором. На экране мелькали сцены одной из тех американских историй, от которых без ума домохозяйки: с холодными, начищенными до блеска, как кафельные плитки, миллиардерами, их придурковатыми сыновьями и целой стаей жадных дамочек, кружащих над ними, как стервятники.

Раздался звонок у входной двери. Каттани засунул в рот последний кусочек шоколада и пошел открывать. Он думал, что это швейцар принес счета за свет и телефон.

— Добрый вечер!— приветствовала его Ольга Камастра. Лицо у нее так светилось радостью, и держалась она столь уверенно, что устоять перед ней было невозможно. Хотя Каттани не произнес ни слова, графиня вошла в прихожую.

— Даже если я вам мешаю,— сказала она,— мне все равно приятно вас видеть.

— Раз вы — графиня,— саркастически произнес

Каттани.— то я, жалкий плебей, должен вам с поклоном подчиниться.

Женщина усмехнулась.

— Ну, если вы подходите к этому таким образом... А, впрочем, почему бы и нет? У нас, на Сицилии, женщина не может позволить себе прийти домой к одинокому мужчине. Если это откроется, она может поплатиться жизнью. А для меня это абсолютно возможно! Никто мне ничего и не подумал бы сказать. Просто сочли бы капризом графини, вполне простительным грешком.

— Да,— сказал Каттани,— вы летаете высоко, это нам известно.

Он указал графине на кресло. Она села, удобно устроилась. Каттани остался стоять и спросил:

— Ну, так о чем же вам не терпелось со мной побеседовать?

Она нахмурилась и с досадой сказала:

— Ох, вы в самом деле хотите от меня поскорее избавиться! Я пришла узнать, с чего это вы вдруг решили приехать.

Каттани, не сдерживаясь, с силой хватил кулаком по столу.

— Это кто же хочет знать? Кому вы должны об этом доложить?— заорал он.

На лице у графини появилось обиженное выражение.

— Вы не должны бы меня так оскорблять,— сказала она.— Я не занимаюсь черной работой. И спросила вас лишь потому, что это интересует меня лично. А также, если позволите, из простой любезности. Кто знает, может быть, вы нуждаетесь в помощи. Ведь у нас с вами никогда не было никаких столкновений. Если могу быть чем-нибудь вам полезна, я все охотно сделаю.

Каттани взъерошил рукой волосы. Что надо этой женщине? Она ему друг? Или проникла к нему в дом, как троянский конь, чтобы окончательно его добить? Он обнаружил, что уже утратил способность разбираться в людях. Он слишком долго в себе растил недоверие к окружающим. И это сделало его чересчур осмотрительным.

— Как себя чувствует ваша дочь?— спросила графиня. Ее интерес казался искренним.

— Моя дочь,— тихо ответил Каттани,— меня покинула. Она не захотела больше жить.

— О, боже мой!— Женщина закрыла лицо рукой.

Теперь желание поговорить, поделиться испытывал он сам.

— Однажды утром,— сказал Каттани,— ее нашли в фонтане в парке клиники. Она бросилась в воду и захлебнулась.

— Нет, это невозможно!— произнесла, словно протонала, Ольга. Она поднялась с кресла. Глядя на огни за окном, добавила:— Какой ужас! Какие страшные вещи происходят в этом городе! Извините, но я поистине потрясена.

Комиссар, казалось, делал все, чтобы отогнать воспоминания. Но теперь они сразу на него навалились.

— Я не могу больше об этом говорить,— пробормотал он.

— Простите,— огорченно сказала женщина.— Было глупо с моей стороны мучить вас расспросами.

— Здесь меня больше ничего не держит. Я вернулся только за вещами.

— Я вам верю,— проговорила графиня,— но кое-кто в городе может решить, что вы возвратились по другим причинам.

— По каким же?

— Чтобы отомстить.

— Отомстить?— удивленно повторил он.— Для этого я не чувствую в себе силы. Чтобы мстить, надо кипеть злостью. А я перегорел. Меня доконали.

— А, кроме того, разве это имело бы смысл?— заметила графиня.— Только увеличило бы список жертв.

Каттани искоса взглянул на нее.

— Кстати, вы однажды попытались внести в этот список меня.

— Вам этого не понять,— ответила со вздохом Ольга.— В тот раз я не могла поступить иначе. Они спросили, на какой машине вы ко мне приезжали. Я видела ваш фургончик, и мне пришлось это сказать.

Она сделала несколько шагов, ломая пальцы. Потом продолжала:

— Я знаю, это было низко и жестоко. Но у меня не было выбора. Если бы я промолчала, мне бы не выйти живой из той комнаты.— Впервые за все время, что Каттани знал эту железную женщину, она была готова вот-вот расплакаться.— Вы себе даже не можете представить, какой террор царит в этом городе.

— Да ладно,— сказал комиссар,— чего уж там те-

перь говорить... Вам совершенно ни к чему передо мной оправдываться.

Она внимательно на него посмотрела.

— Я не пытаюсь оправдываться, я лишь хочу, чтобы вы меня поняли.

— Поняли, поняли... Почему я должен вечно стараться кого-то понять, кого-то оправдывать?

У графини стоял ком в горле. Она провела пальцем по спинке стула и с трудом проговорила:

— Наверно, мне не следовало сюда приходить. Я надеялась встретиться с человеком, которым восхищаюсь и которого глубоко уважаю. А вы видите во мне врага, равняете с такими людьми, как Равануза и Терразини.

Взяв сумочку, она решительно направилась к двери.

— Извините за вторжение, — сухо сказала она на прощание.

Каттани, прислушиваясь, стоял за дверью, и до него доносился лишь все удаляющийся стук каблучков графини, стремительно сбегавшей вниз по лестнице. Теперь он жалел, что она ушла. При мысли, что, наверное, он уже никогда ее больше не увидит, на лице его отразилось огорчение.

* * *

Терразини созвал новое деловое совещание в закрытой для посторонних небольшой гостиной Клуба интеллигенции. На этот раз он ограничился приглашением всего троих. Они сидели вокруг большого круглого стола. Среди присутствующих не было графини Камастры.

Словно продолжая прерванный разговор, адвокат начал свою речь с «итак». Он постучал по столу пачкой листов со своими записями и обвел взглядом собравшихся, задерживаясь на лице каждого, призывая к вниманию.

— Итак, мой друг Фрэнк Карризи очень вас благодарит за поддержку его проекта. Теперь нам остается лишь выбрать, через какой банк осуществлять нашу операцию. — Он несколько секунд помолчал. — Вы, наверно, помните доктора Николу Сорби. Несколько лет назад он покинул наш город и переехал на материк. Он работает в Риме, и его банк пользуется отличной репутацией.

Адвоката Терразини перебил седой как лунь старец со слегка трясушимися руками:

— Мы все прекрасно знаем доктора Сорби... Но что стряслось с Раванузой? Я слышал, он отправил дочь с зятем в Бразилию.

Терразини выпятил нижнюю губу.

— Бедняжка, — произнес он. — Равануза сидит взаперти у себя дома. Я пробовал вытащить его, но тщетно. Говорит, что болен, не может ходить.

Лица присутствующих приняли соответствующее выражение участия и даже сострадания, и все воскликнули чуть ли не хором:

— Вот бедняга, какая жалость!

— Такова жизнь, — вздохнул Терразини. — Нам придется с этим смириться. С Раванузой дело плохо, но его банк должен быть спасен — ведь ему-то принадлежит важная социальная роль.

Краснолицый толстяк заметил, что большая часть пакета акций находится в руках самого Раванузы. Но Терразини не счел это серьезным препятствием.

— Акции, — сказал он, — постоянно переходят из рук в руки. Кто-то покупает, кто-то продает.

— А кто мог бы скупить акции Раванузы? — спросил седовласый.

— Наиболее подходящим человеком я считаю именно доктора Сорби, — ответил Терразини.

Третий приглашенный — с низким лбом и мощными челюстями, он походил на бульдога — еще не высказывался. Он прищурил угольно-черные глазки и спросил:

— Это как понимать? Что Равануза уже продал свой пакет акций доктору Сорби?

— Не-ет, — ответил Терразини. — Он лишь дал мне официальное поручение найти покупателя.

Краснокожий толстяк весь затрясся от радости. — Так, значит, — воскликнул он, — никаких проблем! Можем считать, что Равануза вышел из игры и не имеет к нашим делам ни малейшего отношения. — И помахал в воздухе огромной лапшей, напоминавшей язык колокола, звонящего по покойнику.

— Друзья мои, — удовлетворенно сказал Терразини. — Для меня действительно большая радость убедиться, что все мы между собой согласны. В таком случае вопрос о переходе акций к доктору Сорби будем считать окончательно решенным. И подготовим достойную встречу возвращающемуся на родной остров слав-

ному сыну нашего города, сумевшему заслужить почет и уважение на континенте.

Слегка улыбувшись, он закончил:

— А это поможет укрепить наши связи с континентом. И скажем прямо: континент от этого выиграет.

Раздался довольный смех присутствующих. Седой старичок хотел еще что-то добавить. Он поднял вверх палец, словно школьник на уроке.

— Кстати, о континенте, — проговорил он. — Как я слышал, вернулся этот комиссар Каттани...

— Да, — подтвердил Терразини. — Мне тоже об этом говорили.

— И что вы по этому поводу думаете?

— Он приехал забрать из квартиры мебель, — ответил Терразини. — У него какие-то семейные неприятности, личное горе, вряд ли ему захочется еще больше осложнить себе жизнь. Так считает графиня Камастра. — Внезапно он нахмурился и, выставив вперед подбородок, мрачно добавил: — Но все-таки, возможно, стоит принять некоторые меры предосторожности.

* * *

Банкир Равануза был вне себя от ярости. Размахивая руками, он вопил:

— Вы творите настоящий произвол! Как вам только могло прийти в голову сказать, что я дал вам доверенность на продажу моих акций? Я ничего не собираюсь продавать. И не подумаю уйти из банка!

Сидевший в глубоком кресле Терразини не скрывал раздражения, которое у него вызывало поведение собеседника. Засунув палец в кармашек жилета, он произнес ледяным тоном:

— Боюсь, у вас нет выбора.

— Что это означает? — Равануза все больше выходил из себя.

— То, что вы совершили ошибку, — холодно и флегматично ответил Терразини. — Серьезную ошибку. Ваша беседа с доктором Бордонаро была... как бы это получше сказать, она несколько... слишком долго затянулась.

Равануза еще не осознал до конца ситуацию. Он упрямо твердил:

— Я хочу поговорить с друзьями. Я им все объясню.

— Но друзья, — безжалостно добивал его Терразини, — вряд ли захотят с вами разговаривать.

Банкир почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Перед глазами все поплыло в тумане, как у боксера в нокадауне. И, воспользовавшись его растерянностью, Терразини нанес последний удар.

— Вы не в силах были бы, — сказал он, — вынести их взгляды, — вы ведь знаете, такое не прощают. Поверьте, лучше с этим делом покончить сейчас.

Он вытащил из кармана листок бумаги с несколькими строчками на машинке. И протянул банкиру.

— Что это такое? — спросил Равануза.

— Доверенность, — сказал Терразини, закуривая сигарету. — Вы должны подписать доверенность на продажу своих акций.

— За какую сумму? — спросил Равануза.

Терразини глубоко затянулся сигаретой и выпустил облако дыма. Потом сухо ответил:

— За одну лиру.

— За одну лиру! — взвился банкир. — Да вы сошли с ума! Мои акции стоят по меньшей мере восемь миллиардов лир.

— Сегодня цена им ровно одна лира, — словно бы между прочим проронил Терразини.

На окутанном сигарным дымом лице адвоката Равануза прочел суровую правду. Он сидел полуоткрыв рот, тяжело уронив руки на стол. Постепенно банкир пришел в себя, взял перо и поставил свою подпись на бумаге Терразини.

Потом, заикаясь, спросил:

— Могу ли я хотя бы уехать к своей дочери в Бразилию?

Терразини ответил с любезной улыбкой:

— Вы — свободный человек. Можете ехать, куда вам только вздумается.

ЗВОНОК КАМЕРДИНЕРА

Каттани разбирал свои вещи и укладывал их в чемоданы и картонные ящики. Он достал из шкафа шерстяной свитер, но бросил обратно на полку, услышав телефонный звонок.

В трубке раздался высокий, как у женщины, голос:

— С вами говорит камердинер комендатора Рава-

пузы. Коммендаторе просит как можно скорее приехать к нему домой, так как должен сообщить вам нечто весьма важное.

— Мне очень жаль, — ответил Каттани, — я больше не комиссар в вашем городе, обратитесь в полицейское управление.

— Коммендаторе велел мне во что бы то ни стало упротить вас. Он не желает говорить ни с кем другим.

— Ну, ладно, попросите, пожалуйста, к телефону его самого.

— Извините, сейчас никак невозможно: коммендаторе принимает душ. Если вы согласны, то с вашего разрешения я ему доложу, что вы попозже заедете.

Каттани сдвинул из уговори и, выразив неудовольствие лишь тем, что приподнял брови, сказал:

— Хорошо, хорошо, дайте адрес. Я буду через час.

Заключив разговор, камердинер поспешно сбросил свою белую куртку, надел темный пиджак и неслышными шагами направился по ковровой дорожке коридора. Заглянув в роскошно убранную гостиную, доложил:

— Коммендаторе, я пошел за покупками.

Равануза читал газету, утонув в глубоком кресле. Не оборачиваясь, банкир проговорил:

— Хорошо. — И когда камердинер уже уходил, крикнул ему вдогонку: — Ты сейчас разговаривал по телефону?

Тот своим вкрадчивым голосом ответил:

— Да, позвонил матери. Она лежит с высокой температурой.

— Ну ладно, иди, — отпустил его банкир. — Только не задерживайся.

Камердинер уже спускался по лестнице, когда Равануза напоследок еще добавил:

— Смотри, хорошенько запри дверь. И калитку тоже.

Виллу Раванузы окружал красивый сад с множеством апельсиновых и лимонных деревьев. Аромат их разносился далеко по ту сторону каменной ограды.

Камердинер прошел по аллейке, ведущей к выходу, вставил ключ в замочную скважину и, громко шелкнув, отомкнул железную калитку. Потом осторожно прикрыл ее за собой, так, чтобы она не захлопнулась на замок.

Остановившись на тротуаре, он зажал между ног хозяйственную сумку, стал застегивать пиджак. Про-

делав это, повернул голову вправо и краем глаза увидел стоящую метрах в двадцати машину. Внутри ее он разглядел двух погруженных в беседу мужчин. Тогда он взял сумку в руки и, перейдя на другую сторону, пошел, ускорив шаг, по улице.

Спустя несколько минут Каттани тоже вышел из дому. Завернул в бар выпить кофе. Ожидая у стойки, сунул руку в карман, перебирая горсть мелочи. Ему показалось, что среди монет он нашупал жетон для телефона-автомата. Он достал и убедился, что это действительно жетон. Кто знает почему, ему захотелось этот жетон сейчас же использовать. Но кому было звонить?

Зайдя в кабину, он набрал номер Ольги Камастры.

— Вот это приятный сюрприз! — сказала графиня.

Но голос Каттани звучал враждебно.

— Вы были настолько любезны, — проговорил он, — что рассказали всем вокруг о моем приезде. Я уже удостоился приглашения от одного из ваших закадычных дружков. Я сейчас направляюсь с визитом к коммендаторе Раванузе.

Тон женщины сразу переменялся.

— Как, вы говорите, он вас пригласил? — спросила Ольга. — Через слугу? — Она, казалось, была в замешательстве. И, немного подумав, решительно проговорила: — Не ходите туда. Послушайте, что я вам говорю: не ходите! Не знаю почему, но мне все это очень не нравится.

Какая странная женщина, подумал Каттани. Теперь она еще требует, чтобы он считался с ее предчувствиями. Он вышел из бара и, сев в такси, дал адрес Раванузы.

Он позвонил у калитки, но никто не отозвался. Оглянулся вокруг. Улицы безлюдны. Машины, привлекавшей внимание камердинера, уже не было.

Каттани заметил, что калитка приоткрыта. Толкнув ее, он вошел в сад. Его шаги по камням вымощенной аллейки гулко разносились вокруг. Он увидел входную дверь виллы, она тоже была притворена. Заглянув внутрь, он спросил:

— Есть кто-нибудь? Синьор Равануза!

Голос его разнесся по дому гулко, словно он крикнул в пещеру. Он был в нерешительности — входить или возвращаться назад? Сделал еще несколько шагов. Поднялся по широкой мраморной лестнице и оказался

перед распахнутой дверью в гостиную, стены которой украшали старинные картины и золотистые гобелены.

Он еще раз позвал:

— Синьор Равануза!

Никакого ответа. Каттани вошел в гостиную и увидел банкира, полулежащего в кресле. В левом виске у него была дырочка, окруженная свинцово-серым пятном — признак того, что выстрел в голову был произведен почти в упор.

Банкир, наверное, даже не заметил своего убийцы. Вид был спокойный, голова склонена на плечо, словно человек уснул. Выпавшая из рук газета валялась на полу, густо пропитанная кровью. Рядом с креслом на столике стоял недопитый стакан лимонада.

Странная вещь, отметил про себя Каттани, убийца оставил свой пистолет. Оружие лежало на ковре в нескольких метрах от тела убитого. В самом деле, какие-то необычные методы у здешних киллеров.

Но не успел еще комиссар мысленно воссоздать картину преступления, как ему пришлось сосредоточиться на новом неожиданном обстоятельстве, создававшем для него самого весьма опасную ситуацию. К вилле с грохотом моторов и воем сирен на бешеной скорости подлетели две полицейские машины. Сквозь тюлевую занавеску Каттани видел, как они резко затормозили у калитки. Несколько выскочивших из них агентов, сжимая в руках автоматы, уже спешили к входной двери.

Командовал ими старшина, знаками приказавший разделиться и осмотреть каждую комнату. В гостиной старшина обнаружил труп Раванузы. Потом его взгляд остановился на валявшемся на полу пистолете. И в ту же минуту до него доносился голос одного из его людей: «Руки вверх!»

Старшина бросился в коридор и увидел идущего по направлению к нему с поднятыми вверх руками Каттани.

Теперь комиссару все было абсолютно ясно: он пожалел, что не прислушался к совету графини Камастры.

Он внимательно вгляделся в лица старшины и полицейских. Нет, раньше он их никогда не видел. Саркастически усмехнувшись, он проговорил:

— Поздравляю, старшина. Вы прибыли минута в минуту!

Старшина не понял.

— Что вы там болтаете? — прорычал он. — Идите за мной. Придется вам объяснить судье, что вы тут делали.

* * *

Судья был в Трапани новичком. Его перевели сюда из Палермо, и он еще совершенно не разобрался в тайных хитросплетениях местной жизни. Это был молодой человек невысокого роста, с редкими волосами на вытянутой вверх маленькой головке. Он сидел, все время уткнувшись в лежащие перед ним бумаги, словно шарящий носом по земле муравьед.

— Доктор Каттани, — произнес он своим визгливым голосом, — у меня тут под рукой старый протокол вашего допроса. Сейчас посмотрим. Так вот: вы утверждаете, что ваша дочь была похищена некой организацией, в которую входил не кто другой, как покойный Равануза.

— Именно так, — сказал Каттани.

По-прежнему сидя опустив голову, судья поднял круглые глазки и с осуждающим видом посмотрел на комиссара.

— Именно так, — повторил он, и левая щека у него дернулась от привычного тика. — «Именно так» — это произнесу я, когда установлю, что это действительно правда.

Он сделал паузу, во время которой несколько раз облилиз губы. Потом неожиданно выпалил вопрос, терзавший его с самого начала:

— Зачем вы отправились к Раванузе?

Каттани взглядел усталым, он словно смирился со своей судьбой.

— Равануза просил меня приехать поговорить с ним, — ответил он почти безразлично.

— О чем же?

— Вот этого, к сожалению, он не успел мне объяснить. Когда я приехал, он был уже мертв.

Судья снова погрузился в размышления и некоторое время молчал, облизывая губы. Затем, словно внезапно очнувшись, задал следующий вопрос:

— Вы ведь тайли на Раванузу обиду, не правда ли? Такой вывод напрашивается на основании ваших же показаний. Отдаете ли вы себе отчет в том, что это

обстоятельство можно рассматривать как весьма серьезную побудительную причину для совершения убийства?

Каттани был слишком изумлен и возмущен, чтобы отвечать. Его выводила из себя примитивная логика этого сидящего перед ним чиновника, который, разговаривая с ним, так ни разу и не поднял лица, предоставляя любоваться своим почти лысым черепом. Не знал, что может возразить. И в конце концов решил промолчать.

Не дождавшись ответа, судья поторопил:

— Ну так что же? Вам нечего сказать?

— А что мне вам сказать? — со вздохом проговорил Каттани. — Теперь я уже ко всему готов. Могу смириться с чем угодно. — И, бросив на судью презрительный взгляд, закончил: — Даже с вами.

Шека у судьи вновь задергалась.

— Что это значит, вы смеетесь надо мной? Вы знаете, что это может дорого обойтись?

— Кому? — устало спросил Каттани. — Мне? У вас и так уже в руках все, чего только можно пожелать. Труп, побудительная причина, пистолет и убийца. Разве я в силах что-либо опровергнуть, если вы в этом так твердо убеждены? Вас ведь ничто уже больше не интересует. Про себя вы считаете это дело уже законченным.

* * *

Судья распорядился об аресте Каттани по обвинению в убийстве. Эта новость облетела тюрьму с молниеносной быстротой. Из камер раздался издевательские выкрики, сливающиеся в единый оглушительный хор: — Засыпался, проклятый легавый! Теперь тебе хана!

Взрывы дикого хохота, вой, улюлюканье сотрясали унылые коридоры и, усиленные эхом, нестерпимо громким гулом доносились до комиссара.

Во время прогулки Каттани присел в уголке и закурил сигарету. С тоской ему вспоминалась Швейцария, такая тихая, умиротворяюще спокойная.

Двор был заасфальтирован. Он был слишком тесен для толпы заключенных, расхаживающих взад-вперед, чуть ли не толкая друг друга. Они адски шумели, и от них шла ужасная вонь, которой, казалось, здесь были пронитаны даже стены.

Сигарета докурила до конца. Каттани швырнул окурок на земаю. Подняв голову, комиссар увидел приближавшегося к нему молодого парня. Он был по пояс обнажен, весь волосатый, сплошь в татуировке. Длинные грязные космы падали ему на глаза. Чтобы отбросить их, он то и дело встряхивал головой.

— Привет, Каттани! — произнес он с вызывающим видом. — Ты меня узнаешь?

Комиссар его не помнил.

— Ах, так ты не знаешь, кто я, — продолжал наречь. — Один из тех торговцев наркотиками, которых ты велел своему дружку Альтеро арестовать в районе порта. Меня зовут Фьорито.

— Раз ты сбывал наркотики, — сказал Каттани, — значит, я правильно сделал, что приказал тебя посадить.

Заключенный ухмыльнулся.

— А тут нам, знаешь начхать на то, что ты комиссар. Плунуть и растереть.

— Ну что поделаешь, — сказал Каттани.

Но парню, казалось, все было мало. Ему обязательно хотелось припугнуть комиссара, унижить его. Он добавил:

— Видишь, как кончил Альтеро?

— Гм...

— А ты когда сдохнешь?

— На то воля божья.

Когда они расходились по камерам, Фьорито пристроился позади Каттани. И в давке, улучив удобный момент, он вдруг изо всех сил ударил комиссара по почкам и тут же исчез. Каттани согнулся пополам, от резкой боли перехватило дыхание. Однако никто и не подумал помочь ему.

В первую ночь, проведенную в тюрьме, ему не удалось сомкнуть глаз. В тесной камере их было шестеро, спали на двухъярусных койках.

Лежа в темноте, Каттани не мог побороть отчаяния. Его охватило чувство полной безнадежности, глубокая депрессия. Он уже не верил, что ему удастся доказать свою невиновность. Он пошел против слишком могущественной организации. И теперь все члены этого клана плетут против него интриги, это целый заговор, ставящий целью доказать, что он несомненный убийца Раванузы.

Другие заключенные спали. Душная камера была

наполнена их залившимся храпом. Каттани ворочался с боку на бок, пытаясь заснуть. Кто-то вошел в камеру. Вдруг он почувствовал, как в темноте чьи-то руки хватают его за горло. Тиски становились все сильнее, и он уже с трудом дышал. Потом одна из рук отпустила горло, посыпались удары по лицу. От этих мощных ударов кулаком Каттани не мог никуда спастись, потому что напавший крепко пригвождал его к койке ногой.

Каждый раз, когда кулак опускался, Каттани казалось, что у него раскалывается череп. Он обливался кровью и еле переводил дыхание. Наконец ему удалось вырваться. Из последних сил он откатился в сторону и ударил противника ногами в лицо. Тот зашатался. Каттани прыгнул на него, и они, сцепившись, покатались по полу.

Комиссар нанес нападавшему удар в живот, потом в лицо, но тот сумел вырваться. Вскочив на ноги, он неожиданно разразился смехом.

— Эй, Каттани, — и он узнал голос Фьорито, — на сегодня хватит! Давненько я так славно не размялся!

И Фьорито выскользнул из камеры, закрыв снаружи дверь на засов.

* * *

Каттани не сошелся ни с кем из заключенных. Все избегали его, словно прокаженного. Во время прогулки во дворе он держался в сторонке. И все время был начеку, ожидая каждую минуту какого-нибудь подвоха. Лицо у него распухло, было все в синяках, правый глаз заплыл.

То, чего он опасался, однажды случилось. От плотной кучки заключенных отделился Фьорито. Склонив на сторону голову, которой он непрерывно встряхивал, чтобы откинуть волосы, он лениво жевал резинку. Приближался он медленной, развинченной походкой, не спеша переставляя свои длинные кривые ноги.

— Каттани! — процедил он сквозь зубы. — Ах ты, мерзкий сукин сын!

Комиссар вскочил на ноги. И увидел, что все смотрят в его сторону, ожидая потехи. Услышал, как заключенные возбужденно переговариваются. Некоторые открыто ухмылялись. Фьорито был уже метрах в пяти.

Скривив рот в насмешливую гримасу, он извлек из кармана остро заточенную ручку столовой ложки. Он зажал ее в кулаке как нож. Невозможно было поверить, что все это происходит здесь, в тюремном дворе, на глазах у надзирателей. Но они делали вид, что ничего не замечают.

Каттани весь подобрался. Он пристально глядел в глаза Фьорито. Был напряжен, как пружина, изготавился отразить нападение. Фьорито уже приблизился почти вплотную. Выставил вперед длинные руки, готовый нанести удар. Они бросились друг на друга почти одновременно. И это помешало Фьорито всадить самодельный нож в грудь чуть сместившегося в сторону Каттани. Острие полоснуло по левой руке. Под прозрачным рукавом рубашки заалела длинная глубокая царапина.

Замахиваясь, Фьорито чуть потерял равновесие, и Каттани свалил его на землю. Падая, Фьорито выронил нож и теперь тянулся за ним. Комиссар ловко прыгнул на него, железной хваткой сдавил шею.

Тут надзиратели решили наконец вмешаться и обоим повели со двора. Когда Каттани, весь скрючившись от боли, проходил в сопровождении двух охранников мимо столпившихся заключенных, он услышал, как кто-то вслед ему произнес:

— Линия скорей отсюда! Неужто не чувствуешь, что запахло покойником?

ПУТЬ СПАСЕНИЯ

Да, его наверняка прикончат. Каттани был в этом совершенно твердо убежден. Ждет его тот же конец, что и брата Анны Карузо. Или же его пришьют во время прогулки. Точно таким же манером, как этого мафиозо Чиринна. Выхода нет. Он перевернулся на койке и уткнулся головой в подушку.

Мозг его лихорадочно работал. Может, стоит попробовать один шанс, как бы слаб он ни казался. Он вскочил с койки. Подошел к двери и принялся по ней барабанить. В глазок заглянул надзиратель. Рожа у него была злая, хищная. Каттани знаками стал показывать, что хочет ему что-то сказать. Тот тотчас же отомкнул дверь и выпустил его из камеры.

Мальчишке было от силы лет тринадцать. Словно в слаломе, мчался он на своем мопеде, лавируя среди машин и весело насвистывая. Свернул в обсаженную деревьями улочку, по сторонам которой высились красивые, богатые дома. Поискал глазами нужный номер и резко затормозил, влетев на тротуар. Прислонил мопед к стене, вошел в просторный вестибюль и поднялся лифтом на четвертый этаж.

Позвонил. Ему открыл слуга. Прежде чем тот успел спросить, чего ему надо, мальчик выпалил:

— Мне нужно поговорить с графиней Камастрой.

— А ты кто такой?

— Меня зовут Сальваторе, — ответил мальчишка. Взгляд у него был смелый, и держался сам он с достоинством, словно подчеркивая важность доверенной ему миссии. — Я должен передать графине письмо.

— Я передам его сам, — сказал слуга.

— Нет, нельзя, — отвечал Сальваторе, отступая на шаг, — надо вручить ей лично в руки, потому что я должен получить ответ.

Через несколько секунд, любопытствуя, вышла сама графиня. Взяв у мальчишки письмо, открыла конверт, вынула листок и, повертев в руках, увидела, что он чист с обеих сторон.

— Но здесь ничего не написано!

— Слова знаю я, — ответил Сальваторе и ткнул себя в грудь. — Но это будет стоить миллион дир. Я должен отдать их тюремному сторожу.

Едва услышав про тюрьму, Ольга сразу же поняла, что дело касается Каттани.

— Я дам тебе миллион, — сказала она.

Мальчишка продолжал стоять неподвижно, расставив ноги и опустив голову, словно собачка в ожидании кости.

— А, понимаю, — улыбнулась Ольга. Она ушла в комнаты и возвратилась с десятью банкнотами по сто тысяч, аккуратно их сложила и сказала: — Вот, держи свой миллион.

Сальваторе удовлетворенно кивнул и сообщил:

— Комиссар хочет вас видеть. Дело очень важное и срочное.

Судья стал чинить множество препятствий. Он и слышать не хотел о том, чтобы предоставить графине свидание с Каттани, ссылаясь на существующие правила: следствие еще не закончено, и с его стороны было бы нарушением разрешить постороннему лицу беседовать с заключенным. Видя, что прямым путем ничего не добьются, графиня решила обойти препятствие. Отведя в сторонку Терразини, она попросила его уговорить судью подписать разрешение.

Терразини была неприятна просьба графини, но льстило то, что она обратилась именно к нему. С напускной скромностью он проговорил:

— Но ведь я всего-навсего адвокат. Вы принимаете меня за всемогущего господ бога.

— Однако судья вас послушается!

Терразини в ответ лишь чуть улыбнулся и продолжал вяло упираться:

— И вообще я не понимаю вашей столь горячей заинтересованности в этом Каттани.

Графиня, бросив на него лукавый взгляд, сказала:

— Но ведь я женщина!

— Да, но женщина мудрая, — возразил Терразини. — С чего это вы поддались капризу?

Графиня пожала плечами.

— Вот именно: каприз.

Когда Ольга увидела, на кого похож Каттани, она не поверила своим глазам. Прикрыв веки, она проговорила:

— Боже! Кто это вас так отделал?

— Тут все против меня, — мрачно ответил комиссар. — В один прекрасный день меня вообще прирежут.

Слегка поколебавшись, графиня протянула руку и ласково провела по его вспухшему лицу.

— Вы должны отсюда выйти, — произнесла она. — С этим возмутительным делом пора кончать!

Он внимательно посмотрел на нее и проговорил:

— Вы можете мне в этом помочь.

— Объясните, что я должна сделать.

Комиссар потер ноющую скулу.

— Я вынужден вам довериться, — пробормотал он. — Если и вы против меня, то мне каюк.

Графиня Камастра воздела очи к небу. Ей надоело это его вечное недоверие.

— Ну что ж, вам придется рискнуть, — жестко сказала она. — Выбор невелик, здесь перспективы у вас, по-моему, отнюдь не обнадеживающие.

Он все ходил вокруг да около, не решаясь перейти к сути.

— Много вам пришлось заплатить моему посланцу? — спросил он.

— Сейчас не время говорить о деньгах.

— У меня не было другого выбора, — стал оправдываться он. Потом добавил: — Ну, в общем, вы должны оказать мне одну услугу, но только, ради бога, чтобы об этом ни в коем случае не узнал Терразини.

— Да прекратите эти разговоры и скажите, наконец, чем я могу вам помочь?

— Позвонить по телефону. Вот по этому номеру.

* * *

Это был номер личного телефона Каннито в Риме. Ольге Камастре словно передалась подозрительность Каттани. Звонить она предпочла не из дома, а закрылась в кабине уличного телефона-автомата.

В трубке она услышала мужской голос:

— Алло!

— Ваш друг, арестованный на Сицилии, — проговорил Ольга, — нуждается в помощи.

— Кто у телефона?

Не называя себя, графиня удостоверилась:

— Вы поняли, о ком я говорю?

— Да.

— Он хочет вас немедленно видеть. Говорит, что это очень важно также и для вас.

— Для меня?

— Да, — решительно подтвердила графиня. — Он знает, что убитый в Риме работник прокуратуры собирался встретиться с вами. Но не успел, так как его убили. — Она сделала короткую паузу, потом добавила: — Однако ваш друг умеет держать язык за зубами. Но он ожидает дружеского поступка и с вашей стороны. — И, не ожидая ответа, повесила трубку.

* * *

Каннито ожидал в комнатке, отведенной для встреч адвокатов с заключенными. Директор тюрьмы встречал его лично, чтобы выразить свое почтение к могущественному шефу важного отдела секретных служб.

И сам проводил его сюда.

Когда охранник открыл дверь и впустил в комнату Каттани, Каннито сделал несколько шагов навстречу и заключил его в объятия.

— Мой мальчик, — проговорил он, — и как тебя только угораздило опять попасть в такую переделку?!

— Вы прекрасно знаете, что я не убивал Раванузу, — ответил Каттани.

— Да-да, конечно, — согласился Каннито. — Это был не ты. Но тем не менее ты влип в хорошенькую историю.

Каттани отвел взгляд.

— Это была ловушка, — проговорил он. — Меня заманили в западню.

— Да, да, — сказал Каннито. — И ошибка будет исправлена. Ты должен верить в правосудие.

Каттани вскочил на ноги.

— Как Альтеро? Как Бордонаро? — вскричал он. — Вот они верили в правосудие! Да если я здесь останусь, меня прикончат; прирежут — и все. Одним трупом больше, одним меньше, для них не имеет никакого значения. Они все равно спят спокойно. Даже больше того: с каждым новым убийством становится спокойнее. Одним языком меньше.

— Ну перестань, — невозмутимо произнес Каннито, — не сгущай краски. Никто тебя не собирается убивать.

Каттани холодно взглянул на него.

— А я думаю, что собирается. — И добавил: — Возможно, меня считают обременительным свидетелем. Последним, кто остался. Быть может, им известно, что Бордонаро говорил со мной по телефону перед тем, как его убили.

Тень озабоченности мелькнула в глазах Каннито.

— Бордонаро тебе звонил? И что же сказал?

— Что Равануза достаточно много ему выболтал, — решительно ответил Каттани. Лицо его стало жестким.

Он облизал сухие губы и добавил: — И назвал также ваше имя.

Лицо у Каннито передернулось.

— Мое имя?

— Ага, — пробормотал Каттани. Затем, будто не верит разоблачениям Раванузы, прокомментировал: — Нес черт знает что, наверно, что-то перепутал.

— Да, совершенно очевидно, — согласился Каннито, бросив на Каттани изучающий взгляд, он пытался понять его, не скрывает ли тот что-нибудь от него. — Но скажи мне: что я могу для тебя сделать?

Каттани тяжело оперся локтями о стол, поглядел на солнечный луч, проникающий в комнату из маленького окна под потолком, потом перевел взгляд на Каннито.

— Мне хотелось бы лишь одно: жить спокойно. Вырваться на свободу и забиться в уголок. Я хочу все позабыть. Я все вычеркну из своей памяти, клянусь вам. Но прошу вас, если вы еще сохранили ко мне хоть немножко дружеских чувств, вытащите меня отсюда. Дочь моя умерла. Я ни с кем не собираюсь сводить счеты. Исчезну и никому больше не буду мешать.

Его слова растрогали Каннито. Всесильный глава отдела «Зет» вздохнул:

— Дружище, я посмотрю, что можно сделать. Как ты мог убедиться, я примчался по первому же твоему зову. Кстати, должен, однако, тебе сказать, что с твоей стороны было несколько неосмотрительно давать мой личный номер.

— Я был в отчаянии. Оставался единственный способ вас немедленно разыскать.

— Ну, ладно. Можешь не беспокоиться, этого номера уже не существует, я велел сразу же его заменить. Ах да, а кто эта женщина, что звонила?

— Вы мне не поверите, — ответил Каттани, — но я даже не знаю ее имени. Это жена одного заключенного, с которым я подружился.

— Хорошо, хорошо. Так знай, мой мальчик, я к тебе искренне привязан. — Каннито сжал своими крючковатыми пальцами плечо Каттани и произнес слова, которые следовало понимать шире, чем просто добрый совет: — Ты должен мне довериться. Полностью мне одному. Понял?

— Да, ваше превосходительство. Я полагаюсь на вас. Вверю свою судьбу в ваши руки.

Терразини обычно приглашал важных гостей в роскошный, закрытый для случайных посетителей ресторан, где в официантки брали потрясающих красоток. Он повел туда и Каннито и вновь увидел блондинку, которая сразу же начала с ним кокетничать.

Выждав немного, Каннито попробовал позондировать почву.

— Вы знаете, — сказал он, — когда я вспоминаю об этом Каттани, который сидит за решеткой, мне делается его немного жаль.

— Да, — отозвался Терразини, — я знаю, что вы ходили навестить его в тюрьме. Да не думайте вы о нем! Предоставьте его своей судьбе.

— Но он этого не заслужил, — сказал шеф отдела «Зет». — Этого парня я знаю двадцать лет. Неужели для него нельзя было бы что-нибудь сделать?

— А надо ли? — с раздражением отозвался Терразини. — Он горячая голова. Тюрьма его немножко остудит.

Каннито продолжал гнуть свое:

— Я никогда не совал нос в ваши местные, сицилийские дела. И если я сейчас позволяю себе вмешиваться, то только потому, что здесь, как вы не можете не согласиться, вы натворили немало грубых ошибок.

Ужин был окончен. Вернулась пышногрудая блондинка с кофе. Личико у нее сияло.

— Ты просто ангел, — прошептал Терразини. И, сунув ей в руку свою визитную карточку, добавил: — Там мы сможем видеться и наедине.

У девушки заблестели глаза.

— Ну, конечно, — еле слышно выдохнула она, опуская карточку в кармашек.

Тогда Терразини, возвращаясь к последним словам Каннито, закончил:

— Вы говорите — ошибки. Если и были допущены какие-то ошибки, то не лучше ли уничтожить все следы?

* * *

В тот вечер Каннито отправился ночевать в гостиницу в Палермо. Но сон его был краток и беспокоен. Он проснулся среди ночи, и ему никак не удавалось вновь

заснуть. Перед глазами у него, словно жуткий кошмар, вставало лицо Каттани — изможденное, со страшными ссадинами и синяками. Нет, он не может бросить этого человека на произвол судьбы, как того хочет Терразини.

Он слез с постели. Выглянул в окно, и глазам его открылся безлюдный город, вымерший, как в научно-фантастическом фильме после высадки марсиан.

Открыл «дипломат», достал тюбик со слепящим. Проглотил таблетку и вновь нырнул под одеяло. Но, сколько ни вертелся с боку на бок, веки не тяжелели, сон не приходил. Он решил окончательно подняться.

В окно он увидел за высокой бапней кампаниаллы первые проблески солнца. Поглядел на часы. Наверно, адвокат Терразини уже проснулся.

Он схватил телефон и набрал его номер.

— Простите за столь ранний звонок, — сказал он. — Мне кажется, что в отношении дела Каттани я нашел выход. Это будет решение, которое устроило бы нас всех.

Терразини слушал его со все возрастающим интересом. И когда Каннито закончил изложение своего плана, отозвался:

— Блестяще! Я считаю это превосходным решением. Нужно только узнать, что думает об этом он сам.

* * *

Каннито испытывал некоторую гордость. Чем больше он размышлял, тем больше придуманный стратегический план казался ему поистине маленьким шедевром. Он оделся и возвратился в Трапани, чтобы сразу же сообщить его комиссару Каттани.

— Послушай, что мне удалось для тебя сделать, — возбужденно начал Каннито. — Я сумел уговорить адвоката Терразини взять на себя защиту в твоём деле.

Каттани остодбенел от изумления. Как? Он должен отдать себя в руки того, кого считает виновником похищения своей дочери?

— Но ведь это чудовишно, — запротестовал он.

— Успокойся, успокойся, мой мальчик, — стал уговаривать его Каннито. — Как только могла тебе прийти в голову подобная невероятная мысль? Виновник похищения... Перестань, пожалуйста. Я понимаю твою горе, но постарайся рассуждать спокойно. Террази-

ни — одаренный адвокат, знает, с какого конца взяться за дело, и вытащит тебя в считанные дни.

Каттани принялся расхаживать взад-вперед, засунув руки в карманы. Вид у него был растерянный.

Тогда Каннито подошел к нему и преподавал небольшой урок житейской мудрости.

— Надо быть реалистом. Не всегда удастся повернуть дело в ту сторону, в какую хочется. Иногда обстоятельства складываются так, что человек вынужден пойти на компромисс.

— Но разве справедливо идти на такое унижение?

Каннито помахал рукой.

— Ох, пожалуйста, только без громких слов! Справедливо ли это? Унизительно? Нет, ситуацию нужно рассматривать совсем в другой плоскости. Скажем лучше так: иногда жизнь требует от нас большей гибкости. И если ты вынужден пойти на компромисс, то не надо делать из этого трагедии. Помнишь? Ведь мне самому тоже пришлось испытать поражение. Меня сожрали. А потом, мало-помалу, постепенно, и вот я вновь в седле. Думаешь, мне было легко, не обидно? И кроме того, дорогой мой, закон жизни таков: либо ты идешь на то, чтобы чуточку испачкать руки — ну самую малость, ровно столько, сколько необходимо, — либо выбывай из игры, стиги!

Каттани резко повернулся и оказался с Каннито лицом к лицу, тот ему ободряюще улыбнулся и подмигнул, словно говоря: «Да не будь ты таким простаком!» До того Каттани всегда видел его в официальной обстановке. Даже когда они оставались наедине, при личных встречах, Каннито держал его на некотором расстоянии. Поэтому Каннито казался ему неистощимым каким-то суперменом.

Сейчас впервые перед Каттани раскрылась подлинная сущность этого человека. Суетная и ничтожная.

Каттани сознавал, что это его последний шанс. Если он откажется, ему не выйти из тюрьмы живым.

— А вы доверяете Терразини? — спросил он.

— В данном случае полностью, — заверил Каннито. Потом, понизив голос, прошептал ему на ухо: — Он нам нужен. Вот что главное. Ох, но тебе, конечно, придется позабыть об этой истории с Бордонаро и обо всем остальном.

У шефа отдела «Зет» сверкали глаза. Он протянул Каттани руку и закончил:

Ну так как, согласен? Каттани с усилием подавил чувство тошноты. По-смотрел на протянутую руку и пожал ее.
— Согласен, — сказа он.
Каннито обнял его.
— Как только выйдешь, приезжай ко мне в Рим.
Я буду тебя ждать.

* * *

На следующее же утро Терразини отправился в тюрьму. Первым желанием Каттани было бросить-ся на него и схватить за горло. Он не в силах был ото-рвать взгляда от его шеи — тонкой и подвижной, как у змеи.

Но, сжав в карманах кулаки, удалось овладеть собой. В ответ на слащавую улыбку адвоката он тоже улыбнулся и протянул ему руку. Терразини преспокой-но уселся на тот же стул, на котором накануне сидел Каннито. Сложил губы трубочкой, словно желая со-средоточиться, и проговорил:

— Один наш общий знакомый горячо просил меня быть вашим защитником. Так вот — мы достаточно хорошо знаем друг друга, я знаю, каким ревностным вы были полицейским, и не верю, что вы могли совершить приписываемое вам преступление. Поэтому я готов за-щитить вас в суде. Разумеется, если вы на это со-гласны.

— Я не в том положении, чтобы отказываться, — спокойно ответил Каттани.

— Тем лучше. Нам будет легче поладить.
Терразини извлек из своего объемистого кожаного портфеля со множеством отделений блокнот и что-то в нем записал серебряным «паркером». Потом поднял глаза на Каттани.

— Слушайте меня внимательно, — проговорил он. — Вы очень хорошо сделали, что согласились взять меня в защитники. Потому что я не только убежден, что вы не убивали Раванузу, но и располагаю доказательствами вашей невиновности.

Каттани наморщил лоб. Он не был уверен, что правильно понял. И Терразини, заметив его удивление, повторил:

— Да, да, располагаю доказательствами. Итак, по-

смотрим, все ли у нас совпадает. Как мне говорили, вы утверждаете, что застали Раванузу уже мертвым.

— Именно так.

— Хорошо. И что на вилле никого больше не было. Другими словами, что никто не видел, как вы вошли.

— Да, так.

Терразини покачал головой.

— Нет, не так. Вот здесь вы заблуждаетесь. Мне известно, что камердинер Раванузы выходил из дому и отсутствовал примерно полчаса. И он утверждает, что, когда возвратился, коммендаторе был уже мертв. Сам он настолько испугался, что опрометью бросился прочь.

Каттани облизал пересохшие губы. Он ожидал продолжения, и Терразини не заставил его ждать.

— Выбегав на улицу, — продолжал Терразини, — он увидел подъехавшее такси, из которого выходили вы.

Суший дьявол, подумал Каттани. Все сделал сам. Сперва завлек его в западню при помощи телефонного звонка этого слуги. А теперь спасает, используя того же человека. Взгляд комиссара вновь остановился на гор-ле Терразини. Да, настоящая змея. И выпуклые непод-вижные глаза тоже змеиные.

Адвокат между тем продолжал:

— Вот видите, как порой все бывает просто? Чело-век даже не знает, не может предположить, что выхо-дит из тупика есть. Но нужно совсем немного. Достаточ-но лишь правильно подобрать ключик. Поэтому обо-дритесь, дорогой комиссар. Мы покончим с этим делом в самое короткое время.

Достав из портфеля листок бумаги, он протянул его Каттани.

— Вот тут, пожалуйста, поставьте вашу подпись. Таким образом вы официально даете мне поручение вас защищать.

Выбор им Терразини своим защитником не только давал надежду вырваться из тюрьмы, но и резко изменил отношение к нему со стороны заключенных.

Теперь, когда его взял под свое крылышко Террази-ни, никто не осмеливался над ним издеваться. Во время прогулок во дворе его хором звали погонять вместе мяч.

— Идите к нам, доктор Каттани. Разомнитесь не-много! Мы знаем, что вы здорово играете в футбол.

Кто-то дал ему длинный пас. Хотя и с неохотой, он сделал несколько шагов и ударил по мячу.

«Качусь все ниже и ниже, — подумал он. — А удастся ли мне выкарабкаться из этой пропасти?»

* * *

Камердинер Раванузы явился к судье и подтвердил, что Каттани никак не мог быть убийцей банкира. Он сказал, что видел собственными глазами, как комиссар входил в виллу, когда коммендаторе Равануза был уже мертв.

Не глядя ему в лицо, судья спросил камердинера, почему же он только теперь решил дать свидетельские показания в пользу Каттани.

— Да я не знал, что он арестован, — с ангельским спокойствием отвечал тот. — А как только прослышал, сразу же поспешил заявить о том, что видел. — Он поправил брови кончиком пальца и философски изрек: — Правда всегда восторжествует!

Судья приказал немедленно освободить Каттани. Терразини хотел отпраздновать это событие и велел принести бутылку шампанского.

— Я глубоко удовлетворен, — сказал адвокат. Он, казалось, был действительно взволнован.

Каттани допил свой бокал шампанского. Почесал в затылке и сказал:

— Адвокат, нам нужно поговорить о вашем гонимом.

— Ну что вы! — возразил Терразини. — Даже не думайте об этом. Обыкновенная любезность.

Каттани с тяжелым вздохом проговорил:

— Я предпочел бы оплатить этот счет деньгами.

— Не наставляйте, прошу вас, — произнес Терразини, делая вид, что не понял намека. — Ведь я могу это воспринять как нежелание с вашей стороны оказать любезность в свою очередь. — И перешел на тот язык, который и боялся услышать Каттани. — А когда один из друзей не хочет оказать любезность другому — это дело серьезное!

Что такое дружба, Терразини понимал весьма своеобразно. И сейчас это пояснил...

— Кстати, насчет дружбы. Вот возьмем, к примеру, того парня, слугу, который вас выгородил. Его услугу нельзя оплатить деньгами, у нее нет цены. Да,

кроме того, если бы я предложил какую-то сумму, он обиделся бы. Ему достаточно быть уверенным, что в случае необходимости я буду готов ради него разбиться в лепешку. И он, со своей стороны, тоже. Дружба, дорогой Каттани, это своего рода гарантия, взаимная помощь.

— Понимаю. Но что могу сделать для вас я?

— Если когда-нибудь мне что-то понадобится, — усмехнулся Терразини, — надеюсь, вы меня вспомните. Только и всего.

«Только и всего». Каттани прекрасно понимал, что подразумевает Терразини под словом «понадобится». Ему нужны киллеры, продажные полицейские, сообщники. Он чувствовал, как мороз по коже подирает.

— Ну, так куда же вы теперь решили отправиться? — спросил адвокат.

— В Рим. И там останусь надолго.

— У вас есть в виду что-то конкретное?

— Да, договоренность с его превосходительством Каннино.

— Это с вашей стороны очень мудрый шаг, — с одобрением сказал Терразини. — В столице свидимся. Иногда приходится там бывать. Дела, ничего не понишь.

Каттани все медлил и не прощался. Наконец, словно решившись вырвать больной зуб, проговорил:

— Ответьте на один мучающий меня вопрос. Слуга, который явился к судье, это тот самый, что звонил мне и приглашал приехать к Раванузе?

— Доктор Каттани, — с ласковым упреком отвечал адвокат, — вы никак не можете избавиться от своего порока. Все-то вам надо знать, понимать. Вы любопытны. Слишком любопытны.

— Да, это мой недостаток, — признал Каттани.

— Очень серьезный недостаток, — сказал, прищурившись, Терразини. — А недостатки могут быть неприятны другим. Не все склонны их прощать.

Вот змея! Настоящая змея! Неизменно такой мягкий, любезный и готовый каждую минуту внезапно ужалить.

* * *

Прежде чем уехать из города, Каттани отправился попрощаться с графиней Камистрой.

— Пожалуйста, сюда, — показала женщина дорогу. Она шагала быстро, топая как солдат. Отодвинула занавеску, за которой оказалась небольшая дверка. Отворила ее, пропустила Каттани и закрыла за ним эту дверку.

Тут был склад стиральных машин, холодильников, телевизоров. Ящики и коробки сложены в несколько этажей и выстроены ровными рядами, которые разделяют узенькие проходы. Из одного прохода и появился внезапно Ферретти.

— С чего это вы вдруг решились? — спросил он. Каттани подошел к нему, руки в карманах.

— Когда я пожал руку Канинито, — ответил он, — во мне все перевернулось. Я понял, что становлюсь сообщником убийц моей дочери.

— И это побудило вас принять мое предложение?

— Да, — хмуро ответил Каттани. — Моя цель — раздавить их. И мне кажется, она совпадет с вашей.

— Эти люди, способны на все, — заметил Ферретти.

Каттани вынул одну руку из кармана и оперся на холодильник.

— Дело обстоит куда более серьезно, чем вы себе представляете.

— Что вы хотите сказать?

— Канинито через Терразини напрямую связан с мафией.

Ферретти недоверчиво взглянул на него.

— Вы уверены в том, что говорите?

Каттани зло ухмыльнулся.

— Уверен ли? Вот, перед вами живое доказательство: мне удалось сохранить жизнь лишь благодаря преступным связям, существующим между этими двумя мафиозо.

ВИЛЛА НА СТАРОЙ АППИЕВОЙ ДОРОГЕ

В три часа дня он постучал в выкрашенную красной краской дверь небольшого домика с островерхой крышей. На пороге появилась Эльзе.

Красивая, лицо у нее стало как-то мягче, добрее. Когда увидела Коррадо, первым ее побуждением было хлопнуть дверь. Но она сказала:

— Входи.

Каттани очутился в крохотной гостиной с двумя

креслами, столиком и телевизором. В углу втиснулся маленький камин.

— Значит, ты не поехала жить к родителям. — Это был скорее не вопрос, а лишь констатация.

— Нет, — сказала Эльзе. — Предпочла устроиться здесь и жить одна. Тетка сдала мне этот домик.

Извинившись, она на минутку вышла. Поставила на кухне на плиту чайник. Приготовила на подносе две чашки. Сколько сахара он клал в чай? Да, две ложечки. Отрезала ломтик лимона потолще, потому что он любил в чашке выдавливать ложечкой сок. Ему нравилось, когда острый запах лимона смешивается с ароматом свежесваренного чая. Она же больше любила чай с молоком.

Эльзе чувствовала, что нервничает. Ей показалось, что край подноса чем-то запачкан. Обтерла его тряпкой. Потом достала из навесного шкафчика несколько коробок с печеньем. Какое он любил? Ах да, вот это с шоколадом, оно ему наверняка понравится. Краем глаза пыталась увидеть, что он там делает в ее отсутствие. Увидела, что он поднялся с кресла и рассматривает висящие на стене картинки.

— Вот и я, — проговорила она, входя с подносом. Они сели за чай.

— Попробуй печенье, — посоветовала Эльзе.

Съев одно, Коррадо отозвался:

— Замечательно вкусное.

Последовала продолжительная пауза. Казалось, им нечего больше друг другу сказать. Тогда Эльзе, чтобы нарушить неловкое молчание, проговорила:

— Знаешь, я нашла работу в библиотеке. А ты как живешь?

— Мне придется вернуться на службу, в Рим. Но точно еще ничего не известно.

Эльзе сделала последний глоток и отставила чашку.

— Зачем ты приехал?

— Привез тебе кое-какие вещи. Можешь взять их в камеру хранения на вокзале. Там еще одежда и игрушки Паолы. Я подумал, что они должны храниться у тебя.

— Спасибо.

Он съел еще одно печенье.

— Это французское печенье в самом деле потрясающее, — похвалил Коррадо.

— Я тебе дам с собой пару коробочек — заботливо сказала Эльзе.

— Это будет с твоей стороны очень мило! — Потом, в ожидании твоего ответа, спросил: — Можешь оказать мне еще одну услугу?

— Ну, конечно.

— Отвези меня на кладбище. Я хочу навестить нашу девочку.

Эльзе посадила его в свою машину. Они проехали по улице, по обе стороны которой выселись небольшие виллы с островерхими крышами. Французский городок в этот время года особенно красив. Вид его оживляли разбросанные повсюду маленькие яркие клумбы в вазонах с цветами.

У могилы Паолы Каттани опустился на колени. Девочка смотрела на него с фотографии на надгробии — веселое личико, светящиеся радостью глаза.

Эльзе принесла букет живых цветов и, кладя его вместо завянувшего, слышала, как муж еле слышно шепчет:

— Маленькая моя! Как подолгу я оставлял тебя одну, когда был тебе так нужен. А теперь я нуждаюсь в тебе, должен чувствовать, что ты всегда со мной рядом...

* * *

На древнюю Аппиеву дорогу выходят ворота прячущихся в густой зелени величественных вилл. Там правит свой пышный бал современный Рим. Легенда гласит, что именно здесь около двух тысяч лет назад Иисус Христос повстречал спасавшегося бегством Петра. Дрожа от страха, апостол его спросил: «Камо грядеши, Господи?..»

Однажды жарким июньским утром, как раз в этих местах, в распахнувшиеся ворота одной из вилл въехал металлизированный «мерседес». По аллее, меж двумя рядами пиний, он проследовал до виллы ярко-кирпичного цвета.

Справа от дома был бассейн. В нем плескались две девушки, а третья сидела на борту, небрежно откинув головку.

Из «мерседеса» вышли Каннито, Терразини и Лаудео. Одновременно распахнулась дверь виллы и на пороге показался хозяин дома.

— Дорогие мои! — радостно приветствовал он их, размахивая короткими ручками.

У него была огромная лысая голова. По сравнению с ней тело с выпирающим брюшком казалось маленьким. Ходил он весь напыжвшись, держась словно аршин проглотил, по-видимому, чтобы казаться выше ростом. И непрерывно двигал руками, словно ему жал его легкий пиджак из чистого льна.

Терразини заключил его в объятия.

— Доктор Сорби, — проговорил он, — как я рад вас видеть!

Они вошли в дом. В гостиной Сорби жестом указал на мягкие кожаные кресла. Из бассейна доносило веселое шепетание девушек.

Сорби вышел на порог и призвал их к порядку:

— Тише вы! Дадите вы спокойно поговорить?

— Слушаемся, папочка! — хором отвечали девушки и разразились смехом.

Папочкой они называли его в шутку, но когда он оставался с ними без посторонних, Сорби принимал профессорский вид и объяснял им, что в этом скрыт потаенный смысл. Раз они называют его папой, утверждал Сорби, значит, действительно видят в нем отца.

Шум стих, и четверо мужчин принялись спокойно обсуждать свои дела.

— Могу вам сообщить, — начал Терразини, — что наш друг Карризи скоро прибудет из Америки. Он едет лично изложить нам свои планы. Но сразу же вам скажу, что он предполагает вложить в Италии крупные капиталы.

Лаудео обратился к Сорби:

— Как могут быть осуществлены эти капиталовложения?

Сорби прочистил горло. Когда он говорил о деньгах, то странно кривил рот, шевеля только одной его стороной, а другая оставалась неподвижной, словно в параличе.

— Деньги, — разъяснил он, — поступят из Соединенных Штатов в Швейцарию. Они будут переведены в банки, находящиеся под моим контролем. Затем через мой банк они попадут в Италию.

Лаудео, полагая, что в таком тесном кругу можно полностью раскрыть карты, сказал:

— Таким образом, круг замкнется. Я хочу ска-

ты, что деньги, покинувшие Италию, в нее вновь
звернутся. — Он взмахнул рукой. — Отмытыми!
Но Сорби покорила столь грубая манера вы-
жаться.

— Ну что вы, что вы, — возразил он. И нашел
более благопристойную формулировку: — Речь идет об
иностранном капитале, накопленном посредством по-
ложительных форм сбережения. Они будут вложены в наш
национальный рынок с самыми радужными перспекти-
вами.

— Нашего друга Карризи, — уточнил Террази-
ни, — интересует главным образом электронная про-
мышленность, поскольку ее продукция имеет широ-
кое применение в военной сфере. Он хочет создать
постоянный канал, чтобы выйти на ближневосточный
рынок стратегических материалов.

— И что же ему для начала нужно? — перебил
Лаудео.

Сорби откинул назад свой огромный сверкающий
серп и перечислил:

— Он хочет получить земельные участки на вы-
годных условиях, льготные кредиты и политическое
прикрытие. Я бы даже сказал: прежде всего — поли-
тическое прикрытие. Оно необходимо, чтобы преодо-
леть бюрократические барьеры, вы меня понимаете.

— Конечно, — отозвался Терразини. — У нашего
друга Карризи типично американское мышление, поэто-
му он и привык все делать быстро. Любая проволочка
его буквально выводит из себя.

— Учитывая занимаемое мной положение, — ска-
зал глава отдела «Зет», — я был бы рад познакомиться
с мистером Карризи, когда он прибудет в Италию,
в частности обетановке.

Лаудео вызвался подготовить ему триумфальный
прием.

— Если он пожелает статьи в газетах, интервью, тут
нет никаких проблем. Журналисты работают на нас.

Сорби не раскрыл даже той половины рта, которой
обычно разговаривал. Лишь сделал гримасу, выражаю-
щую крайнее отвращение, — ею он желал сказать, что
его тошнит от шумихи.

Терразини, уловив смысл гримасы Сорби, возра-
зил профессору Лаудео:

— Мистер Карризи против всякой рекламы.

— Однако, когда наступает время, — уточнил Со-

рби, — необходимо будет мобилизовать печать: мы дол-
жны подать наш проект в выгодном свете.

Глаза у Лаудео сверкали. Наконец-то найдется ра-
бота для прессы, контролируемой его Ассоциацией.
С оттенком гордости он заявил:

— У нас в руках самые авторитетные органы печати.

Метрах в двухстах от виллы, где происходило со-
шествие, кто-то притаился в кустах. С вершины холма,
где он расположился, ему было видно все как на ладо-
ни. Это был молодой, энергичного вида парень, который
не спускал глаз со входа в виллу. Увидев четырех
выходящих из дверей мужчин, он тотчас направил на
них длинный телеобъектив и начал одну за другой
щелкать фотографии.

* * *

Когда им нужно было поговорить, Каттани и Фер-
ретти пользовались условным сигналом. Их встречи
происходили на складе электромагазина. На этот раз
Ферретти вызвал его, чтобы узнать, выполнил ли Кан-
нино свое обещание взять Каттани в свой отдел.

— С тех пор от него ни слуху ни духу, — сказал
комиссар.

— Странно.

— Что вы мне советуете? Позвонить ему?

— Нет, — покачал головой Ферретти. — Это его мо-
жет насторожить. — И, помолчав немного, пояснил
свою мысль: — Он гораздо более недоверчив и подо-
зрителен, чем вы думаете. Полагаю, он ожидает с ва-
шей стороны какого-нибудь поступка. Чего-то очень
убедительного, слов ему недостаточно. Ему нужно до-
казательство, что вы действительно перешли на его
сторону.

Каттани подсказал:

— Какой-то мой шаг, который был бы ему выго-
ден...

— Вот-вот, — кивнул Ферретти.

— Я знаю, что надо сделать, — сказал Каттани.

* * *

На следующий день он вернулся в Трапани. В этом
древнем приморском городе овладевал он утонченным
искусством лгать, выдавать выдумку, обман за действи-

тельность. Теперь он туда возвратился, чтобы продемонстрировать на деле, насколько высокого уровня в этом достиг.

Он отправился в кабинет к судье, который когда-то велел взять его под стражу. Тот выглядел еще более сгорбившимся из-за своей манеры не смотреть людям в лицо, еще более измученным своим тиком.

— Значит, — сказал судья, — вы хотели бы дать новые показания.

Каттани удобнее устроился на стуле.

— Видите ли, — стал объяснять он, — когда я рассказывал кое о чем доктору Бордонаро, я был не совсем в себе. Вы понимаете, у меня похитили и изнасиловали дочь. Я не соображал, что говорю. Теперь, когда я немного успокоился, я должен признаться, что некоторые мои утверждения не совсем соответствовали истине.

Методически поглаживая наполовину облысевший череп, судья окинул взглядом лежащие на столе предметы, словно искал у них помощи. Потом, издав какой-то пронзительный звук, проговорил:

— Хорошо. Вы — честный слуга закона.

— Я счел своим долгом, — продолжал Каттани, — явиться и внести поправки в некоторые показания, содержащиеся в протоколе того допроса, потому что они затрагивают уважаемых людей. Нельзя, чтобы их имена были несправедливо запятнаны.

— Так, так, — повторял судья, перелистывая старый протокол допроса Каттани. — Вот: здесь, например, вы говорите, что его превосходительство Каннито пытался всячески помешать проводимому вами расследованию, когда вы возглавляли оперативно-следственный отдел. Это правда? Вы это подтверждаете?

Каттани отрицательно покачал головой.

— Нет. Это именно одно из тех мест, что я хотел бы исправить. Положа руку на сердце, я могу заявить, что его превосходительство Каннито неизменно подгонял меня продолжать расследование невзирая на лица.

— Так, так, — отозвался судья, в котором постепенно просыпался интерес к тому, что говорил Каттани. — Посмотрим, что вы утверждали насчет адвоката Терразини. Вы сказали, что он замешан в темных делишках. Мало того. Вы даже считали, что именно по его наущению была похищена ваша дочь.

Судья сделал паузу, словно глубокое изумление

мешает ему продолжать. Сцепив пальцы и качая ими перед собой, наконец он вымолвил:

— Каттани! Назвать Терразини виновником похищения вашей дочери! Да сознаете ли вы, что говорите? Ведь вы Терразини должны воздвигнуть памятник из чистого золота. Если бы не он, вы до сих пор сидели бы за решеткой!

Каттани изобразил на лице раскаяние.

— Вы совершенно правы, — со вздохом признал он. — Я действительно намеревался исправить и это место. В самом деле, как глупо было с моей стороны впутывать в это дело такого порядочного человека, как Терразини...

— Следовательно, вы исключаете, — продолжал судья, — что доктор Бордонаро мог быть убит в связи с тем, что вел расследование сообщенных вами обстоятельств?

— Полностью исключено.

— Теперь скажите вот что: перед своей поездкой в Рим доктор Бордонаро не разговаривал ли случайно с вами? Не сообщал ли вам что-нибудь относительно своих планов?

— Нет, я с ним не разговаривал, и он мне абсолютно ничего не сообщал.

* * *

Дав показания, Каттани вернулся в гостиницу. Там ему передали, что звонила графиня Камастра.

Он набрал ее номер.

— В этот город просто невозможно приехать никог- нито!

— Мог бы предупредить меня о своем приезде, — упрекнула его Ольга. — Приходится узнавать о твоих перемещениях от других.

— Я бы тебе позвонил.

— Кто знает, когда...

— Ну хватит, перестань дуться, — сказал Каттани. И совсем другим тоном прошептал в трубку: — Я хочу тебя видеть!

Ольга заехала за ним на машине в гостиницу. Они направились в сторону, противоположную центру, и в несколько минут город остался у них за спиной. Она села машину по узкой и извилистой дороге. Вид у нее был сияющий.

Также и Каттани выглядел довольным. Он расслабился, с облегчением вздохнул.

— После стольких месяцев постоянного напряжения, — проговорил комиссар, — я впервые ощущаю внутри себя мир и покой. Пусть хотя бы ненадолго.

— И я могу сказать про себя то же самое, — проормотала Ольга. Она вела машину быстро и уверенно, и дело кидала на него взгляд и улыбалась.

Она была счастлива. Для нее сейчас во всем мире существовали только они двое. Она мчалась, точно ее подгонял ветер, оставляя позади другие машины. Он протянул руку, и она схватила, сжала ее.

— Куда ты меня везешь? — спросил Каттани.

— Это сюрприз!

После более чем часа пути машина наконец остановилась. Они находились среди выжженных солнцем полей, на вершине холма. Вдалеке виднелся узкий морской залив, багровый в лучах заходящего солнца.

— Это мой маленький рай, — сказала Ольга. — Я здесь родилась.

Но дом был не от тех времен. Ольга его расширила, заново перестроила, отделила внутри.

— Идем, — позвала она. И повела к большому рожковому дереву. Темному, с коротким толстым стволом, мощными ветвями. — Это было мое любимое дерево, — сказала она. — Девочкой я карабкалась на него, садилась верхом на этот сук и смотрела на далекое море.

Ольга притянула к себе голову Коррадо и поцеловала его. Крепко обняв, она не отрывала глаз от его лица.

— Я тысячи раз мечтала вот так тебя обнять. Но ты от меня бежал, избегал меня.

Все так же обнявшись, они вошли в спальню. Потом, приложив палец к губам, она прошептала:

— Теперь лежи спокойно и минутку подожди. Я принесу тебе ужин в постель.

Она захватила в машину переносной холодильник, полный всяких деликатесов. Они закусили хрустящими палочками с красной рыбой, икрой и пирожными. И пили шампанское.

— За наше счастье, — провозгласила Ольга. Глаза у нее зажглись каким-то новым светом.

— За нас!

Она унесла тарелки, решительно отвергнув предложение Каттани помочь ей.

— Нет, нет, не вставай!

Она была рада поухаживать за любимым человеком. Счастлива, что наконец-то и она тоже может быть такой, как все женщины ее родного острова.

Вернувшись в постель, она свернулась рядом с ним калачиком и сказала:

— Я знаю, зачем ты приехал.

— Кто тебе об этом сказал? Терразини?

— Да.

— Ох, видно, у этого судьи к нему прямой провод!

Ольга ласково его поддразнила:

— Ты никак не можешь понять и смириться. У нас, на Сицилии, все по-другому, жизнь тут идет на особый манер. Запомни это хорошенько.

— Уверю тебя, что не только здесь. Зараза распространяется, и теперь микробы можно обнаружить и на материке.

— Во всяком случае, — добавила Ольга, — после того, что ты сделал, все тобою довольны.

— А ты?

— Я? Меня все это не интересует.

Она повернулась к нему и нежно погладила по волосам.

АМЕРИКАНЕЦ

На уик-энд Каттани был приглашен в загородный дом Каннито. Они выехали из Рима на синем автомобиле, который вел шофер. Достигли умбрийских холмов, окружающих Перуджу. Поднялись по крутой, узкой дороге и остановились у виллы эпохи Возрождения, высшейся над зеленой долиной.

Шофер выскочил из машины и бросился открывать дверь шефу. Каттани был поражен открывшейся перед ним панорамой. Внизу раскинулась долина, которую перерезала извилистая лента реки. Вокруг, по вершинам холмов, лепились селения и древние замки.

Каттани вздохнул полной грудью.

— Какая красота! — воскликнул он.

— Я провожу здесь все субботы и воскресенья, — сказал Каннито. — Но признаюсь тебе: если бы мне пришлось оставаться здесь дольше, я сдох бы от скуки.

Из виллы вышла миниатюрная, изящная дама с седыми волосами, в скромном, но нарядном платье. Она

бняла Каннито, а потом, обращаясь к Каттани, сказала: — Коррадо, я очень рада вам. Сколько лет мы не виделись! Но знаете, я вас не забывала.

Женщина погладила Каннито по щеке. Он нежно обвил рукой ее плечи. Сейчас, рядом с женой, такого довольного и умиротворенного главу отдела «Зет» было совсем не узнать. Просто трогательно смотреть, как он ласков с женой.

— Я тоже счастлив вновь свидеться с вами, синьора. Я залюбовался вашим раем.

— Не правдо ли, красиво? Такой мир и покой. Здесь я чувствую, что принадлежу самой себе. В Риме я просто не могла больше выдержать — этот шум, хаос на улицах.

— Вы живете здесь круглый год? — спросил Каттани.

В разговор вмешался Каннито:

— Да, она меня бросила. Когда я хочу над ней посмеяться, то говорю, что она стала отшельницей.

Синьора Каннито усмехнулась:

— Ох, он вечно шутит. Дело в том, что мой муж занят с утра до ночи. Стало проблемой залучить его домой к ужину. Тогда я сказала: давай сделаем так — я уеду жить сюда, а ты приезжай на субботу и воскресенье. По крайней мере, два дня в неделю я могу его видеть.

Вдруг она нахмурилась. Взяв Каттани под руку, проговорила вполголоса:

— Я слышала о постигшем вас горе. Несчастная девочка! Поверьте, узнав об этом, я плакала как о собственной дочери. А как себя чувствует Эльзе? Бедная женщина!

— Постепенно приходит в себя.

— Передайте ей от меня самый горячий привет, — сказала синьора. Потом по-матерински взяла руку Каттани в обе ладони и добавила: — Скажите моему мужу и вы тоже, чтобы он не слишком надрывался на работе. Италия обойдется и без его подангов.

— Эх, кто знает, дорогая моя, может быть, и не обойдется, — сказал Каннито, вновь обнимая жену. — Во всяком случае, теперь рядом со мной всегда будет Коррадо... Он будет работать в моем секретариате.

— Правда? — с радостью приняв это известие, она обратилась к Каттани. — Себастьяно нуждается в пре-

данных друзьях. Я знаю его окружение. Люди, которым нельзя доверять, они мне не нравятся. За исключением его заместителя — Ферретти. Вот это порядочный человек... Но скажите, когда же вы приступаете к работе?

Вопрос застал врасплох, и Каттани не знал, что ответить.

— Сказать по правде... — начал он.

Его прервал Каннито:

— Он и в самом деле еще не знает. Мне хотелось сделать ему сюрприз. — Положив руку на плечо жены, он спросил: — Ну так что же ты приготовила, чтобы отпраздновать возвращение блудного сына?

Женщина легкими шагами вышла из комнаты.

— Это необыкновенный человек, — проговорил Каннито, кивнув вслед жене. — Она украсила всю мою жизнь. — Он издал глубокий вздох и спросил совсем другим тоном: — Ну так как — хочешь со мной работать или нет?

Каттани ответил сдержанно:

— Не знаю, привыкну ли я к работе за письменным столом.

— Тебе полезно немножко отсидеться в спокойном месте после всего, что случилось.

Синьора возвратилась с бутылкой красного вина и бокалами. Поднеся к губам бокал, Каттани увидел лицо Каннито сквозь грани хрусталя. Он был чудовищно уродлив — с огромной, круглой, как шар, головой и длинными, как клыки хищного зверя, зубами.

* * *

Американец прилетел в полдень. Сорби и Терраззини отправились его встречать в аэропорт Фьюмичино. Даже не поздоровавшись с ними, он сразу же начал жаловаться:

— Какое безобразие! — Он сделал брезгливую гримасу. — Полчаса на проверку паспорта! А когда я пошел отлить в туалет, то там было отвратительно грязно.

Ростом он был невысок, но сложен пропорционально. Выглядел лет на пятьдесят. Лицо круглое, жесткий, быстрый взгляд темных глаз выдавал грубый, нетерпеливый нрав. Шел он уверенным шагом, ни на кого не глядя, и перед ним невольно все почтительно расступалось.

— А ваш багаж, мистер Карризи? — заботливо спросил Сорби.

— Я вожу с собой только этот «дипломат». Никаких чемоданов! Куплю все необходимое в Риме. Таким образом, вернусь в Америку с костюмами «мэйд ин Итали». Правильно?

Сорби одобительно засмеялся. Сунув руку во внутренний карман пиджака, он извлек пачку банкнот. И, протянув Карризи, сказал:

— Это вам пригодится на расходы в Италии. Американец, не моргнув глазом, опустил деньги в карман.

— О'кэй! — промычал он. Потом, обратясь к Терразини, спросил: — А где же твои друзья?

— Мы их созовем, как только захочешь их видеть. Терразини почтительно улыбался. Карризи был первый, к кому он проявлял некоторое уважение.

В зале аэровокзала среди беспорядочной толчеи показалась сразу привлекающая к себе внимание изящная, исполненная достоинства женщина.

— Ах, вот и наша графиня! — объявил Терразини. Ольга уверенно направилась к ним. Она слегка запыхалась. Откинув чуть назад голову, она сказала:

— Прошу прощения за маленькое опоздание. В Риме такое адское движение!

Карризи, рассеянно взглянув на нее, спросил:

— А это кто такая?

— То есть как это — кто я? — слегка обиженно ответила Ольга. — Я — графиня Камастра. И если хотите знать, чем занимаюсь, то могу вам сообщить, что я владелица строительной фирмы.

— Ха-ха-ха! — разразился смехом Карризи. — Что же это делается, Терразини? Теперь ты работаешь с бабами? Ох, пресвятая мадонна!

— Да, — подмигнул Терразини. — Но это особый случай. Она заткнет за пояс любого мужчину.

Ольга пристально посмотрела в глаза Карризи, выдержав его взгляд.

— Мистер Карризи, — сказала она, — надо шагать в ногу со временем. Ваше презрительное отношение к женщинам в деловых отношениях совершенно неуместно.

Карризи покачал головой, и на его волнистых, блестящих от бриллиантина волосах заиграли отсветы.

— О'кэй, о'кэй, — проговорил он с отчаянием чело-

века, на глазах у которого рушится привычный ему мир. — Значит, вы строите. Ну, если так, то будете ли строить для меня?

— Надеюсь, вы мне это доверите, — ответила Ольга на безукоризненном английском. — Поэтому я здесь.

— Черт возьми, — изумился Карризи, — да вы говорите по-английски лучше, чем я по-итальянски!

Лысая голова Сорби слегка дернулась. Признак того, что банкир собирается подать голос. И действительно он это сделал, предложив зайти в бар отпраздновать приезд мистера Карризи — выпить по бокалу шампанского.

Американец с удивлением вытаращился на него.

— Алкоголь? Днем я никогда не пью. И вообще не пью, когда обсуждаю дела.

Сорби смущенно улыбнулся.

— Мы, итальянцы, в таких вещах менее строги.

— Оно и видно, — ответил Карризи, обводя взглядом зал. — То-то у вас везде такой бардак!

Они отправились на виллу к Сорби.

Позже приехали также Лаудео и Каннито. Они сразу же высказали уйму опасений. Заявили, что создание предприятия такого рода, как хочет американец, может натолкнуться на бесконечные препятствия и встретить сильное сопротивление. Коммунисты наверняка поднимут целую бурю. Поэтому необходимо сначала обработать политических деятелей.

— Эй, эй, — взвился возмущенный американец. — Какого дьявола! При чем тут партии? Мы занимаемся бизнесом. Ради бога, оставьте в покое политику!

Сорби покачал огромной своей головой, скривил губы и после этого наконец половиной рта произнес:

— Разрешите заметить, мистер Карризи, что в операции такого масштаба никак нельзя игнорировать политические аспекты. Иначе мы можем оказаться перед лицом непреодолимых трудностей. Всегда найдется кто-нибудь, кто раздувает возмущение общественности, кто использует чувства народа для собственной выгоды.

— С нами же вы сможете быть совершенно спокойны, — вставил вкрадчивым голосом Лаудео. — Члены нашей Ассоциации внедрены повсюду и в силах убраться с дороги все, что нам может помешать.

Сорби еще более ласково продолжал утешать:

— Если вы — лучше присмотритесь к сложной

итальянской обстановке, то, несомненно, должным образом оцените наши предложения.

По лицу Карризи было видно, как его первоначальное удивление сменяется неприкрытым раздражением. Американец шелкнул серебряным портсигаром, покатав в толстых пальцах сигару, обрезал ее с одной стороны и сунул другой стороной в рот. Слова Лаудео и Сорби словно парили в воздухе, не доходя до его сознания. Он не желал их слышать, отталкивал от себя.

Черт бы побрал этих итальянцев! Он ненавидел пустую болтовню. Он привык иметь дело с людьми, с которыми приходишь к соглашению, обменявшись несколькими лаконичными фразами. В некоторых случаях чем меньше говоришь, тем лучше. А самое прекрасное, когда достаточно одного кивка, выражающего согласие.

Он зажег сигару золотой зажигалкой, украшенной платиновыми инициалами: Ф.М.К. По латиноамериканскому обычаю к своей фамилии он добавил еще и девичью фамилию матери.

Глубоко затянувшись и размахивая сигарой, он спросил:

— Ну и сколько же стоит эта ваша политическая поддержка?

Лаудео не привык к столь прямой и грубой манере разговора. Несколько шокированный, он обвел взглядом присутствующих и, собравшись с духом, ответил:

— Общая сумма отчислений, необходимых для обеспечения благополучного исхода операции, составила бы пятнадцать процентов.

— Ха! Черта с два! — вскричал американец.

Лаудео облизал губы с лисьей улыбкой.

— Однако, — проговорил он, — без нашей поддержки план обречен на неудачу.

— Да, увы, — подтвердил Сорби. — В Италии такая ситуация. Целый клубок различных интересов. И если какой-то проект не обеспечен должной поддержкой, он не пройдет. Заплатив пятнадцать процентов, вы можете быть спокойны. Получаете гарантию, что можете делать то, что хотите.

Они еще долго препирались. Карризи хватался за свою сигару, словно за дубину, которой ему хотелось бы стукнуть по башке этих велеглаголивых болтунов.

Он даже перестал понимать, кто именно из них говорит в этот момент. Кому принадлежит этот голос?

Он зажал сигару зубами, сунул в карман зажигалку и поднялся.

— Господа, мы еще с вами увидимся, — проговорил он и направился к выходу, оставив всех ошеломленными от неожиданности.

Наиболее обеспокоен был Сорби. От волнения у него даже дрожали руки. Схватив за плечо Терразини, он спросил:

— Что это значит?

Адвокат неопределенно развел руками.

— Хочет выиграть время. Посовещаться с друзьями в Нью-Йорке.

— Так это дело может длиться. — При одной этой мысли ноги у Сорби стали ватными.

— Может длиться, может длиться, — спокойно повторил Терразини. — Может географически переместиться. Это было бы досадно. Потерянное время. Напрасные поездки.

Когда они вышли во двор виллы, они снова попали в поле зрения парня, затаившегося на вершине холма. При помощи своего телеобъектива он вновь запечатлел на пленке всех участников этого совещания.

* * *

В одном сицилийском ресторане в Риме Терразини с Карризи ели лангустов.

— Эти твои друзья, — жаловался Карризи, — слишком жадны. Пятнадцать процентов! И, кроме того, они слишком наглы. Со мной такие номера не проходят. Нет! Терразини попытался смягчить обиду Карризи.

— Но это влиятельные люди. Ассоциация Лаудео весьма сильна. У нее везде связи.

Карризи высосал клешню лангуста.

— У нас в Америке такого не бывает. Все ясно и понятно. Как в универсаме: вот тут деньги, а тут товар. Без всяких фокусов. Поэтому я и начал новую жизнь в Америке. Я родился здесь, но мышление у меня американское.

Он взял бокал шампанского и осушил его до дна.

— Эти твои друзья скользкие, как угри. А я не ловлю угрей. Я занимаюсь бизнесом, как это вы говорите — делами.

— Да, — согласился с ним Терразини. — Тут у нас ко всему примешивается политика.

— А! — Карризи рубанул рукой по воздуху. — У нас и с политическим деятелем ты говоришь и открытую, республиканец или демократ, один черт.

— Так, значит, ты думаешь отказаться от этого вложения капитала?

— Если эти типы не перестанут морочить мне голову, то да. Мир велик, а доллары все хотят заполучить.

Терразини выдвинул другое предложение:

— А что, если мы все это обтяпаем между собой — между сицилийцами? Нам будет легче прийти к соглашению.

— Вот было бы здорово! — ответил Карризи. — И почему это Сицилия в конце войны не отделилась от Италии? Видишь ли, Терразини, я не хочу, чтобы надомной потешались от Детройта до Лас-Вегаса. Болтунов вокруг себя я не потеряю.

— Сицилийцы умеют молчать. Американец провел языком по зубам. И принял мгновенное решение:

— О'кей. Поговори с сицилийскими друзьями. Возьми все на себя.

— Не беспокойся, Фрэнк, — сказал Терразини, хлопав его по руке. — У нас, чтобы разрешить важный вопрос, необходимы три вещи: женщина, журналист, который пишет по твоему заказу всякие глупости в таблоидах, и свой человек в секретных органах.

— И у тебя есть все эти три вещи?

— А то как же? Конечно, есть.

ДВОЙНАЯ ИГРА

Портье в гостинице дал Каттани ключ от его номера. — Доктор, — проговорил он, — в баре вас ожидает один синьор.

Кто бы это мог быть? Заинтригованный, Каттани направился в бар и там обнаружил Терразини. Сидя в уголке, адвокат пил кофе.

— Извините за неожиданный визит, — сказал он. — Утром я пытался к вам дозвониться, но вас не было.

— Что-нибудь случилось? — спросил Каттани, обмениваясь с ним рукопожатием.

— Нет, нет, абсолютно ничего. Просто я пришел, чтобы поздравить вас.

— С чем же это?

Терразини открыл портфель. Извлек оттуда несколько листов и, помахав ими перед Каттани, сказал:

— Вот с этим. Это показания, которые вы дали судье в Тривани. Я высоко это ценю. Особенно потому, что вы поступили так по собственной инициативе. Настоящий дружеский жест!

«Ах ты, поганец», — подумал Каттани. И, усевшись напротив адвоката, сказал:

— Я счел это своим долгом после того, что вы для меня сделали.

— Н-да... — задумчиво отозвался Терразини. Он глядел на Каттани со странной улыбкой. — Иногда я себя спрашиваю, — сказал он, — чего может больше всего желать такой человек, как вы?

— К чему такие вопросы?

— Просто интересно, что вы ответите.

Терразини казался еще более скользким, чем всегда. Голову он склонил набок и слегка откинул назад. Он нес благоухал какими-то отвратительными духами.

— Ну что я могу сказать? — рассмеялся Каттани. — Поскольку я полицейский, то, наверно, должен желать стать начальником полиции.

Терразини по-прежнему бесстрастно смотрел на него.

— Не смейтесь. Такими вещами не шутят. Вы обладаете темпераментом и умом. Почему бы вам не стремиться занять такую должность? Необходимо лишь в нужный момент обратиться к нужным друзьям.

Каттани пытался понять, к чему он клонит. Какой тайный план вынашивает? Комиссар напряг внимание, весь напряжился. А Терразини продолжал то дружеским, то угрожающим тоном:

— Я, например, нужный вам друг. Нас с вами связывает договор о нерушимой дружбе. — Он на минутку умолк, изобразив краешком губ ледяную улыбку и показав при этом белоснежные зубы.

«Гиена», — подумал Каттани.

— Пока что не могу вам сказать больше, — продолжал Терразини, — но на Сицилии мне предстоит заняться некоторыми делами, касающимися также и вас.

Каттани подскочил от удивления.

— Также и меня?

— Разумеется. Но не волнуйтесь. Я хочу лишь знать, могу ли рассчитывать на ваше сотрудничество.

— Да, но, боюсь, вы меня переоцениваете. —
— Вы что, смеетесь надо мной? — Терразини по-прежнему говорил вполголоса, но слова его падали тяжело, как камни. — Чем вы сейчас занимаетесь? Я хочу сказать, в чем состоит ваша работа?

— Буду служить в секретариате у Каннито.
— Поздравляю вас. Это самое меньшее, что Каннито мог для вас сделать. Вот видите? А вы говорите, что я вас переоцениваю. Когда занимаешь такие должности, открывается немало возможностей быть полезным своим друзьям.

Каттани чувствовал себя точно рыба на крючке. И сделал попытку высвободиться.

— Но вы же и так очень близки к Каннито. Разве мог бы я сделать больше, чем он?

— Можете, можете. — Терразини чуть отодвинул от себя чашечку с кофе. — Каннито приходится думать слишком о многом. И он часто забывает то одно, то другое. А когда там есть такой человек, как вы... Вы меня понимаете?

Адвокат поднялся. Не слеза застегнул пиджак и, кивнув на кофе, улыбнулся.

— Вы за меня заплатите?
Уже уходя, он вдруг что-то вспомнил и, вернувшись, прошептал комиссару:

— Я вам скоро позвоню. Но вы ни звука не говорите Каннито о нашем разговоре. Ему ни к чему об этом знать.

* * *

Начальник отдела «Зет» Себастьяно Каннито, с гладко прилизанными, словно приклеенными к черепу блестящими волосами, подставил свою хищную физиономию лучам горячего римского солнца. Он полулежал в спокойном кресле на террасе, беседуя с Лаудео, и маленькими глоточками потягивал из стакана ледяное питье, пахнущее мятой.

— Меня несколько беспокоит поведение этого Карризи, — проговорил Каннито. — Он же должен понимать, что тут ему не Америка.

— Ничего, побушует и успокоится, — с надеждой сказал Лаудео. — Вот набьет себе шишек, тогда поймет, что к чему. Пусть поступает, как хочет. Когда

убедится, что у него нет другого выбора, сам приползет к нам на коленях.

— А если удерет от нас?

— Мы перекроем ему все ходы и выходы. Ему некуда деться. — Лаудео растопырил указательный и средний пальцы руки на манер буквы Э и, перевернув, уперся ими в подлокотник кресла. — Кавдинское ушелье! Вот где он у нас пройдет! *

И оба рассмеялись.

Появился слуга в белоснежной куртке и доложил о приходе Каттани.

— Кажется, мы с вами уже знакомы, — приветствовал его Лаудео.

— Да, мы встречались с вами довольно давно на Сицилии.

— Жаль, что потом больше не виделись, — сказал Лаудео. — Но теперь мы будем в постоянном контакте. — Он хлопнул Каттани по плечу и, оживившись, добавил: — Вы парень что надо. Я это сразу почувствовал, как только нас познакомили.

К ним подошел Каннито со стаканом в руке.

— Ну так как, — обратился он к Каттани, — ты отбросил свои сомнения?

— Пожалуй, да.

— Вот и славно! Значит, теперь ты наш. Когда хочешь приступить к работе? Со следующей недели? Сдадим, в понедельник?

— Как прикажете.

В этот момент раздался звонок входной двери. Каннито посмотрел на часы. «Пунктуален, как всегда», — проговорил он про себя. И, извинившись, ушел с террасы в комнаты, сказав, что сейчас вернется.

Лаудео, воспользовавшись его отсутствием, продолжал опутывать Каттани паутиной слезавой лести. Это был великий обольститель, наделенный каким-то таинственным магнетизмом. Он завораживал свой жертвы и, словно усыпня, хранил их, чтобы оживлять всякий раз, когда они смогут ему пригодиться.

* В Кавдинское ушелье во время второй самнитской войны (321 г. до н. э.) самниты нанесли сокрушительное поражение римским легионам и вынудили их прогнать «под ярмом», что означало полное подчинение побежденных. Отсюда выражение «пройти через Кавдинское ушелье», то есть подвергнуться крайнему унижению.

— Вам здорово повезло, — сказал он. — Работать у Канинито — это замечательный трамплин. Вы можете сделать потрясающую карьеру.

— Надеюсь, что обладаю для этого всеми необходимыми качествами, — попытался отшутиться Каттани.

— А я в этом несколько и не сомневаюсь, если Канинито вам доверяет, значит, эти качества у вас наверняка есть. Ум, сдержанность, преданность... Будем поддерживать контакт, мой дорогой.

Эти последние слова еще дошли до сознания Каттани. Перед его глазами разыгрывалась сцена столь удивительная, что у него перехватило дыхание. На террасу возвратился Канинито. Он шел, дружески обвив рукой плечи нового гостя: своего заместителя Ферретти!

Что за комедию они ломают? Каттани охватили ужас и отчаяние. Ферретти — человек, предложивший ему вместе бороться за разоблачение Канинито и его дружков, — теперь приходит к нему домой в гости и чуть ли с ним не целуется. А что, если в действительности союзники не он с Ферретти, а эти двое? Если они все заодно? Если все — единый, действующий с дьявольской хитростью механизм? И если это в самом деле так, то в этом нет ничего удивительного. Удивительно другое — что он, Каттани, оказался так слеп и не мог понять этого раньше.

— Проходи, проходи, Ферретти, — сказал Канинито. — Я хочу представить тебе Каттани, который со следующего понедельника приступит к работе в моем секретариате. — Потом, обратясь к Каттани, добавил: — А это — Ферретти. Такой же мой любимчик, как и ты.

Они обменялись рукопожатием. Ферретти лишь бросил на Каттани рассеянный взгляд, а тот несколько секунд пристально глядел на него, словно требуя какого-то немедленного объяснения.

Но Ферретти уже куда-то ускользнул, все с тем же непроницаемым видом, как всегда скромный, незаметный, что весьма помогало ему не привлекать к себе внимания окружающих.

Также и на работе Ферретти пользовался славой неуловимого, вечно ускользающего человека. Нередко его сотрудникам, когда он был нужен, приходилось за ним охотиться. Если кто-то видел, что он вошел в свой кабинет, то сразу же передавал эту весть остальным. У двери выстраивалась очередь. Но когда стоя-

щий первым стучался, оказывалось, что кабинет уже пуст. Так родилась легенда о маленьком вертолете, на котором Ферретти вылетает из окна...

Я хочу вам сообщить приятное известие.

Каттани стоял в двух шагах от них и прислушался. Лаудео продолжал:

— Ваше заявление о вступлении в Ассоциацию удовлетворено. Вы должны благодарить Канинито — он за вас полностью поручился. Теперь разрешите вас приветствовать так, как у нас принято.

Он трижды обнял Ферретти. Положив руки на плечи, они каждый раз касались друг друга щекой.

Каттани метнул на Ферретти взгляд, исполненный возмущения и презрения. А Канинито горячо аплодировал.

— Прекрасное приобретение, — сказал он Лаудео. — Ферретти — человек проницательнейшего ума! — Затем обратился к Каттани: — Бери пример с Ферретти, Коррадо. В нашей конторе он самый умный и самый надежный.

Каттани кивнул. И на мгновение прикрыл глаза от острой боли.

Он бродил без цели по улицам центра. Сцена, которой он был свидетелем — Ферретти, укрывшийся под крылышком у Канинито и Лаудео, — его ошеломила. Он чувствовал себя, как потерпевший кораблекрушение посреди бурного моря. Кому же еще можно верить? Все они стоят друг друга. Все насквозь лживы, коварны, многолики. Терразини, Канинито, Лаудео...

А теперь и этот Ферретти. Все они одного поля ягода.

Он вернулся в гостиницу и, как был, одетый, бросился на постель. Его отчаяние можно было сравнить с тем, что чувствует больной раком, которому сообщили, что дни его сочтены.

Встал. Взял чемодан и принялся укладывать вещи. Потом передумал. Пошагал назад-вперед по комнате, не зная, какое принять решение. Наконец схватил телефонную трубку и набрал номер Ферретти.

— Я хотел бы отложить нашу встречу в воскресенье, — сказал Каттани.

Ферретти не мог скрыть досады.

— Почему вдруг? — Он испугался, что Каттани передумал и отказывается от сотрудничества.

— Мне нужно уехать, — неопределенно ответил Каттани.

— В таком случае давайте встретимся раньше.

— Нет... Каттани замаялся. — Я думаю, в этом отпала необходимость.

— Как это понимать? Извините, а когда вы возвратитесь? Ведь в понедельник вы должны приступить к работе у Канинго.

Каттани сделал вид, что не расслышал последних слов.

Ферретти не на шутку встревожился.

— Что-нибудь произошло? — Но собеседник вновь промолчал. — Вы уверены, что вам не нужно мне что-то сообщить?

— Да, — ответил Каттани. — Я должен вам кое-что сказать. — Голос у него дрожал от гнева. — Что вы делаете, зачем вы вступаете в Ассоциацию Луадео? Вы сошли с ума? Или ведете двойную игру?

Ферретти отвечал еще тише, чем говорил до того. Почти шепотом он произнес:

— Нам нужно на минутку увидеться. Я должен вам объяснить...

— Это ни к чему.

— Нет, напротив, это очень важно. Мы с вами должны поговорить до вашего отъезда.

— Вы что, собираетесь задержать меня? Лучше не пытайтесь.

— Да вы понимаете, что говорите? Не забывайте, что против этих людей вы не найдете никакого другого союзника, кроме меня. Алло!

Но Каттани уже дал отбой.

Ферретти задумался. Складывалась новая ситуация, и в ней надо было разобраться. Он поднял трубку, нажал кнопку и произнес:

— Тоньолли, найдите ко мне, я хочу дать вам одно важное поручение.

* * *

Каттани услышал, как кто-то трижды легонько постучал к нему в дверь, и пошел открывать. В номер стремительно пошла Ольга. Вид у нее был радостно-возбужденный, глаза сверкали. Она нежно прижалась

спрятан голову у него на груди. Потом, не снимая рук с его плеч, спросила:

— Не ждал меня?

— Сказать по правде, нет. — Холодный тон Каттани звучал неприятным контрастом с ее радостным, взволнованным голосом. Ольга удивленно умолкла. Потом увидела раскрытый чемодан.

— Тебе надо уезжать? — спросила она, боясь услышать в ответ «да».

— У меня поезд в полночь, — ответил он, освобождаясь от ее объятий.

— Ох, извини. — Все воодушевление Ольги в момент испарилось. — Я пришла не вовремя.

— Да нет, — ответил он безучастно. — Я рад тебя видеть. — Протянув руку, ласково, но как-то неуверенно погладил ее по щеке. — Но с чего это ты так неожиданно приехала в Рим?

— Соскучилась по тебе. Почему бы не сделать ему маленький сюрприз, подумала я. И вот я здесь!

Она взяла его руку и крепко сжала в своих, словно желая передать потаенное, исполненное любви послание. Но он по-прежнему оставался холоден, мысли его витали где-то далеко. Он казался настолько чужим, что она не смогла сдержать огорченного вздоха.

— Ну что ж, я предполагала вернуться на Сицилию завтра. Но, может, еще успею на самолет сегодня, на вечерний рейс.

— Нет, погоди... явно лишь из вежливости попытался он задержать ее.

Она покачала головой.

— Нет, я пойду. Кончен бал, погасли свечи...

— Прошу тебя... — пробормотал он.

— Что — уйти? — с горечью спросила Ольга. — Да, ухожу и прошу прощения за беспокойство.

— Постарайся понять...

— Что понять? Что я тебе мешаю? Я это и так вижу.

Каттани приблизился к ней, в искреннем порыве схватил за плечи.

— Ты просто пришла в очень трудную для меня минуту. Вот и все.

— Но я здесь, чтобы делить с тобой не только твою радость, но и огорчения. — Ольга закурила и яростно затаилась. Выпустила дым, вновь глубоко затаилась и запальчиво продолжала: — А ты меня отталкиваешь.

Словно я тебе противна, словно я совершенно чужой, незнакомый человек. А что, в сущности, я у тебя прошу? Да ничего! Только быть рядом, когда выпадет случай, когда представится возможность. Мне и этого достаточно. Но если ты отказываешься даже от этих редких встреч, тогда не о чем говорить.

Не ожидая ответа, она открыла дверь и скользнула в лифт. После минутной растерянности Каттани набросил пиджак и побежал вдогонку. Он настиг ее уже на улице, когда Ольга останавливала такси.

— Ну что тебе еще? — ледяным тоном спросила Ольга.

— Не уходи так. Я хочу, чтобы ты поняла...

— Понимаю, понимаю. — Теперь она надела на себя маску деловой женщины — крупной предпринимательницы, не привыкшей терять время на пустые сентименты. — Будем надеяться, что в следующий раз получится удачнее.

Она нырнула в такси.

«ОТСЮДА МЫ ДЕРЖИМ ПОД СВОИМ КОНТРОЛЕМ ВСЮ СТРАНУ»

Мужчина был молод и хорошо одет. Руки в карманах, он рассеянно рассматривал витрину. Время от времени чуть поворачивал голову и бросал взгляд в сторону Каттани, который, застыв на панели, смотрел вслед свернувшему на бульвар такси, увозившему от него Ольгу.

Каттани медленно побрел по тротуару. Какой-то прохожий наделел на него, так сильно толкнув, что Каттани споткнулся и с проклятием поглядел ему вслед.

Хорошо одетый юноша не свешивая плеч по противоположной стороне и то и дело поглядывая на него. Он увидел, как Каттани остановился перед обшарпанной дверью «пианино-бара». Видимо, он колебался, входить или нет, потом толкнул дверь.

Юноша, стараясь оставаться незамеченным, вошел вслед за ним. В синеватом полумраке вырисовывались небольшие кресла и низкие столики, тускло освещенные сансаяющими с потолка лампами в конических абажурах. Откуда-то доносились негромкие, томные звуки рояля.

Каттани тяжело опустился в одно из кресел. Заказал джин с тоником. Из глубины бара вышла и с вызывающим видом присела к его столику какая-то девица.

— Ты меня чем-нибудь угостишь? — кокетничая, спросила она.

Не удостоив ее взглядом, Каттани ответил:

— Закажи, что хочешь.

Он чувствовал, как она придвигается все ближе. Она терлась об него, как кошка. От ее крепких духов кружилась голова.

— Эй, послушай! — с обидой сказала девушка. — Если ты будешь сидеть с таким кислым видом, я лучше уйду.

В уголке зала, заняв выгодную позицию, позволявшую не спускать с Каттани глаз, сидел молодой человек, который следил за ним на улице. Он медленно потягивал виски. Потом не спеша поднялся. Несмотря на массивную фигуру, двигался он легко и бесшумно. Закрывшись в телефонной кабине, набрал номер.

— Он здесь, — сказал юноша и дал адрес бара.

Девушка продолжала свои попытки развлечь мрачного клиента.

— Тебе что, говорить неохота? — прошептала ему на ухо.

Он не ответил. Только махнул рукой.

— Хочешь, потанцуем? — не отставала она. — Или, может, пойдем к тебе домой? — Она взяла его за руку. — Там нам будет спокойнее.

Она изо всех сил старалась расшевелить его, выходя за рамки своих, так сказать, профессиональных обязанностей развлекать посетителей. Этот хмурый мужчина, которого мучили какие-то скрытые переживания, действительно вызывал у нее жалость. И ей искренне хотелось как-то утешить его.

Чтобы не показаться совсем грубияном, он взглянул на девушку. У нее были длинные приклеенные ресницы и хорошенькое смуглое личико.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Лауретта, — радостно ответила девушка, взмахнув ресницами.

Теперь она с удовлетворенным видом открыто любовалась им, продолжая поглаживать его руку. Вдруг она увидела, как лицо его резко передернулось, словно от боли.

— Боже, что с тобой, — воскликнула девушка, — тебе плохо?

Но с ним все было в полном порядке. Не обращая на нее внимания, он поднялся из-за столика. За спиной Лауретти он заметил хорошо знакомого ему человека. Рядом с юношей, который выслеживал его на улице, с отстраненным видом сидел не кто иной, как Ферретти.

Каттани подошел к нему.

— Зачем вы ходите за мной? — спросил он. — Что вам от меня надо?

— Тонкости.

Тот сразу понял и своими неслышными шагами заскользил между столиками к выходу. Каттани уселся на его место, еле сдерживая клокотавшую внутри ярость.

— Выслушайте меня хорошенько, — процедил сквозь зубы Ферретти. — Вам известно слишком многое. Так что уже поздно давать задний ход. Мы с вами не в игрушки играем. Поэтому, если теперь вы, все бросив, попытаетесь уйти в кусты, ваша жизнь висит на волоске.

— Это угроза?

— Это реалистичный разговор. Если вы удерете, вы станете плавающей миной. Она каждую минуту может взорваться, и результаты этого для многих могут стать поистине катастрофой. Поверьте мне, нельзя допускать, чтобы пошла насмарку столь долгая и тщательная работа только из-за того, что вам вдруг расхотелось этим заниматься. Никто, ни я, ни мои противники, не смогу позволить, чтобы вы свободно разгуливали со всей той скандальной информацией в кармане, которой вы располагаете. Поэтому несомненно одно: или те, или другие вас обязательно прикончат.

Каттани, казалось, не слишком удивила такая перспектива. Словно уже примирившись с ней, он сказал:

— Мне с этим не справиться. Думал, что смогу, но не хватает сил.

Они вышли на улицу, и на них дохнуло вечерней прохладой. С веселым смехом их обогнала стайка молодежи.

— Я чувствую, как меня засасывает водоворот, — продолжал Каттани. — Предательство, ложь, двойная игра. Среди всех этих интриг я уже не понимаю, кто такой я сам и на чьей стороне. Я не могу заниматься любовью с женщиной, чтобы получать от нее информа-

цию о противниках, рискуя, быть может, при этом ее жизнью. Не могу улыбаться Каннито и выжидать момент, чтобы схватить его за горло. Не могу мило беседовать с Терразини, готовясь его уничтожить.

— Без всего этого, увы, не обойтись, — сказал Ферретти. — Я вступил в Ассоциацию Лаудео, чтобы лучше следить за каждым шагом моих противников. Вы — человек прямой и честный. Но, как всем убежденным моралистам, вам неизвестны нюансы, полутона, для вас существует либо белое, либо черное. Я же полагаю так: ради достижения поставленной перед собой цели, если она того заслуживает, необходимо иногда идти и на компромиссы.

Улицы центра кишели толпами шумной, подозрительного вида молодежи. Каждую ночь это сердце Рима подвергалось нашествию бездельников, приезжающих с далеких окраин. Из их машин несея грохот включенных на всю мощь магнитофонов.

— Вы поставили не на ту лошадку, — сказал Каттани. — Я слишком устал и растерян.

Ферретти его подбодрил:

— Именно такой моралист, как вы, должен в борьбе идти до конца. Отступать теперь, когда мы уже так близки к цели, было бы непростительной слабостью.

— Я уже даже не знаю, против чего борюсь.

— Против коррупции. Но прежде всего против этих занимающих видные посты мерзавцев, которые обогащаются на гибели тысяч людей. Против торговцев наркотиками и оружием, против всех их сообщников.

Каттани приостановился. Свет фонаря падал ему на лицо, оставляя Ферретти в тени.

— А вы уверены, что вы сами на стороне тех, кто борется за правду и справедливость? — спросил Каттани.

Он увидел, как блеснули в полумраке глаз Ферретти.

— Надеюсь, что да. Я побился об заклад сам с собой. И поставил на кон собственную жизнь.

* * *

Вернувшись в гостиницу, Каттани снял пиджак и распахнул чемодан. И сразу улегся спать. Он хотел хорошенько выспаться, чтобы полностью восстановить силы. Но не успел сомкнуть глаз, как затрещал телефон.

Из Франции звонила Эльзе. Голос у нее был взволнованный — она спешила сообщить ему о своей находке.

— Ты знаешь, я нашла тетрадку Паолы, — сказала она. — Старую тетрадку, когда она училась еще в первом классе. В ней есть рисунок — три фигуры: я, ты и она. Все вместе. Я не могла сдержать слез...

— Ох, Эльзе, — тяжело вздохнул он. При упоминании о дочери его бросило в холод. — Мы с тобой говорили всю оставшуюся жизнь оплакивать Паолу...

— Боже, каким далеким кажется то время, — проговорила она. — Паола была такая веселая, так нас обожала. — В голосе ее послышались слезы.

— Поверь мне, сейчас нас должно утешать хотя бы то, что мы храним такие счастливые воспоминания, — сказал он. — Ты сохрани эту тетрадку для меня. Мне будет приятно посмотреть.

— Конечно, Коррадо. Я дам ее тебе, когда захочешь.

— Мы с тобой натворили немало ошибок, — неопределенно проговорил он. — А совершенные ошибки особенно дают о себе знать в самые трудные моменты жизни...

— Может быть, теперь мы не будем больше делать ошибок, — с надеждой проговорила она.

— Ох, не знаю. Все это не так просто, Эльзе. Не так просто!

Вокруг царил тишина. Ее нарушали лишь шлепест шагов секретарш и приглушенное жужжание телефонов. Каттани привык к гаму в кабинетах оперативного отдела, где непрерывно сновали взад-вперед шумливые полицейские. По сравнению с полицейским управлением отдел «Зет» специальных служб казался ему подобием больницы.

Ему отвели кабинет рядом с кабинетом Каннито. Вдоль стены висели шкафы, открывавшиеся тремя ключами. Они были доверху заполнены выстроенными в идеальный порядок папками. Корешок каждой украшали какие-то загадочные аббревиатуры. На сверкающий полированный стол ему положили кожаную папку для бумаг, поставили серебряный стаканчик для ручек и карандашей и лампу с керамическим основанием.

Сбоку к столу был приставлен узкий столик с тремя телефонными аппаратами и внутренним переговорным устройством с множеством кнопок.

Первым, кто к нему зашел, был Каннито.

— Ну, как устроится? Все в порядке?

— Прекрасно. Но еще не знаю, за что взяться. Каннито благосклонно улыбнулся.

— Не спеши, мой мальчик. Постепенно втянешься. — Он говорил с ним словно с ребенком, получившим в подарок новую игру, а которую еще не научился играть. — Сюда стекается информация, которая позволяет нам держать под своим контролем всю страну. Ты в этом убедишься. Более того, ты сам должен будешь отбирать сообщения, которые покажутся тебе по той или иной причине заслуживающими внимания. Тебе поможет твоя интуиция. — Каннито словно гордится этим маленьким созданным им царством. Продолжая медленными шагами мерить кабинет Каттани, он внезапно переменял тему разговора: — Послушай, а что, этот Терразини давал о себе знать?

Каттани хотел было уже ответить утвердительно, но удержался.

— Нет, — сказал он.

— Вот увидишь, он наверняка скоро появится, — по-лись прищурившись, произнес Каннито. — Я людей знаю и никогда не ошибаюсь в своих оценках.

Каттани почувствовал себя довольно неудобно. Стараясь не выдать замешательства, он спросил:

— А если он ко мне обратится, как мне себя с ним вести?

— Придешь мне доложить. Потом вместе решим, как с ним держаться.

— Обязательно.

— Нет, давай лучше сделаем по-другому. Прояви инициативу сам. — Он взял Каттани под руку и начал с ним рассказывать по кабинету. Он наставлял его с видом дедушки, раскрывающего внуку глаза на опасности жизни и учась его секретам искусства их избегать. — В следующую среду в гостинице на Аурелии* состоится коктейль. Пойди на этот прием, там ты встретишь Терразини и кое-кого из его друзей.

* Дорога Аурелия — одна из древнеримских дорог, шла из Фостра, соединяющая Рим через Ливорно с Генуей.

Уже уходя, он обернулся и дал последний совет:
— Постарайся выглядеть повеселее. Развлекайся. А сам гляди в оба. Прислушивайся. Они там будут толковать об одном очень смелом проекте. А потом мне доложишь. Договорились?
Подмигнув ему, Каннито вышел из кабинета.

Макет напоминал корабль, готовый выйти в открытое море. Изготовленный из пластика, он медленно поворачивался на вращающейся платформе. Можно было разглядеть длинные узкие строения цехов с покатыми крышами, напоминающие сигары. В центре вздымались квадратные здания различной высоты. А от них разбегались во все стороны обсаженные деревьями аллеи. Авторы макета сделали все столь тщательно, что крошечные деревца были совсем как настоящие.

Толпея в большом гостиничном зале вокруг макета была в самом разгаре. Взад-вперед сновали журналисты, фотографы и кинооператоры толкали друг друга, таща за собой аппаратуру и провода.

В первых рядах вокруг макета стояли какие-то важного вида господа в темных костюмах. У их красивых дам были пышные прически, шеи и запястья украшены ослепительно сверкающими бриллиантами.

Заложив руки за спину, Каттани переводил взгляд с одного лица на другое. И вдруг увидел Ольгу. Столь элегантно одетую и усыпанную драгоценностями, что казалась каким-то волшебным видением. Она тоже его заметила. Сначала даже не подала виду, что узнала. Но он так настойчиво ей улыбался, что она не выдержала, губы ее дрогнули, и она в ответ улыбнулась. Мир был восстановлен.

Также и Терразини заметил Каттани и направился ему навстречу.

— Вот это приятный сюрприз! — воскликнул он. — Только боюсь, вы здесь соскучитесь.

— Нет. Это очень интересно.

Указывая на макет, Терразини продолжал:
— Это очень крупное дело. Вот увидите. Тут предстоит уйма работы. — Он постучал кончиками пальцев по груди Каттани и добавил с двусмысленной улыбкой: — И для вас тоже. — Потом сразу же переменял

тему. — А чтобы вы здесь не скучали, я поручу вас заботам очаровательной девушки.

Он подал знак рукой, и к ним подошла, покачивая бедрами, блондинка с кукольными глазами. Это была одна из тех трех девушек, что плескались в бассейне у Сорби.

— Эллис, дорогая, иди сюда, — сказал Терразини, — составь компанию доктору Каттани, чтобы он не скучал.

Девушка не скрывала, что рада полученному поручению. У нее была золотистая, гладкая кожа, нежное фарфоровое личико. Ее простой наряд — мини-юбка с блузкой — резко контрастировал с шикарными туалетами других женщин в этом зале.

— Я в эту штуку, — она показала подбородком на макет, — охотно бы поиграла.

— Как — поиграла? — удивленно спросил Каттани.

— В «монополию»*. Будто могу тратить, как хочу, все эти миллиарды.

Коррадо улыбнулся.

— Но тут-то миллиарды настоящие.

В глубине зала из-за длинного стола поднялся Сорби и взял в руки микрофон, готовясь держать речь. Он поиграл плечами, словно собираясь взлететь. Огромная голова его дернулась.

— Господа, — раздался голос банкира. Шум в зале сразу же стих, и все застыли, повернувшись к оратору. Польщенный вниманием, Сорби еще больше надулся от важности и продолжал: — Господа, сегодня великий день. Мы уже раздали брошюру с подробнейшим описанием нашего проекта. Но разрешите мне добавить еще некоторые пояснения. На Сицилии возникнет этот удивительный город электроники. «Силикон Вэлли» — на нашей древней сицилийской земле. Предприятие, родившееся благодаря сотрудничеству моего банка с несколькими местными кредитными учреждениями. Поначалу оно даст работу самое меньше двум тысячам человек, а затем, по нашим подсчетам, сможет предоставить еще пять тысяч рабочих мест.

* «Монополия» — популярная на Западе настольная игра, цель которой — «скупить» как можно больше домов, отелей, предприятий коммунального хозяйства и т. д.

Его прервал один из журналистов — бородатый, с хитрой физиономией:

— А во сколько обойдется осуществление проекта?

— Капиталовложения в первые два года составят восемьсот миллионов дир.

Бородатый насмешливо улыбнулся и задал новый вопрос:

— И все эти капиталы — итальянские?

Сорби метнул на него взгляд, полный ненависти. И ответил:

— Как я уже говорил, это капиталы, предоставленные которых гарантирует мой банк и местные банки. Это результат объединенных финансовых усилий Сицилии и материка.

В зале раздались жидкие аплодисменты. Эллис, стоящая рядом с Каттани, тоже захлопала в ладоши, проговорила:

— Когда я слушаю папочку, то меня просто оторопь берет: он всегда говорит о миллионах. Ты его знаешь, моего папочку?

— Кого? Того, что выступает? — спросил Каттани.

— Нет, не знаю.

— Это я его так называю: мой папочка. Он ко мне замечательно относится.

«Папочка» уже отвечал на вопрос другого журналиста, пожелавшего узнать, где именно будет строиться город электроники.

— Этот городок находится близ Трапани. Город предоставил земли, на которых возникнет промышленный комплекс. Кстати, пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность находящемуся среди нас мэру Трапани господину Салери.

В третьем ряду поднялся массивный мужчина с волчьими глазами и шляпой в руках и отвесил легкий поклон, как бы благодаря за раздавшиеся нестройные аплодисменты.

Третий журналист — в маленьких круглых очках, с презрительным выражением лица — иронически прокомментировал:

— Выходит, речь идет о чисто благотворительной инициативе, направленной к экономическому развитию острова.

В первом ряду Фрэнк Карризи со злобной гримасой спросил сквозь зубы у сидящего рядом Терразини:

— Это еще что за сукин сын?

Терразини в ответ лишь мотнул головой, как бы говоря, что не стоит обращать внимания.

Однако Сорби явно не мог похвастаться таким хладнокровием, как у Терразини.

— Ваша ирония совершенно неуместна, — повысив голос, ответил он. — Речь идет о предпринимателях, которые хотят вести производство и получать доходы, а не заниматься благотворительностью.

Но журналист не был удовлетворен ответом. И продолжал наседать:

— А откуда поступают все эти деньги?

Сорби облизал губы.

— Фонд образован из денежных поступлений от группы старых итальянских эмигрантов в Соединенных Штатах. И так как все они не забывают свою прежнюю родину, то решили вложить капиталы в строительство на Сицилии.

Но на этом дело не кончилось. Поднялся еще один журналист, с зажатой в зубах трубкой, и спросил, будет ли в электронных лабораториях и цехах изготавливаться продукция военно-стратегического значения.

— Вот мерзавец! — прорычал Карризи.

У микрофона Сорби нервно дернул огромной головой и сделал вид, что не понял вопроса.

— Что вы имеете в виду?

Журналист с трубкой тогда выразился еще яснее:

— В Соединенных Штатах существует закон, запрещающий вывоз за границу электронной аппаратуры военного назначения. Однако если эта сложная аппаратура будет производиться на Сицилии, вы сможете ее совершенно спокойно продавать на Ближнем Востоке.

Сорби не знал, что ответить. Он только сказал:

— Мы действуем в соответствии с законами нашей страны. Мне ничего больше к этому добавить.

Атмосфера накалилась до предела. Лица у присутствующих вытянулись. Торжественной церемонии грозил полный провал. Вместо празднования по случаю начала осуществления «проекта века» происходило нечто вроде общественного суда над его инициаторами.

Дело приняло совсем трагический оборот, когда журналистка — рыжеволосая женщина, спокойным, но резким и отчетливым голосом спросила про мэра, предоставившего земельные участки для строительства,

тот ли это Салеми, который год назад был арестован по обвинению в принадлежности к мафии.

В первом ряду вскочил на ноги адвокат Терразини и стремительно подошел к микрофону. Растерявшийся Сорби был счастлив предоставить ему слово.

— С господина Салеми, — заявил Терразини, — сразу же, еще во время следствия, были сняты обвинения. Речь шла об ошибке. Даже его политические противники не сомневаются в честности господина Салеми, который недавно был переизбран на должность мэра, получив почти сто процентов голосов.

Однако журналистка не собиралась отступать и оказалась хорошо информированной.

— Два месяца назад, — возразила она, — Салеми получил новый вызов в суд. Он замешан еще в одном деле, касающемся мафии.

В зале раздался приглушенный гул. Кое-кто поспешил на цыпочках покинуть пресс-конференцию. Грузин Салеми в ярости ерзал на своем стуле и, казалось, вот-вот набросится на журналистку. Терразини одним взглядом остудил его гнев, и Салеми поспокоился, лишь хлопал своими воловьими глазами.

— Господа, — продолжал Терразини в микрофон, — здесь некоторые пытаются вынести приговор раньше, чем это сделают судьи. Сейчас ведется следствие. Посмотрим, чем оно закончится, а потом можем вновь возвратиться к этому вопросу.

Слово опять взял бородастый журналист. Он хотел знать, какая роль принадлежит Терразини в этом строительстве электронного комплекса. И когда адвокат ответил, что он является юрисконсультom, журналист громко усмехнулся и издевательским тоном добавил:

— Но ведь против вас самого было возбуждено судебное преследование — следствие вел заместитель прокурора Бордонаро, который был убит здесь, в Риме. Бордонаро полагал, что вы замешаны в деле о похищении девочки.

Стоявший в глубине зала Каттани подскочил от неожиданности. Сердце у него громко застучало. А Терразини, уходя от прямых обвинений, демонстративно чудеса изворотливости.

Придав лицу скорбное выражение, он проговорил: — Вы назвали имя доктора Бордонаро, воспоминание о котором наполнит мое сердце болью и горестью. С ним меня связывала искренняя дружба, и я по мере

сил сотрудничал с ним при проведении расследования по делу, которое, как вам известно, в конце концов было сдано в архив. — Напыжничавшись, он умолк, словно воскрешая в памяти образ покойного Бордонаро, а затем добавил: — Но, дорогие господа журналисты, к чему нам все время оталякаться? Совершенно ясно, что наш проект настолько масштабен, что кое-кому мешает, поэтому-то его и пытаются утопить в спорах, полемике и, извините, даже в слетях.

Со своей обычной ловкостью Терразини вновь овладел положением, которое складывалось хуже некуда. Адвокат не спеша вернулся на свое место рядом с Карризи, а Сорби, явно приободрившись, снова завладел микрофоном. Засунув короткие пухлые ручки в карманы пиджака, он пригласил выступить графиню Камастру, которая сообщит некоторые технические детали относительно строительства промышленного комплекса.

— Моя компания, — начала Ольга, установив повыше микрофон, — была выбрана для ведения строительства потому, что у нее за плечами немалый опыт и она пользуется всеобщим признанием.

Ее прервала рыжая журналистка, прямо спросив, знает ли она Фрэнка Карризи.

Графиня секунду помолчала, размышляя, не кроется ли тут какой-то подвох, потому неуверенно ответила: — Да, конечно, знаю.

Повернувшись к мрачно уставившемуся на нее Карризи, журналистка продолжила:

— И господин Карризи представляет группу итадо-американцев, готовых финансировать проект через банк Сорби?

Снова поднялся Терразини и, не подходя к микрофону, с места подтвердил:

— Да, это действительно так.

Журналистка не пыталась сдержать своего раздражения.

— А почему бы на мой вопрос не ответить самому Карризи?

— Вы напрасно кипитесь, — с улыбкой произнес Терразини. — Дело в том, что мистер Карризи достаточно хорошо говорит по-итальянски.

— В таком случае ответьте вы, — не отставала журналистка. Растрепавшиеся рыжие волосы падали ей на глаза. — Правда ли, что несколько лет назад господин

Карризи угодили под следствие в Соединенных Штатах за связь с «Коза ностра»?

Терразини ответил абсолютно невозмутимо:

— У господина Карризи нет никаких недоразумений с законом в его стране.

Продолжать не было никакого смысла. Сорби понял, что пора закругляться, чтобы избежать дальнейших неприятностей.

— Друзья мои, — сказал он, — полемика полезна, ибо усиливает интерес к нашему начинанию. Однако у всех нас уже пересохло в горле, и не мешало бы его неминуемо промочить. Поэтому прошу вас угоститься.

С громкими вздохами облегчения гости толпой направились к длинному столу, за которым хлопотали официанты.

Карризи клокотал от бешенства, словно разъяренный бык.

— Да откуда только взялись эти сукны дети? — вскричал он.

Терразини взял его под руку, словно желая передать ему свое спокойствие, и сказал:

— Им заплатили. Я прекрасно знаю, кто снабдил их этими сведениями и послал сюда мешать нам.

— Ах так? — отозвался Карризи. — Тогда действуй, сделай что-нибудь.

— Да, — задумчиво сказал Терразини. — За этим стоят Каянито и Лаудео. Это они пытаются вставлять нам палки в колеса, потому что мы решили обойтись без них. — В толпе он различил лицо Каттани. — Но, по всей вероятности, — закончил он, обнажив в хищной улыбке зубы, — кое-что мы сможем сделать.

СТОЛКНОВЕНИЕ

Был час заката. Багровые отблески освещали небо за воздвигнутым Микеланджело величественным куполом собора святого Петра, когда в квартиру Каттани позвонили. Он принимал душ и не услышал первого звонка. На второй, накинув махровый халат, громко отозвался:

— Иду!

Это была Ольга. Нежная, ласковая и немного обеспокоенная, так как не знала, какой ее ждет прием. Какое-то мгновение оба смущенно молчали. Каттани

инстинктивно прикрыл халатом голую грудь и уныкнул. Ольга обняла его, и он сжал ее в своих объятиях, прильнув щекой к ее волосам.

— В этот раз, кажется, удачей! — прошептала она.

Каттани поцеловал ее и почувствовал, как по телу Ольги прошел трепет. Но она ласково-его отстранила и с сияющим лицом провanesла:

— Погоди. Я приехала за тобой. Я приготовила тебе приятный сюрприз.

Они вышли на улицу. Такси миновало центральные улицы, обогнуло Колонны и поначало в сторону жилого района у ЭУР*. Он поднялся вслед за Ольгой на верхний этаж дома, тонущего в зелени цветущих кустов и деревьев. Она вынула из сумочки связку ключей, открыла дверь и знаком пригласила Каттани войти.

Квартирка была на редкость уютной. Пол покрывали ковры, угловой диван украшали атласные подушки. Сквозь большую балконную дверь в комнату проникали последние лучи заходящего солнца.

Однако Каттани держался напряженно и подозрительно. Отодвинув занавеску, выглянул на улицу.

— Кто из твоих друзей знает об этой квартирке? — встревоженно спросил он.

— Никто, — посерьезнев, ответила Ольга. — Только я ля ты. Я купила ее позавчера со всем, что в ней есть.

— Ах вот что! И долго ты думаешь задерживаться в Риме?

— Хотела бы как можно дольше.

Он молча любовался ею. В Ольге была какая-то притягательная сила, что-то такое, что сразу же выделяло ее, заставляло заметить в любой толпе. Она подошла к нему и протянула руки. Он тоже обнял ее, но ласково похлопав по плечу, отодвинулся и спросил:

— Остаешься из-за дел, связанных с проектом? Ольгу начали раздражать эти расспросы.

— Да.

— Не понимаю, что за возня происходит вокруг этого проекта, — проговорил Каттани. — На пресс-конференции журналисты так накинулись на твоих друзей, что готовы были их растерзать. А потом в газе-

* Недостроенная Римская всемирная выставка, в павильонах которой разместились многие общественные учреждения, концертные залы, магазины.

тах — всего лишь краткий отчет, и то в самых расплывчатых выражениях.

— Да, почти ничего не написали, — согласилась Ольга. — Совершенно очевидно, что их атака — лишь предупреждение. Кто-то хотел дать понять, что может доставить немало неприятностей.

— Но кто же манипулирует газетами?

— Сам прекрасно знаешь. Лаудео и Каннито.

Нет, Каттани этого не знал. Смутно догадывался, но до конца не осознавал. После этого открытия многое сразу стало ясно. Теперь все сходится, подумал он. Терразини сыграл злую шутку с Каннито, оставив его вне игры. Но, поскольку по-прежнему необходимо иметь внутри спецслужб своего человека, стал обхаживать его, Каттани. «Я ведь стараюсь также и для вас», — крадучиво нашептывал ему Терразини. А что Каннито? Он послал нескольких продажных писак сорвать пресс-конференцию, а также отправил туда и его насладиться спектаклем. «Потом мне доложишь». Эта старая лиса Каннито предвидел и то, что Терразини попытается перетянуть его на свою сторону!

Выходит, он оказался в самом средоточии запутанной игры, в которой на кон поставлены миллиарды.

Он попытался выудить у Ольги еще какую-нибудь информацию.

— Не понимаю, — проговорил он, — разве Каннито с Терразини не союзники?

Ольга взглянула ему прямо в глаза. Видно, она начала понимать, что все эти вопросы не случайны. Однако голос ее оставался по-прежнему спокойным.

— Наверно, между ними произошла какая-то стычка. Но из-за чего именно, не знаю. Да меня это и не интересует: мне нужно лишь, чтобы ничто не мешало строительству. — На мгновение умолкла, словно колебалась, и задумалась. А потом наполовину всерьез, наполовину шутя добавила: — Надеюсь, ты не собираешься обо всем этом докладывать своему другу Каннито?

Каттани с легкой досадой поморщился. Но сразу же овладел собой и, усмехнувшись, ответил:

— Никак нам с тобой не избавиться от этой навязчивой идеи о предательстве!

Он подошел к Ольге и сжал ее в объятиях, чтобы развеять всякую тень подозрения. Она закрыла глаза и больше не произнесла ни слова.

На складе электротоваров Ферретти, опершись локтем о холодильник, размышлял вслух:

— Если Лаудео и Каннито выступили против сицилийцев, значит, они с ними серьезно поссорились. Но что они не поделили, пока не могу себе даже представить.

Каттани, расхаживая по узкому проходу между горами ящиков, кивнул в знак согласия.

— Сделка, по-видимому, законная. Не то они не стали бы ее так громко рекламировать. Но мы не знаем, что творится у них за кулисами.

— Это все так. Однако если Лаудео и Каннито решились выступить против американско-сицилийской группировки, то ставка в игре, должно быть, огромна. Вам больше ничего не удалось разузнать у вашей графини?

— Нет, я боялся возбудить у нее подозрения. Ферретти сделал несколько шагов взад-вперед и продолжал:

— Этот конфликт — факт совершенно новый и очень важный. Он может привести к открытой схватке между двумя силами — связанной с мафией группой Терразини и подпольной группой Лаудео — Каннито.

— А наша задача — всячески обострять противоречия между ними, — закончил за него Каттани. — Вы это имели в виду?

— Вот именно. Мы должны осторожно, капля за каплей, подмешивать яд и отравить противников так, чтобы они сами того не заметили.

После скандала на пресс-конференции Лаудео и Каннито были приглашены на виллу Сорби, ставшую штаб-квартирой колоссальной махинации.

Карризи сразу же обрушил на них свое негодование: — Вы слишком много запрашиваете. Обойдемся и без вас!

Каннито недовольно поморщился. — Вы сводите проблему на уровень базарного торга. Мы же не корову продаем. У этой проблемы, как мы отметили, имеются политические аспекты, понадобится

заткнуть глотку тем, кто будет выступать против, протестовать, а такое, несомненно, произойдет.

— Пустые слова, — возразил Карризи. — Плевал я на вашу болтовню! Меня возмущает то, что вы претендуете на пятнадцать процентов.

Он обновил свой гардероб в римских магазинах. На нем был прекрасно сидящий серый в полоску костюм из мягкой ткани, массивный золотой зажим сверкал на галстуке.

В разговор вступил Лаудео. Голос у него был крадучивый, как у заклинателя змей.

— Имейте терпение, — он благосклонно улыбнулся. — Пятнадцать процентов полностью оправданы. Они включают политическую поддержку, печать и телевидение.

— Ах! — отозвался Карризи. — Пресса! Да, с печатью не должно быть никаких проблем. К чему платить прессе, когда проект настолько масштабен, что и сам по себе привлекает внимание журналистов!

Лаудео чуть-чуть приподнял бровь и, как бы разговаривая сам с собой, произнес:

— Ну, пожалуй, пресс-конференция прошла не с таким уж большим успехом...

Карризи стукнул кулаком по столу.

— Явился четверо идиотов и устроили шоу. Он был вне себя. Устремив горящий яростью взгляд на Лаудео, он добавил: — И нетрудно догадаться, кто их прислал.

Лаудео сделал вид, что не понимает.

— Потребовалось все мое влияние, — хвастливо продолжал он, — чтобы помешать появлению всего этого в газетах. Но вы должны понимать, что подобное использование моей доброй воли не может продолжаться вечно.

Терразини был менее эмоционален, чем Карризи, но умел достигать своей цели при помощи тонко замаскированных угроз.

— Мы отнюдь не недооцениваем вашего влияния на прессу, профессор Лаудео, — сказал он. — Но именно поэтому я позволяю себе напомнить, что имеется много разных способов использовать средства информации.

Лаудео стал сговорчивее.

— Ну к чему нам воевать между собой? Постараемся прийти к соглашению. У вас, дорогой Терразини,

много друзей на Сицилии, но ведь Сицилия — это еще не вся Италия.

— Пф! — рубанул ладонью по воздуху Карризи. — В Америке Италию ни в грош не ставят. Столицы мира — это Палермо и Нью-Йорк, не так ли? Если ты что-то собой представляешь в Палермо, то ты фигура и во всем мире!

Каннино постарался подвести разговор к главному вопросу — о гарантиях, которые они с Лаудео могут предоставить.

— Постарайтесь понять, — сказал он, — что это не мелкая сделка, которая может пройти незамеченной. Здесь дело пахнет сотнями миллиардов, и у многих может проснуться аппетит.

Американец пренебрежительно махнул рукой и сказал:

— Я думаю, что эта чертова политика здесь вовсе ни при чем. На самом деле вы просто хотите нажиться — сделать деньги, — пояснил он по-английски.

Каннино не привык к такому языку. В возмущении он вытаращил глаза и воскликнул:

— Как это вы себе позволяете!

— Позволю, позволю, — ответил Карризи, в котором еще кипела злоба из-за сорванной пресс-конференции. — За такого человека, как вы, в Америке не дадут ни цента. Там вам пришлось бы просить милостыню. Вот так. — И он протянул руку ладонью вверх чуть ли не под нос Каннино.

Шеф отдела «Зет» побагровел.

— Да вы сами не знаете, что несете! — заорал он. — Это мы в нас нуждаемся. Без нас ни черта не выйдет, абыте это себе в башку. Поэтому такая наглость просто смешна! — И, направив палец в сторону Терразини, продолжал: — А что касается вас, идиот, не надейтесь, что вам удастся выкрутиться, памятуя наши хорошие отношения в прошлом. С вами мы тоже еще посчитаемся.

Карризи сделал попытку продолжить разговор в более спокойном тоне:

— Ну к чему говорить о счетах? Это еще надо посмотреть, кто кому должен... Но не сдержавшись, отставил стул, вскочил и, выпрямившись во весь рост, заорал: — Мы никому не позволим садиться нам на голову! Тем более таким мелким паразитам, как вы! Захребетники! Пиявки!

Лицо Канинито исказилось от ярости. Он кинулся на американца.

— Я убью его! — закричал он на грани истерики. И вдруг, зашатавшись, повалился ничком на стол.

* * *

В своей новой квартире Ольга опустила в кастрюлю спагетти — порцию на двоих. Она была весела, в пестром передничке, с вилкой в руке.

— Я немножко опоздала, — рассказывала она накрывавшему на стол Каттани, — и пропустила начало представления. Но клянусь тебе, что еще никогда в жизни не видела такой яростной ссоры. Канинито на моих глазах рухнул на стол. А у Терразини лицо было белое как полотно.

Скрывая под улыбкой свой горячий интерес, Каттани спросил:

— А что остальные?

Ольга извлекла из кастрюли макаронину, попробовала и, решив, что она еще твердая, накрывала снова кастрюлю крышкой. Не оборачиваясь, сказала:

— Терразини, как обычно, был хладнокровнее всех. Почти бесстрастен. Сорби не хотелось обострять отношения. Он в конце пытался предложить компромисс, но Карризи не желал даже слушать. Этот американец решительно не хочет иметь с ними дело.

Каттани шарил в одном из ящиков.

— Извини, не найду вилок и ножей.

— Да вот они. С другой стороны.

— Да, да, вижу... Так я не понял, что же случилось с Канинито.

— Это было очень печальное зрелище, — сказала Ольга, выкладывая в дуршлаг готовые спагетти. — Он задыхался, можно было подумать, что умирает. Потом заперся в ванной, а через пять минут вышел как ни в чем не бывало.

Каттани рассмеялся.

— Я даже подумала, уж недохват ли он порошочек.

— Кто знает, вполне может быть... Ну как, спагетти готовы?

— Несу. Я приготовила к ним сицилийский соус с баклажанами. Надеюсь, тебе понравится.

— Еще бы! — отозвался Каттани, усаживаясь за стол. — Такой аромат, что кружится голова. Я первый

раз вижу тебя в роли повара. Я даже представить себе не мог тебя у плиты. Но вроде неплохо получается!

Она его погладила по щеке.

— Каждая женщина испытывает это странное желание вкусно накормить своего любимого.

Он потянулся к руке Ольги и поцеловал ей кончики пальцев.

— Ты потрясающая женщина, — проговорил Каттани. Потом, намотав спагетти на вилку, вернулся к прежней теме. — Ну так чем же закончилось это совещание боссов?

— Чуть ли не рукопашной. Американец орал на Канинито и Лаудео, называл их шантажистами и угрожал донести на них.

— А они?

— Ничего. Молчали, ни слова в ответ. Тогда Карризи прогнал их, выкрикивая им вслед ругательства.

— Забавно, — сказал Каттани. И, сделав глоток вина, продолжал: — Однако не понимаю, как они могли дойти до такой грубой ссоры?

— А я понимаю, — ответила Ольга. — Подумай сам: Лаудео и Канинито требуют уплаты им пятнадцати процентов с общей суммы сделки. А Карризи не желает давать ни дыры.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

По Аппиевой дороге, фырча и отдуваясь, как допотопный паровоз, трюхала старенькая «джульетта». Минувала могилу Цецилии Метеллы, проехала еще несколько километров и свернула направо. Показался большой пустырь, заваленный горами железного лома. Автомобили, сплюснвшиеся под тяжестью других наваленных на них машин, куски листового железа, кучи болтов, ржавых деталей. Кладбище машин.

«Джульетта» зачихала, последний раз вздрогнула и остановилась перед двумя столбами с грубо сколоченной калиткой — входом на свалку. Из машины вышел мужчина лет сорока, полноватый, с вьющейся шевелюрой. Вид у него был такой же потрепанный, как и у его поджака.

За калиткой, задвигаясь яростным ласем, носились две огромные немецкие овчарки. Раздался свист, и из-

за кучи дома показался старичок в выцветшей каскетке с большим козырьком.

— Тихо вы! — пронзительным голосом прикрикнул старичок на собак. — Тихо! — Прищурил водянистые глазки, чтобы лучше рассмотреть посетителя. Тот, чуть осмелев, сделал несколько шагов вперед.

— Черт возьми! — воскликнул приехавший на «джульетте». — Вот это псы, настоящие звери!

— Да нет, — ответил старик. — Они такие свирепые только к незнакомым. А когда познакомятся — это такие овечки! — И засмеялся, обнажая беззубые десны. Он был такой худой, что брюки, полошащиеся, как паруса на ветру, казалось, движутся сами собой.

Собаки, перестав лаять, прыгали вокруг, лизали ему костлявые руки.

— А что тебе нужно? — спросил старик.

— Да кое-что для моей машинки, — ответил владелец «джульетты», проводя ладонью по заросшему густой щетиной подбородку. — Она у меня музейный экспонат. Вчера проколол крышку, а когда менял колесо, потерял диск. Может, случаем, у вас найдется подходящий.

— Не знаю, — ответил старичок. — Приезжай попозже, когда будет сын.

— Мне понадобится еще кое-какие детали, — сказал мужчина, запуская пальцы в свою курчавую шевелюру. — Но их не так-то легко найти, потому что это модель шестидесят восьмого года. Дедушка, а ты помнишь шестидесят восьмой год?

— Еще бы! — усмехнулся старик. Он оперся о калитку и стал вспоминать: — В шестидесят восьмом студенты устроили революцию. А потом была «горячая осень», когда бастовали рабочие.

— Ох, дед, да ты хочаячая энциклопедия! А ты за кого был? За рабочих или за хозяев?

— Я? Я сидел перед телевизором и смотрел на демонстрацию, а рядом стояла здоровая фляжка с вином...

— Да-а, ты, видно, мудрый человек! — сказал мужчина. — Ну ладно, заеду, когда будет твой сын. До скорого!

Он сел в машину, вернулся на Аппиеву дорогу и подъехал к воротам виллы Сорби. Подождал, пока откроют, и въехал на аллею, ведущую к дому.

В гостиной его поджидал хозяин дома со своими приятелями Терразини и Карризи.

Сорби представил:

— Это доктор Маурили. Человек, на которого можно положиться.

Маурили небрежно кивнул им и, не спрашивая разрешения, взял со столика на колесах бутылку с аперитивом, налил себе весьма щедрую порцию. А затем, со стаканом в руке, развалился в мягком кресле, задрал ногу на подлокотник.

— Послушайте, что я вам скажу, — обратился он к ним. — Дело это нехитрое. Я нахожу подходящую типографию, набираю гранки, а потом иду в другую типографию и там печатаю. Типографии лучше всякий раз менять, чтобы избежать неприятностей, проверок. Достаточно тысячи-другой экземпляров. Затем в надлежащий момент мы распространим их среди ответственных лиц — депутатов, сенаторов, генералов, промышленников, некоторых журналистов.

Маурили отхлебнул аперитива, подержал во рту и разом проглотил. Пухлой рукой он непрерывно, как кот, потирал себе глаза и щеки.

— Когда все подготовите, — продолжал он, — сообщите мне. Передадите все данные, сведения, в общем весь компромат, ха-ха-ха!.. А обо всем остальном я уже позабочусь сам.

— Хорошо, — сказал Терразини.

Карризи пока не произнес ни звука. Американец курил сигару, и всякий раз, когда взгляд его падал на Маурили, на лице появлялось брезгливое выражение.

Неожиданно он обратился к Сорби и, указывая сигарой на Маурили, спросил:

— А ты раньше уже использовал этого типа?

— Да, конечно. Последний раз, кажется, в прошлом году.

— Нет, нет, — вмешался Маурили, запуская руку в свою растрепанную шевелюру. — Ровно семь месяцев назад. Помните? По поводу тех трех негодяев, которые катили бочку на ваш банк. Мы их неплохо, ха-ха, приложили! Опубликовали два-три фактика — и сразу загнули им глотку.

Маурили изменил позу и, предаваясь приятным воспоминаниям, продолжал:

— В тот раз мы использовали листочки. Вот была потеха! Все стены Рима заклеили — их имена, фами-

ли, участие в спекуляциях, контрабанда, истории с женщинами... Вы просто представить себе не можете! — Он говорил, обращаясь к Карризи. А американец, которому все уши прожужжали про этот самый прекрасный город в мире, чувствовал, что начинает ненавидеть Рим, где живут и процветают такие типы, как Лаудео, Каннито и этот до отвращения говорливый Маурили. Еще один болтун итальянец, проклянул его про себя Карризи.

Маурили осушил свою рюмку и потянулся к вазочке с солеными орешками.

— Ну, — изрядно опустошив ее, спросил он, — кого же пригласим в этот раз?

— Об этом в свое время мы вам сообщим, — сказал Терразини.

— Э, нет! — воскликнул Маурили, перестав грызть орешки. — Мне нужно знать сейчас, от этого зависит, как мне действовать.

Трое быстро переглянулись между собой, как бы советуясь. Потом Сорби сказал:

— Ну ладно, будь по-вашему. Речь идет о Себастьяно Каннито.

Маурили собирался кинуть в рот очередную горсть орешков, но так и застыл на полдороге с поднятой рукой.

— Черт побери! — воскликнул он. — Это деликатное дело.

— А также имеется в виду Ассоциация Лаудео, — добавил Сорби.

— Слишком сложно, — скривил рот Маурили. — Против кого мы хотим бороться? Против призраков? Мы же не знаем, кто за ними стоит. Придется нанести удары наугад, и неароком можно задеть кого-то из друзей.

— И это вас пугает? — спросил Терразини.

— Меня? Я-то ничего не боюсь. Если материалы острые, все будет в лучшем виде!

— Насчет материалов не беспокойтесь, — сказал Сорби.

— Хорошо... А как насчет гонорара?

— Как обычно, — заверил Сорби, как всегда, когда речь шла о деньгах, скривив рот на сторону. — Десять миллионов за номер.

— Гм, гм, очень уж деликатное дело, — сказал Маурили. — Тут рискуешь собственной шкурой. Надо бы

немножко прибавить. Ну, скажем, вдвойне. — Он внезапно встал и подошел к Карризи. — Вы меня не угостите сигарой? Очень уж хорошо они пахнут.

Американец, что-то пробурчав, открыл свой серебряный портсигар.

— Ну ладно, пусть будет вдвойне, — изрек Терразини.

Маурили затянулся сигарой и закашлялся.

— Когда приступим? — спросил он.

Терразини откинул голову на спинку кресла.

— Скоро, — ответил он. — Совсем скоро.

* * *

Швейцар в подъезде нажал кнопку переговорного устройства и, когда ему ответили, сказал:

— Извините, доктор Каттани, тут к вам пришел адвокат Терразини.

— Скажите, что я сейчас спущусь.

Каттани набросил пиджак, достал из ящика стола конверт и вышел из квартиры.

— Вот материал, — сказал он Терразини, протягивая конверт.

— Вы феноменальны, — сказал комплимент адвокат. Он извлек из ладони толстый конверт и спросил: — Жареные факты?

— Да так себе, — ответил Каттани. — Старые документы, которые я выудил в архиве. Касаются скандала со стронтельными подрядами, в котором был замешан Каннито несколько лет назад.

— Для начала совсем неплохо, — одобрил Терразини. — Что там — какая-нибудь история со взятками?

— Не совсем так. Дело идет о гарантиях на получение кредитов, предоставленных некоторым весьма сомнительным личностям. Проступок, можно сказать, достойный снисхождения.

Терразини рассмеялся, взял Каттани под руку и вышел с ним из подъезда.

— Вместе мы с вами сделаем великие дела!

Они медленно шли по тротуару.

— Послушайте, — продолжил адвокат, меняя тон, — если у вас возникнут какие-то расходы, вы не стесняйтесь. — И запустил руку во внутренний карман пиджака.

— Даже не думайте, — остановил его Каттани. —

Никаких расходов. Только некоторая затрата времени на розыски документов и на то, чтобы снять фотокопии. — Он пожал плечами и добавил: — Ведь вы тоже не хотели получить от меня вознаграждение за юридическую помощь, помните?

— Да, действительно, — с довольной улыбкой ответил Терразини. — Так и полагается между друзьями.

— Так и полагается, — повторил Каттани. И сделал сам себе комплимент: он, кажется, неплохо научился вести себя с этими опасными пронырами. Да, черт побери, у него уже получается так, словно он сам один из них.

* * *

«Спецвыпуск» был форматом чуть побольше обычной брошюры, на ярко-красной обложке четко выделялось выразительное название: «Злой язык». Терразини внимательно листал журнальчик, на его лице то и дело появлялась довольная усмешка. Наконец закрыл его, скрестил на груди руки и уставился на обложку.

— Молодец, Маурили, — сказал он. — Ты хорошо поработал.

— Стараюсь по мере сил, — с довольным смешком ответил тот, — в этих делах я мастак. Завтра разошлю тысячу экземпляров. По обычным адресам. Будьте спокойны, это произведет впечатление!

— Я в этом уверен.

Маурили стрельнул сигарету у адвоката. Про него приятели говорили, что он выкуривает в день не менее тридцати штук, ни разу в жизни не купив сигарет. Свой коронный номер он отколот, когда однажды его старенькая машина стояла у светофора. К нему подошел согбенный нищий и протянул голову, сказал, что у него нет ни гроша. А потом спросил нищего, не найдется ли случаев у того сигаретку. Нищий поглядел на дышащую на ладан «джуветту» и не мог не посочувствовать. Достал пачку американских сигарет и сказал: «Бери, бери, если хочешь, не одну, а несколько».

Терразини вытащил из кармана золотую зажигалку, поднес огонек к сигарете Маурили.

— Это не так-то легко, — продолжал хвалиться Маурили. — Я старался обойтись общими словами, не называя имен, не нанося смертельного удара. Тонким

работка, можно сказать, ювелирная! Кому надо, тот сам поймет.

— Мы так и хотели, — сказал Сорби.

Сквозь широкое окно гостиной было видно, как золотокудрая Эллис, вооружившись перчатками и ножницами, подрезает в саду розы.

Маурили передвинул сигарету из одного угла рта в другой. Он не столько курил, сколько мусолил сигарету, словно лакомую палочку. Он сказал:

— Материала, который вы мне дали, хватит еще на пару номеров. Но потом вы должны снабдить меня новым.

— Вы получите все, что вам требуется, — заверил его Сорби.

Гм, — пробормотал Маурили. — Я... — он вздернул свои кудри. — Ну, в общем, мне пора идти. Так вот... — он сощурил глаза, выпустив изо рта облачко дыма, — я хотел еще спросить, когда зайти за деньгами...

— Я уже все приготовил, — сказал Сорби. Открыв ящик, он вынул кожаную папку и достал из нее чек.

Маурили сунул его в карман, даже не посмотрев на сумму.

— Ну, значит, до следующей встречи!

* * *

Выехав из ворот виллы, он повернул в сторону холма, где находилось автомобильное кладбище. Там не было видно никаких признаков жизни.

— Эй, есть тут кто-нибудь?! — крикнул Маурили.

Солнце калило ржавые каркасы. Калитка была распахнута. Маурили сделал несколько шагов за изгородь.

— Все в отпуске? — вновь принялся он кричать. — Или бастуете?

Ему ответил яростный лай приближавшихся овчарок. Маурили еле успел аскарабкаться на остоу «кальфы-ромео». Следующим прыжком он укрылся в кабине старого грузовика. От кузова, крыши и всего прочего не осталось и следа. Уцелела только эта кабина, закинутая на самую верхушку горы бывших автомобилей.

Тут Маурили заметил нечто, заставившее его подскочить от изумления. Откуда взялся здесь, на этой гряде металлического дома, новехонький фотоаппарат съемой последней модели? Стоит на штативе, укреплен

под углом. А главное — снабжен телеобъективом. Маурили заглянул в глазок и увидел, что объектив устремлен на виллу Сорби.

Услышав голоса, быстро выскальзнул из кабины. К нему приближался старичок с каким-то молодым человеком. Это был тот самый парень, который фотографировал гостей Сорби и номера их машин.

— Какого черта вы там делаете наверху? — грубо крикнул он.

— Ничего, ничего, — попытался успокоить его Маурили. — Я залез сюда, спасаясь от этих зверюг. Они хотели меня сожрать. — И, приняв его за сына старика, продолжал: — Я говорил вашему отцу, что мне нужны кое-какие детали для моей машины. — Он соскочил на землю, увлекая за собой всякие обломки. — Так я еще раз захотел узнать, не подыскали ли вы их.

— Нет, — резко ответил молодой человек. — Тут вы ничего не найдете. Попробуйте на Пренестине*.

— Хорошо, хорошо, — пятась, ответил Маурили, не чаявший поскорее отсюда убраться. — Поеду понизу там. Хотя, наверно, лучше купить себе новую машину. — И деланно рассмеялся.

Молодой человек даже не улыбнулся. Он погладил ластившуюся к нему собаку. И запомнил номер «джульетты».

Совсем неподалеку, в ложбине, солнце бросало отблески на стекла широких окон виллы Сорби, сверкало и передвигалось на водной глади бассейна. И здесь, на холме, играло на линзе телеобъектива.

ВЕТЕР ПРЕДВЕЩАЕТ БУРЮ

Было за полночь. Последние парочки, целовавшиеся в машинах и медлившие уезжать, уже покинули старую Аппиеву дорогу. Эта главная артерия Древнего Рима казалась погруженной в сон, тускло освещенная редкими фонарями.

Длинная, мощная машина на большой скорости пронуривала по асфальту. Свернула к холму автомобильного кладбища. Яркий свет ее фар выхватил из

темноты сле державшуюся на петлях калитку. Мотор смолк, из машины вышли четверо мужчин. Хотя шаги их были почти бесшумны, овчарки проснулись, но не успели на них наброситься: их уложили на месте два выстрела, прозвучавшие как негромкий свист — благодаря глушителю. Четверо продвигались вперед короткими перебежками — от одной кучи лома к другой.

Среди гор утиля вырисовывались очертания домика-прицепа. Дверца его распахнулась, и на пороге оказался молодой человек. Мгновенно прогнав остатки сна, он спрыгнул на землю с пистолетом в руке. Под его ногами заскрежетало железо. Четверо почти одновременно спустили курки, сразив его градом пуль.

Двое из нападавших бросились с электрическим фонариком внутрь домика. Старика прикончили спящим, выстрелом в упор.

Другая пара принялась обшаривать карманы убитого юноши, швыряя их содержимое на землю. Бумажник, сигареты, зажигалка... Из заднего кармана брюк они извлекли удостоверение в пластиковой обложке. Из документа явствовало, что юноша входил в особое подразделение отдела «Зет» спецслужб.

Прежде чем уйти, четверо плеснули бензином на стены прицепа. Занялось пламя.

* * *

Когда на место преступления прибыл Каттани, пламя уже почти погасло. За окрестными холмами прорезывалась заря.

Комиссар позвонил по телефону Ферретти, разбудил его. И вот теперь бродил вокруг дымящихся груд железа. Пожарные работали в масках, закрывающих рот и нос. Покрытый обгорелой краской, раскаленный металл издавал едкий химический запах.

Мигалки пожарных и полицейских машин были включены, и в их красноватом свете фигуры взгромоздившихся на кучи лома людей казались нереальными — они словно парили в воздухе.

Из полумрака вынырнул Ферретти. Он подошел к Каттани и проговорил:

— Я сюда направил одного из своих людей. Агента из моего отдела, приказав ему вести наблюдение за виллой Сорби. — Ферретти указал рукой на подножие холма, где в неверном свете уже можно было разгля-

* Пренестина — название одной из римских автострад, железнодорожной станции и прилегающего района.

деть изящные очертания виллы. — Они его прикончили, — продолжал Ферретти, — вместе со стариком сторожем. Мы это выладим за уголовщину, столкновение враждующих между собой банд угольщиков автомобилей. Дело в другом — в Каянито. Мне придется с ним встретиться немедленно, он, разве утром. Об агенте, ведущем наблюдение, этим зумеется, ничего не знал. И будет вне себя от ярости.

— Да, уж конечно, — встревоженно сказал Каттани. — Теперь-то он поймет, что вы работаете против него.

— Гм, пожалуй, пора уже раскрыть карты. Я боюсь не в силах притвориться. — Ферретти по-суюнил и, положив руку на плечо Каттани, тяжело роняя слова, продолжал: — Наступил решающий момент, мы близки к развязке. И если я поплачусь собственной шкурой, то продолжать борьбу предстоит вам. Слушайте внимательно: на складе электротоваров я спрятал документы, при помощи которых можно уничтожить Каянито. Я их до сих пор не использовал, потому что надеялся собрать материал также и против Ассоциации Лаудео. Но сейчас на это уже нет времени.

Глубоко засунув руки в карманы, он направился к своей машине. Но, сделав несколько шагов, вернулся назад.

— Ах, да, Каттани, — вполголоса сказал он, — сегодня нам с вами обязательно нужно целый день поддерживать связь. Я должен быть уверен, что в любую минуту смогу поговорить с вами.

— Хорошо, — кивнул Каттани, — буду дома ждать вашего звонка.

Ферретти отправился на работу очень рано. Он открыл стеновой сейф и извлек из него документы. Часть из них уничтожил при помощи бумагорезки, другие вложил в конверт, который спрятал в свой «дипломат». Он действовал спокойно, без суеты. Знал, что его ожидает серьезная схватка и последствия ее для него могут быть очень серьезны. Но он старался сохранять хладнокровие. Быстро перебрал про себя все ходы, что предполагал сделать в той шахматной партии, которой предстояло сейчас начаться. И как раз в этот момент

явилась секретарша и доложила, что шеф желает его немедленно видеть.

Глаза Каянито метали молнии. Не успел Ферретти закрыть за собой дверь, как начальник яростно напал на него:

— Кто тебе разрешил устанавливать наблюдение за виллой Сорби? Надеюсь, у тебя были достаточно веские основания, оправдывающие такое идиотское решение?

— Да, к тому есть веские основания, — ответил Ферретти.

— И можно узнать, какие?

— Нет.

— Ах, так? — Каянито подвинулся во весь рост. Он оперся руками о стол, подавшись весь вперед, как рвущаяся с цепи собака. — Теперь ты еще вздумал действовать тайком от меня. Этого я терпеть не намерен. — На столе лежал экземпляр напечатанного Маурили журнальчика с замаскированными обвинениями в первую очередь против Каянито. Глава отдела «Зет» схватил спецвыпуск и, потрясая им в воздухе, добавил: — В таком случае я могу также предположить, что именно ты инспирировал всю эту гнусную клевету.

Каянито, побелев от злости, с угрожающим видом подошел к Ферретти.

— Мы с тобой еще ни разу не говорили по душам, — выдохнул он ему в лицо. — Я полагаю, в этом нет необходимости. Очевидно, я тебя недооценивал.

— Вот именно.

— Ладно. У тебя один выход: подать в отставку. — Каянито приблизился почти вплотную и пристально смотрел ему в глаза. — Я тебе предоставляю возможность уйти достойно. Если же откажешься, я начну против тебя дисциплинарное расследование.

Ферретти выдержал взгляд шефа и вызывающим тоном ответил:

— У меня отнюдь нет намерения уходить. Поэтому, коль желаете, начинайте расследование. Если только не опасаетесь, что оно вам сильно повредит.

Каянито взгляделся в него, пытаясь понять, что Ферретти задумал. Потом вернулся к столу.

— Нам не о чем больше говорить, — сказал он на прощание.

— Я тоже так думаю, — ответил Ферретти, направляясь к двери.

Все-таки Каннито его окликнул:

— Подумай хорошенько, — предостерег он.

— Подумай лучше сам о всем том, что натворил за последние годы.

Вернувшись в свой кабинет, Ферретти сразу же набрал номер Каттани. Он передал ему во всех подробностях разговор с шефом.

— Каждую минуту можно ждать любых неожиданностей, — сказал он. — Я смогу вас застать дома?

— У меня назначено одно свидание, но могу перенести его и не выходить из дома.

— Нет. Не стоит. Дайте мне номер телефона, где вы будете. В случае необходимости я вам туда позвоню. Как? Пять, семь, не расслышал последнюю цифру. Десятка? Хорошо. До свидания.

Также и Каннито, оставшись один, сразу бросился звонить по телефону.

— Нам необходимо увидаться, — сказал он Лаудео, когда тот подошел к телефону. — Положение очень серьезное. Нет, он даже не пытался как-то оправдываться. Напротив, тон у него был скорее угрожающий.

* * *

Уже близился вечер, Ферретти ожидал в приемной почти два часа. Он решил рискнуть и поставил на последнюю карту; пришел информировать обо всем одного политического деятеля, имеющего отношение к спецслужбам. Результат был непредсказуем, это он понимал сам. Ведь он даже не знал, не связан ли этот деятель с Ассоциацией Лаудео. А такое вполне возможно. В этом мире, сотканном из неувязных, уклончивых взаимоотношений, вообще нельзя быть в чем-либо твердо уверенным.

Пока ждал, Ферретти пришел к убеждению, что у него нет другого выбора. Единственная надежда выкарабкаться из этой истории — доложить на высоком уровне о преступлениях Каннито. Оставалось слишком мало времени. Если это не удастся, то дело драки; он прекрасно знал, что Каннито не сидит сложа руки.

Ферретти посмотрел на часы. Семь часов вечера. Личный секретарь вышел из своего кабинета.

— Сейчас звонил его превосходительство. Он за-

держивается в сенате и сегодня сюда уже не вернется. Если хотите, могу записать вас на прием на завтра. Или на один из ближайших дней.

Но Ферретти, даже не дождавшись окончания фразы, уже толкнул тяжелую стеклянную дверь в вестибюль.

* * *

В то время как Ферретти ожидал в приемной, Каттани находился с Ольгой в ателье мод поблизости от Испанской площади. Графиня выбирала платья и то и дело исчезала вместе с директрисой в примерочной. Надев одно из платьев, она вернулась показаться в нем Каттани и услышать его мнение.

— Вот это тебе очень идет, — сказал он.

— Да тебе нравятся все без разбора, — улыбнулась Ольга.

— Это, наверно, потому, что их мерил ты.

Графиня снова скрылась за стеклянной дверью в сопровождении директрисы с охапкой платьев на руке.

Каттани сидел как на иголках. Он рассеянно глядел на выставленные платья, переливавшиеся и блестящие в рассеянном свете плафонов. Сидящая у входа за кассой девушка говорила по телефону. Когда она положила трубку, Каттани сказал:

— Я дал ваш номер одному приятелю. Если он позвонит, пожалуйста, сразу же меня позвоните.

Не прошло и нескольких секунд, как телефон зазвонил. Спрашивали Каттани.

— Нам надо сейчас же увидаться, — сказал Ферретти. — Приезжайте ко мне домой. Да, да, немедленно.

Ольга показала из-за стеклянной двери в длинном облегающем вечернем платье. Шла нарочито медленно, чтобы дать возможность Коррадо сполна насладиться видом ее фигуры и туалета.

— А как тебе нравится это? — спросила она. — Да где же он?

— Ах, — проговорила девушка за кассой, — доктору Каттани позвонили по телефону, и он убежал бегом. Просил передать вам его извинения.

— Ох, это невозможно, — покачала головой Ольга. Потом, обращаясь к директрисе, добавила: — Вечно у него неотложные дела. Но что делать, либо смириться с этим, либо вообще от него отказаться!

— Лучше уж смиритесь, госпожа графиня, — усмехнулась директриса.

Впервые Ферретти стало по-настоящему страшно. Где он допустил ошибку? Что не предусмотрел? Есть ли еще шансы на спасение?

Улицы, по которой он вел машину, вошли вверх по склону Авентинского холма. Соблюдая дистанцию и стараясь остаться незамеченным, за Ферретти ехал следом синий «рэндж ровер». Машинка Ферретти миновала небольшую площадь и остановилась у колонн портика церкви. Как раз напротив находилась железная калитка в ограде дома, где жил Ферретти. Чуть впереди, в тусклом свете фонарей, несколько детей бежали наперегонки. В вечерней тишине слышались их веселые крики.

Ферретти направился к калитке. Ему оставалось до нее с какой-нибудь десятка шагов. Рука уже машинально нащупывала в кармане на связке нужный ключ. Синий автомобиль поднимался вверх по улице и был уже неподалеку от церкви. Яркий, слепящий свет его фар разрезал вечерний полумрак.

Вдруг автомобиль резко прибавил скорость, и мотор его оглушительно загрохотал. Ферретти инстинктивно обернулся и увидел машину не более чем в пяти метрах от себя. Она мчалась прямо на него. Ферретти попытался спастись на тротуаре, но синий автомобиль с громким скрежетом сделал крутой поворот, подпрыгнул и наехал на него.

Страшной силы удар отбросил Ферретти к стене. А когда он упал, «рэндж ровер» переехал задним колесом, оставив на земле, совсем рядом с калиткой, бездыханное тело с широко раскинутыми руками. А связку ключей откинуло на середину мостовой.

Когда подъехал Каттани, вокруг убитого уже толпились любопытные. Комиссар сразу понял, что произошло.

В складе электротоваров имелся черный ход, дверь выходила в узкий переулок. Каттани, опасливо озираясь, затворил за собой эту дверь, запер ее изнутри на

ключ и опустил железный засов. Ферретти не успел сообщить, где именно он спрятал документы. Предстояло их поискать.

Один угол склада был отгорожен, в тесной каморке стоял стол с двумя телефонами, табурет и закрытый на ключ металлический шкаф. Каттани решил начать поиски со шкафа, но не знал, как его открыть. Попытался при помощи ножа для бумаги, потом — перочинного ножичка, но безуспешно. Немного подумав, попробовал ключ от входной двери.

Ключ прекрасно подходил, шкаф открылся. Однако внутри лежали лишь рекламные проспекты и инструкции по пользованию стиральными машинками и телевизорами. Каттани не мог сдерживать досады. Он ощупывал рукой каждый уголок и вдруг в одном из ящиков, кажется, что-то нашел. Пальцы натолкнулись на маленький плоский предмет, приклеенный к стенке ящика липкой лентой. Он его отодрал. Это был крошечный ключик, вроде тех, которыми запирают чемоданы.

Положив его на ладонь, Каттани старался отгадать, для какой же скважины он предназначен. Для ящиков стола слишком мал. Других шкафов на складе не было. Он вышел из каморки и увидел перед собой большой старый холодильник с погнутой дверцей. В ручке ее он заметил маленькую замочную скважину. Попробовал вставить в нее ключик. Тот легко повернулся.

Внутри холодильника все полки были заставлены серыми папками, пухлыми от бумаг. Все находилось в идеальном порядке. Каттани опустился перед холодильником на колени, словно преклоняясь перед этим сокровищем, собранным другом, заплатившим за свое собрание жизнью. Теперь ему предстояло отомстить за Ферретти, используя этот вот материал.

Он начал с верха. Взял все папки с первой полки и перенес за перегородку. Уселся там за стол и принялся просматривать документы листок за листком, карточку за карточкой, деля их на две части. Он работал с какой-то лихорадочной тщательностью, вздрагивая от малейшего шума. Он отрывался от бумаг, сердце замирало, и рука тянулась к лежащему рядом пистолету.

От возбуждения он не ощущал усталости. Так, погруженный в документы, проработал всю ночь. Закончив, нашел картонную коробку, наполнил ее бумагами, отложенными им в большую грудку, и заклеил липкой

лентой. Потом взял меньшую часть отобранных бумаг и положил их в другую коробку.

Прежде чем вынести коробки, позаботился захлопнуть дверь опорожненного холодильника и запереть ее на ключ. Запер также и металлический шкаф и покинул склад. На улице первые отсветы зари уже сливались с тусклым светом фонарей.

Каттани засунул на заднее сиденье машины коробки побольше, а меньшую поставил рядом с собой впереди. Улицы были тихи и безлюдны. Он поехал по набережной Тибра. Свинцовая река отражала проблески рас-света. На углу он увидел грузовик мусорщиков. Машина заглохла, мешки с мусором и измывала его. Он остановился позади грузовика. Вынул из машины большую коробку и знаком показал мусорщикам, что хочет ее выкинуть. Поставил на движущуюся ленту и увидел, как та ползла вверх, а потом вдруг провалилась в чрево уборочной машины.

* * *

Каннито без стука вошел в кабинет Каттани.

— Идем, — сказал он, — отвези меня на своей машине на похороны Ферретти. Начальник отдела «Зет» изображал на лице скорбь.

— Я совершенно разбит, — пожаловался он, усаживаясь рядом с Каттани. — Эта история выбила меня из колен.

Каттани вел машину молча. Маневрировал меж автомобилей.

— Дорогой Коррадо, — проговорил Каннито, — помимо огорчения из-за ужасной гибели Ферретти, меня, должен тебе признаться, мучает также сознание того, насколько глубоко я ошибался в этом человеке. Да, он стал вести себя довольно подозрительно, уклончиво. В последнее время избегал меня. А ведь кто, как не я, продвигал его по службе, всячески помогал! И чем он мне отплатил? Ах, поверь, это меня глубоко огорчало. Боюсь даже, что его кто-то подкупил.

— Я его недостаточно хорошо знал, — безучастно проговорил Каттани.

— Ах, первоклассный работник. Я готов был за него поручиться головой. И вот на тебе... Иной раз самые безупречные, вне всяких подозрений, на поверку оказываются хуже некуда... — Каннито глубоко вдох-

нул. — Но теперь он мертв. Что сейчас его судить... Кто знает, эта машина сбила его случайно или нет... Но как бы то ни было, шума по этому поводу поднимать не следует — вряд ли кому-нибудь оно будет полезно. Затем, чуть расслабившись, добавил другим тоном: — Ну, ладно, хватит об этом. — И, хлопнув Каттани по колену, спросил: — А ты поддерживаешь контакт с Террачини?

— Почти что нет.

— Тебе надо бы почаще с ним встречаться, — посоветовал начальник. И с саркастической усмешкой добавил: — Странный человек этот адвокат. Вбил себе в голову черт знает что. Не знаю, что они там задумали — он и этот американо-сицилийский буйвол.

— Прекрасно вы это знаете, — едко заметил комиссар.

— Ах, дорогой Коррадо, увы, все в прошлом, — ответил Каннито. — Когда-то я действительно все знал. Но ветер переменился. — И, неожиданно помрачнев, уставился на бегущую перед ним дорогу. — И тот, что дует сейчас, весьма опасен. Он предвещает бурю.

ОТКРЫТАЯ ВОЙНА

Когда Эльзе увидела Каттани на пороге, у нее упало сердце. Как он смеет время от времени, всегда вот так неожиданно, появляться и бередить старые раны? Поэтому теперь, в своем домике в Эвиане, она старалась держаться с ним отчужденно.

— Я боюсь, Эльзе, — говорил Каттани. — Вспоминается землетрясение в Авеллино. Все вокруг дрожало, стены дали трещины. Мы выскочили из дома, под дождь. Ты взяла меня под руку, и мне стало спокойнее. — Коррадо протянул руку и сжал ей локоть. — Только ты одна можешь помочь мне.

Эльзе не могла скрыть замешательства.

— Но что и могу для тебя сделать?

— Ты единственный человек, которому я безраздельно верю. Только тебе одной я могу все рассказать.

— Прямо, не знаю, — произнесла Эльзе со вздохом, — мы так часто не понимали друг друга...

В душе ей хотелось согласиться с ним, сказать, что жить вдали друг от друга — неслепое, но болезненное, постигнет разочарование, удерживала Эльзе.

Коррадо откинулся на спинку кресла. Таким удрученным и растерянным она его видела, только когда умерла Паола.

— Я веду безнадежную борьбу, — продолжал он. — В одиночку. Вчера убили единственного оставшегося у меня друга.

Эльзе в тревоге подалась вперед.

— Тебе тоже угрожает опасность?

— Да, — ответил он. — Моя жизнь в опасности. — Он раскрыл чемодан и вытащил из него картонную коробку. — Поэтому я хочу отдать тебе на хранение важные документы. Это материалы, касающиеся Каннито и всей его компании. Копии их у меня есть в Риме. Сними с них еще копии и передай какому-нибудь нотариусу, которому ты доверяешь. — Он положил ей на плечо руку. — Если со мной что-нибудь случится, разложи их по адресам, указанным в этом конверте.

— Боже мой! — Эльзе закрыла лицо руками. — Что происходит, Коррадо?

— Успокойся. Главное, чтобы никто тебя не подозревал. Если кто-нибудь спросит, скажешь, что ты меня не видела после похорон Паолы. Никогда не звони мне по телефону, я сам дам о себе знать. Скажешь еще, что меня ненавидишь, не желаешь видеть, так как знаешь, что у меня другая женщина.

Эльзе положила коробку с документами себе на колени.

— А у тебя действительно есть другая женщина?

— Да разве это имеет какое-нибудь значение? Она тоже участвует в той смертельно опасной игре, в которую я оказался втянут.

— И не более того? — в светлых глазах Эльзе мелькнула тревога.

— Не более того, — со вздохом ответил он.

* * *

Встретаться с Терразини снова у себя дома он опасался. Назначил ему свидание в начале автострады на Неаполь.

Терразини уже ждал его там. Каттани остановил свою машинку рядом с его и протянул в окно пухлый конверт. Он содержал копии лишь части документов, отданных на хранение жене.

— Хороший товар? — заинтересовался адвокат,

расстегивая «молнию» своей сумки и опуская в нее конверт.

Каттани утвердительно кивнул:

— Большой изрывной силы!

— Это хорошо. А о чем там идет речь?

Каттани выключил мотор и подвинулся ближе к окну. Терразини, облокотившись на опущенное стекло окна своей машины, ждал ответа.

— На этот раз указаны имена и фамилии, — сказал комиссар. — Документы тут двоякого рода. Одни из них касаются крупной сделки, заключенной несколько лет назад. Она была осуществлена при покровительстве Каннито. В бумагах имеются доказательства. Эта история не получила огласки. Но все же Каннито, по-видимому, стал жертвой шантажа и лишился своего прежнего места.

— А другие бумаги?

— Они относятся к назначению Каннито шефом отдела «Зет». Документы говорят ясно: он был назначен под давлением Ассоциации Лаудео. — Каттани подозрительно оглянулся вокруг. — Тут еще говорится об одной истории с поставками оружия, — добавил он. — Каннито уязв на уши. Ему перевели «комиссионные» на счет в одном швейцарском банке.

— Черт возьми, вот это да! — воскликнул Терразини. — А как вам удалось завладеть этим сокровищем? Каттани небрежно взмахнул рукой.

— У меня есть друзья в полиции. И многие ненавидят Каннито.

— Понимаю, — Терразини потер подбородок и спросил: — Ну а вы сами почему это делаете?

— У меня на то свои причины, — ответил Каттани. И, словно оправдываясь, продолжал: — У меня с Каннито отаратительные отношения. А с вами складываются, наоборот, прекрасные.

Терразини сжал губы и вытянул их вперед так, что они стали похожи на утиный клюв.

— Ну что ж, отлично, — протворил он. — Вы молоды, а я знаю, сколько получает полицейский комиссар. — Он сунул руку в сумку и достал конверт. Протянув его Каттани, добавил: — Это маленький аванс. Поразвлекайтесь. И когда понадобятся еще деньги, вам достаточно об этом сказать. Меня радует, что вы начинаете понимать, как надо себя вести. Ну, до новой встречи!

Терразини подмигнул и включил зажигание.

Каттани повертел в руках толстый конверт с ассигнациями и сунул его в кармашек рядом с приборной доской. С трудом втиснулся в двойной ряд машин поблизости от церкви Санты Мария Маджоре. Приваркопался, вынул конверт и направился в сторону базилики. Поднялся по лестнице, ведущей в храм. На несколько секунд приостановился в нерешительности у огромного портала. Затем твердыми шагами направился к правому притвору. Там перед кабиной исповедника стояла на коленях старушка в накинутой на голову кружевной шали. Он подождал, пока она кончит исповедоваться.

Увидев, что она, перекрестившись, подымается с колен, он быстро подошел к кабине и сам опустился на колени. За решеткой он услышал сонный голос священника, который принялся привычно бормотать:

— Во имя Отца и Сына и...

Послушайте, святой отец, — резко прервал его Каттани. — Я не собираюсь исповедоваться. Мне некогда. Я хочу оставить вам конверт с большой суммой денег. Употребите их на благотворительные цели.

После некоторого замешательства из кабинки позвонил священник.

— Подождите! — крикнул он.

Но Каттани уже покинул приятную прохладу церкви и вновь погрузился в раскаленную жару.

* * *

— Фьють! — присвистнул Мауризи. — Тут в самом деле есть над чем посмеяться! — Он просматривал документы, которые дал ему Терразини. — Сильная штука, ну и ну! — Чем дальше он читал, тем становились громче взрывы его хохота. — Представляю себе рожу Каннито, когда он увидит это все опубликованным! Ха-ха-ха!

Он небрежно бросил документы на стол. Взял из ведерка со льдом бутылку шампанского и налил доверху бокал.

— Вы знаете, что я заметил? — сказал он, обращаясь к Сорби. — Эти доверенности написаны кое-как. Наверно, их писал какой-нибудь старшина, которого сделали секретным агентом. Ведь материалы оттуда?

— Это вас не должно интересовать, — метнул на него убийственный взгляд Терразини. — Происхождение бумаг нас не касается.

— Да ради бога. Я просто сделал маленькое замечание. — Мауризи залпом осушил бокал и налил себе новый. Взял пальцами за край расстегнутую на груди рубашку и потряс, чтобы чуточку охладиться. — Ну и жара, ребята. Так что будем делать со всем этим добром?

— Выпустим еще одну брошюрку, — сказал Терразини. — На обложке должна быть фотография Каннито и анонс о будущих сенсационных разоблачениях.

— Ах, ах, ах, вы собираетесь поджаривать его на медленном огне, — ухмылянулся Мауризи. — Значит, только анонс. Предоставьте все мне: без ложной скромности должен сказать, что в этих делах я настоящий мастер. — Он взбил свою шевелюру. — Да, черт побери, — продолжал он с сожалением, — у меня были способности. Мог стать видным журналистом. А вместо того занимаюсь вот этой чепухой...

Жалобы Мауризи на жестокую судьбу не растрогали Терразини. Он сказал:

— Нам будет достаточно пятисот экземпляров брошюрки. И будьте наготове к выпуску следующей.

— Жду ваших приказаний, — ответил Мауризи, торжественно подняв руку. Он был уже немного навеселе. — Подчиняюсь, как сказал Гарибальди. Однако сейчас я вынужден просить отправить меня домой, моя машина сломалась как раз у вашего дома. Черт возьми, придется покупать новую.

— Я уже сказал шоферу, — вместо прощания холодно проговорил Сорби.

Банкир подошел к большому окну.

— Вам нравится эта идея о публичных разоблачениях?

— На этом настаивает Карризи, — задумчиво ответил Терразини. — Приходится с ним считаться.

— Гм. Будем надеяться, что это не создаст препятствий на пути к соглашению. — Сорби желал скорее закончить это дело. Всякая угроза проволок доставляла ему прямо-таки физические страдания. — Может быть, и не стоило развязывать такую войну. Достаточно было назначить меньший процент, они бы согласились.

Фотография Каннито была сделана несколько лет назад. С нее смотрела его лисья физиономия с хищными глазками, в которых застыло диковатое выражение — по-видимому, из-за ослепившей его неожиданной вспышки. Теперь этот, неизвестно где найденный портрет красовался на обложке очередного выпуска «Злого языка».

— Вот до чего мы дошли, — бешовался Каннито, колотя журналом по столыку на террасе. — Вот результаты предательства Ферретти. — Он весь вспотел и обер платком шею. Направив палец в сторону сидящего молча Лаудео, он сказал: — С этим пора кончать. И немедленно!

— Я сделаю все, что возможно, — пробормотал Лаудео.

— И даже то, что невозможно! — не мог успокоиться Каннито, размахивая платком, как флагом. — Да, да, даже то, что невозможно, потому что, если пойду ко дну я, вы тоже все погибнете! — Он расхаживал взад-вперед по террасе, словно тигр в клетке. Время от времени кивал головой, будто одобряя какие-то возникшие у него идеи, как расправиться с противниками. — Да, мы пойдем ко дну все вместе. Не строите иллюзий. Мы все в одной лодке.

— Ну перестаньте, хватит, — встревоженно сказал Лаудео. — Не надо паниковать. Они ведь на это и рассчитывают.

Каннито обер лоб.

— Сволочи, — прохрипел он, с трудом проглатывая стоящий в горле ком. — Я никогда никого не предавал, — обратился он к Лаудео, словно уже чувствуя, что от него начинают все отворачиваться. — Если вы помните, я всегда действовал ради общего блага. Поэтому поспешите: следующий номер этого клеветнического журнальчика не должен выйти!

Сидящий молча в соломенном кресле Лаудео — устремленный прямо перед собой взгляд, локти, упершиеся в ручки кресла, скрещенные руки — напоминал финкса.

— Мне кажется, — наконец произнес он, — я понял, к кому они обратились с этим делом. Я с этим человеком поговорю.

— Вот и прекрасно. — Каннито немножко приобод-

рился. Вы должны мобилизовать всю сеть вашей Ассоциации, чтобы помешать их гнусным проделкам.

— Будьте спокойны, — сказал Лаудео. — Этот журнальчик больше не выйдет.

— Дело не только в журналистах. Есть еще депутаты и сенаторы. Так же рады прислуживать. Я могу воздействовать на кого-нибудь из них, чтобы он ввел в парламенте запрос правительству. Достаточно, если он лишь наметит на то, каким образом Терразини и его дружки получили земельные участки на Сицилии.

— Не знаю, насколько уместен был бы такой ход, — проронил Лаудео сквозь зубы.

— Вы хотите оградить от неприятностей? — начал вновь горячиться Каннито. — Терразини предал нас и должен за это заплатить.

— Возможно, он был вынужден уступить желанию Карризи. Его связи с Соединенными Штатами, наверно, прочнее, чем с нами.

— Плевать я на это хотел! — заорал Каннито. — Они все должны ползти у наших ног, эти мерзавцы.

Маленький оркестр играл «Папа, не проповедуй» — известный шлягер Малонни. Вспыхивающие разноцветные огни высветляли то головы, то ноги танцующих. Фигуры, выхваченные на какую-то долю секунды из темноты, казались марионетками, движения их были резкими и судорожными.

От площадки для танцев отделился полноватый молодой мужчина. Он танцевал с собой за руку бюрократку с длинными распущенными волосами, в мини, которое даже нельзя было назвать юбкой. Это был Маурили. Приблизившись к стойке бара, он был неприятно поражен, увидев облокачившегося о нее с бокалом в руке Лаудео.

— Профессор, — с изумлением приветствовал он его, — вот уж никак не думал, что вы посещаете подобные места!

На Маурили был пиджак из блестящей материи, расстегнутая до пояса рубашка, а на голове — черная шляпа. Хотя он и старался не показать вида, присутствие Лаудео его явно нервиловало.

— Однако, как видите, — сказал профессор, — я тоже не избегаю таких заведений. Отойдите в сторонку, мне надо с вами поговорить.

— Да нет, — пролепетал Маурили, — сейчас я занят. — И, подмигнув, показал на девушку. Та, словно он собрался ее представить, склонив голову набок и кокетливо улыбаясь, поздоровалась с Лаудео.

— Всего на одну минутку, — сказал Лаудео тоном, не допускающим возражений, — Разговор будет совсем короткий.

— Ну, если так, — неуверенно ответил Маурили, — тогда сейчас иду. — Он похлопал брелок по щеке и сказал ей: — Будь добра, подожди меня здесь, дорогая, я мигом вернусь.

Лаудео жестом указал на выход. Когда они вышли из бара, профессор сразу перешел к делу.

— От кого получила эти материалы Терразини? — спросил он.

Маурили будто свалился с Луны.
— Вот чего не знаю, того не знаю. И даже не пытаюсь узнать. Не хочу неприятностей. Я делаю лишь то, о чем меня просят.

— Ах, Маурили, Маурили, — укоризненным тоном проговорил Лаудео. — Когда я понял, что это дело наших рук, я испытал глубокое разочарование. Как мог такой интеллигентный человек, как вы, связаться с этими мошенниками. Невозможно поверить! Моя Ассоциация готова принять вас с распростертыми объятиями. Ведь достаточно было лишь позвонить мне по телефону... — Он снял очки и протер их платком. — Сколько эти типы вам платят?

— Двадцать за каждый номер.
— Суише пустяки! Мелочь. Вы — талантливый журналист. Оставьте эту чепуху. Я могу вам дать в руки телевизионную программу, вы будете зарабатывать по крайней мере вдвое больше, чем вам платят эти голодранцы.

— Это было бы неплохо, профессор. Но что поделать, ведь уже имеется договоренность.

Лаудео засунул вышитый платок обратно в верхний кармашек пиджака.

— Понимаю, — проговорил он, — но всегда можно найти решение...

С несчастным видом Маурили снял свою черную шляпу и пригладил кудри.

— А кто поговорит с ними? Вы?

— Не стройте из себя святую наивность, — сказал Лаудео, подтолкнув его локтем в бок.

Маурили начал обливаться потом. Обмахиваясь шляпой, он ответил со вздохом:

— При чем тут наивность? У меня нет никаких предрассудков. Для меня все одно, кто мне платит — вы или они. Но больше всего я дорожу безопасностью. Не хочу заплатить собственной шкурой.

— Безопасности! И вы ищете ее у них?! Сами прекрасно знаете, что гарантировать безопасность можем только мы. — Лаудео легонько ткнул Маурили в живот, словно закрепляя договор, и добавил: — Держите меня в курсе всего, что они задумают. И прошу вас: постарайтесь не совершить ошибки.

Маурили прикрыл глаза. Понял, что попал между молотом и наковальней. «Те между собой грызутся, — подумал он, — а на орехи достанется мне!»

* * *

Под увитым зеленью навесом царил покой, который трудно себе представить тому, кто проводит свои дни в городской суете.

Худенькая и маленькая, как воробушек, жена Каннито выпорхнула из дома и заняла место за столом, за которым уже сидели ее муж и Каттани.

— Я накрыл в саду, потому что вам здесь нужно пользоваться случаем побыть на свежем воздухе, — сказала она и потренила мужа по щеке. — Я рада, Себастьяно, видеть тебя таким довольным, умиротворенным.

— О, да, — усмехнулся Каннито. — Мне действительно хорошо здесь. С тобой, с Коррадо. — Каттани взял бутылку и хотел наполнить бокалы. — Нет, погоди, — остановил его Каннито. — Надо другое вино. Это не пойдет.

— Да неизбежно. Не такой уж я пенитель, — сказал Каттани.

Но Каннито упрямо стоял на своем.
— Нет, нет. Мы оскорбили бы кулинарное искусство моей жены. Пойду принесу другого вина.

Жена проводила его взглядом. На лице у нее появилось озабоченное выражение. Она наклонилась к Каттани и прошептала:

— Вы видели этот полный журнальчик с фотографией и угрозами?

— Да, у меня он есть. — Комиссар играл на столе вилкой.

— Какой стыд, — сокрушенно продолжала хозяйка. — Эти бессердечные люди — настоящие гисны.

— У вашего мужа много врагов, — заметил Каттани.

— Знаю, знаю. Именно поэтому я и прошу вас... — Свою сухонькую ладонь она положила на руку Каттани. — Будьте с ним рядом, защищайте его. Себастьяно мне ничего не сказал, но, думаю, он вас пригласил сюда, чтобы поговорить как раз об этом. По-дружески, в домашней обстановке.

Птица уронила с навеса на стол сухую веточку. Каттани смахнул ее со скатерти. Эта женщина начала его раздражать. Неужели она, проведя всю жизнь рядом с Каннито, так и не сумела в нем хоть немного разобраться?

— Но я при моем положении вряд ли могу чем-то помочь.

Каннито возвратился с бутылкой другого вина. Он услышал последние слова и сразу же возразил:

— Не нужно себя недооценивать. У жены на лице появилось выражение, как у маленькой девочки, которую застигли за кражей варенья. Она проговорила:

— Извини, Себастьяно, может, мне не следовало, но я решила поговорить об этой неприятной истории с Коррадо.

— Ты сделала совершенно правильно, дорогая. У меня от Коррадо нет секретов.

Каттани резко поднял голову. — Хорошо, — сказал он, — вы ждете от меня помощи, совета. Один совет я могу вам дать. — И он устремил взгляд прямо на Каннито, который, казалось, был несколько ошарашен столь решительным тоном комиссара. — У нас есть единственный надежный путь избежать любого шантажа.

Каннито проглотил слюну.

— И какой же?

И хотя Каттани произнес свои слова вполголоса, они прозвучали в ушах Каннито раскатом грома.

— Оставьте свой пост, — сказал он. — Подайте в отставку.

Шеф отдела «Зета» уронил вилку. Приставил к уху ладонь, словно хотел лучше расслышать.

— Я должен уйти? Отказаться от карьеры из-за каких-то жалких вымогателей. Да ты понимаешь, что говоришь?

Каттани развел руками.

— Это мой вам совет. Так вы сможете спасти свою жизнь, избежать огласки ваших не слишком-то красивых дел, сохраните спокойствие семьи.

— Что ты хочешь сказать? Полагаешь, эти людишки в состоянии меня погубить? Неужели ты думаешь, я их испугался?

Лицо Каттани посуровело. Комиссар обвел мрачным взглядом стол и произнес:

— Вы могли бы избежать того, что наше имя появится в газетах. Могли бы начать новую жизнь — уединенную, без нервотрепки.

Жена Каннито разразилась слезами.

— О, господи, вы не знаете Себастьяно. Для него вся жизнь в его работе. Он меня, конечно, очень любит, но без работы он был бы конченный человек. О, прошу вас, не настаивайте!

Каннито опустил руку на плечо жены.

— Не надо, не плачь, дорогая. В сущности, только ты одна меня понимаешь. Только ты одна как следует меня знаешь.

— Прошу прощения, — сказал Каттани. — Я с вами говорил как друг.

— Гм! Понимаю твои чувства. Возможно, благородные. Обеспечить себе спокойную жизнь, быть может, для кого-нибудь другого было бы и прекрасно. Но только не для меня. Запомни это.

* * *

Черный лимузин прижался к тротуару. Маурини увидел сидящего на заднем сиденье Лаудео. Открыл дверь и уселся рядом с ним. Машина была новехонькая — в ней еще пахло краской. Шофер тотчас отпустил тормоз, и автомобиль рванулся вперед.

Маурини нервно ерзал, наконец, потерев щеку, проговорил:

— Они решили опубликовать все, что у них есть. — Он сунул ребром в рот ладонь и закусил мизинец. — Черт меня возьми, ведь я сам рою себе могилу. Про-

фессор, боюсь, добром это не кончится! — Он потер глаза. — Я уже сдал материал в типографию.

Лаудео ворковал, как голубок:

— Не тревожься, Мауриси. Мы тебя не оставим. — Опустив руку в портфель и вынул конверт. — Вот возьми, это скромный знак нашей признательности. А когда будут печатать?

— Завтра ночью.

— Где? В той же типографии, которая указана на прошлом выпуске?

— Нет, нет. Той вообще не существует в природе. — Он проверил, надежно ли лежит конверт во внутреннем кармане. — Ну зачем вы заставляете меня все вам говорить? Я же гублю себя! Проклятье, вот попал в переделку... Ну, в общем, печатаем в типографии «Стелла». Но прошу вас, не подставляйте меня под удар.

Лаудео подал знак шоферу. Лимузин остановился.

— Хорошо, хорошо, — оборвал Лаудео. — Можешь ни о чем не беспокоиться. — И вытолкнул Мауриси из автомобиля.

ПРАЗДНЕСТВО

Бассейн на вилле Сорби был подсвечен снизу и казался огромным зеркалом, брошенным посреди зеленой лужайки.

— Самая серьезная проблема — это Ближний Восток, — говорил солидный господин с золотым перстнем на мизинце, обращаясь к трем дамам в длинных декольтированных платьях. — Ближний Восток приведет нас к катастрофе.

Его мрачное пророчество было заглушено оркестром, заигравшим что-то заджигательно-веселое. Перед микрофоном появилась темпераментная негритяночка и начала в такт извиваться всем телом, испуская пронзительные вопли.

Приглашенные на этот большой вечерний прием пришли в движение, в полумраке начались танцы.

Элне — златокудрая любовница Сорби — была за хозяйку. На лице ее застыла любезная улыбка, и она всем своим видом показывала, что все идет как нельзя лучше.

Увидев Каттани, стоящего в одиночестве с бокалом в руке, она поспешила к нему.

— Эй, привет! Ты помнишь меня?

— Конечно, помню.

— Но объясни, ради бога, на кого ты дуешься?

— Ни на кого. — Каттани с удивлением взглянул на нее. — С чего ты взяла?

Девушка состроила смешную гримаску, надув щеки и поднеся руку к губам.

— У тебя вечно вот такая мрачная физиономия, — сказала она.

С веранды донесся взрыв общего смеха. Там за столом сидели Терралини, Сорби, Карризи, несколько увешанных драгоценностями дам и двое вылощенных мужчин.

Сорби поднялся из-за стола и, попросив извинения, отошел к другим гостям.

Никто не обратил внимания на его уход. Все слушали американца, который сыпал анекдотами.

— Вот послушайте этот. Мне рассказал его сегодня мой друг по телефону из Соединенных Штатов.

Господин с пышными бакенбардами попытался сострить:

— То-то всегда занята линия с Нью-Йорком!

— Ха-ха-ха! — разразился смехом Карризи. Он залпом выпил свое виски. От спиртного он легко терял контроль над собой. Вид у него был совсем ослепший. Положив руку на колено соседки, он продолжал: — Я каждый день говорю по два-три часа с Нью-Йорком, Лас-Вегасом, Детройтом. Ха-ха-ха! Бизнес! Но время от времени мы развлекаем друг дружку какой-нибудь забавной историей. Вот послушайте анекдот. Американский президент видит во сне, что к нему прибежали несколько чертенят. «Что вам от меня надо?» — спрашивает он их, немножко испугавшись. «Вы знаете, — отвечают они, — умер Сталин и попал в ад». — «Ну а вам что тут надо?» — «А мы — первые беженцы».

И Карризи сам залился громким смехом.

* * *

Каттани бродил по саду, шумное вульгарное веселье его раздражало.

Вдруг он услышал, как его кто-то окликнул. Он обернулся и за одним из столов увидел Ольгу Камастру.

— Не хотите ли присоединиться к нам? — пригласила графиня. Она обратилась на «вы» отчасти в шутку, отчасти потому, что сидела в совершенно незнакомой ему компании.

— Спасибо, — ответил он.

Все подвинулись, освобождая место. Ольга представила своих соседей по столу.

— Очень приятно, — Каттани уселся рядом с Ольгой. Она, склонившись к нему, кокетливо уперлась:

— Вы со мной даже не поздоровались...

— Прошу извинить, графиня.

— Да я вас упрекаю не за сегодняшний вечер, а за все последние недели. Вы куда-то совсем исчезли.

— Да, это непростительно с моей стороны, — сдержанно признал он свою вину.

Графиня отбросила притворную суровость и весело рассмеялась. В его присутствии ее охватывало чувство счастливого покоя.

Лавируя между столами и танцующими парами, Сорби и золотокудрая Эллис бдительно следили за ходом праздника. Бродя из конца в конец по лужайке, они неожиданно столкнулись лицом к лицу у бассейна.

— Ну, как дела, дорогая? — спросил Сорби.

— Отлично, започки. — Она потрепала его по щеке и чмокнула в лоб. — Я немощно притомилась, но прием, по-моему, удался на славу. Как тебе кажется?

— Да, дорогая. Ты была на высоте. — Он склонил лысую голову и поцеловал девушке руку. — Завтра воскресенье, — сказал он, — и мы сможем с тобой вдвоем спокойно отдохнуть.

— Да, мое сокровище. — Эллис так с ним сюсюкала, можно было подумать, она в самом деле искренне любит этого коротышку. — Как дела с американцем?

— Гм, неплохо. Вроде начинаем находить общий язык. Были некоторые трудности, но теперь как будто они позади.

Заметив проходившего мимо официанта с подносом, установленным бокалами, Эллис на ходу схватила стакан с апельсиновым соком и протянула башкиру.

— Я видела, ты пригласил также и этого полицейского, — сказала она.

— Спасибо, дорогая, — проговорил Сорби, делая глоток сока. — Ах, ты имешь в виду Каттани. Да, это была идея Терразини. Адвокат говорит, что имеет

смысл с ним познакомиться. Он может оказаться полезен. Я-то думал, он тебе симпатичен.

Эллис поджала губы.

— Нет.

— Ах, нет? А что так?

— Сама не знаю почему, — пожала плечами девушка. — Он нагоняет на меня тоску...

* * *

В то время как в доме Сорби царил всеобщий праздник, в узком улочке центра Рима с трудом пробиралось желтое такси.

На заднем сиденье развалился Маурили.

— Останови здесь, — приказал он водителю. — И подожди меня.

Он вылез из машины. И тут пожарная машина с включенной сиреной потребовала у остановившегося такси дать дорогу. Из переулков сбегались прохожие. Маурили свернул за угол, и в него ударило жаром. В ту же секунду он увидел пылающий, как костер, дом.

Огонь охватил помещение на первом этаже.

Двое молодых людей поддерживали под руки старика, который причитал на всю улицу:

— Все прахом! Теперь мне конец.

Языки пламени начали лизать фасад здания. Поднимаясь все выше, они охватили и буквы вывески «Типография «Стелла».

— Подложили бомбу, — рассказывал любопытным регулировщик в то время, как пожарные направляли на горящее здание все новые струи воды. — И взорвали весь первый этаж. Все взлетело на воздух — типографские машины, рулоны бумаги, ящики с набором... Со всем как в Ливане!

Двое полицейских орли до хрипоты, пытаясь сдержать напавшую толпу, которая росла с каждой минутой. Маурили глядел на летающие в воздухе, словно тшето ищущие спасения бабочки, листы бумаги. Плана их настигало и всасывало назад, в пекло пожара.

Маурили, как во сне, возвратился в такси.

— Что там случилось? — спросил шофер.

— Взорвали типографию.

— Черт бы их всех подрал! — ударил шофер по ручке тормоза. — Житья от них не стало, от этих банди-

тов. — Он вел машину, то и дело оборачиваясь к Маурири. — Куда смотрит правительство? Если не бороться с преступностью, нам всем скоро крышка! Всех нас сожрут за потрохами!

Шофер все больше распалялся, с возмущенным видом поглядывая в зеркальце на пассажира, словно тот виноват в происходящем.

— Ну что я могу тебе сказать? — рассеянно ответил Маурири. Он чувствовал, как одежда прилипает к телу. В голове гудело. — Будь добр, притормози у той телефонной будки. Мне нужно позвонить.

Набирая номер, он заметил, как сильно дрожат у него пальцы.

— Эй, послушай, — проговорил он, когда ему ответили. — У меня серьезные неприятности. Если ты мне друг, то должен помочь. Что? Что ты можешь сделать? Мне нужны два-три миллиона. Я должен исчезнуть. Должен спрятаться... Сейчас не могу ничего объяснить. Помогли мне. Я тебе их верю через неделю, самое большее — десять дней. Надо переждать, пока все уляжется... Не говори так, неужели ты можешь мне отказать? Да они у тебя наверняка есть? Ах, нет? Тогда разреши пожить в твоём загородном домике. Я сейчас заеду за ключами. Ну неужели ты мне откажешь и в этом? Как ты можешь меня бросить в беде, ведь ты мой друг. Повторяю: у меня неприятности, и притом очень серьезные. Понимаешь? Алло! Алло!.. Ах, чтоб ты содох, сукин сын.

Он швырнул трубку и снова влез в такси.

Водитель окинул его внимательным взглядом. Заметив подавленный вид пассажира, спросил, что у него за проблемы.

— Нет, нет, — несколько раздраженно ответил Маурири. — Какие еще проблемы? Отвези-ка меня на Аппи-еву дорогу. Поехали.

Он вылез у виллы Сорби. Празднество было в полном разгаре. Бассейн сверкал и переливался.

Слуга доложил о нем Сорби. Банкир быстро вышел к нему.

— Что случилось?

— Несчастье, коммендаторе, — горестно ответил Маурири. — Они взорвали типографию. Все сгорело. Оригиналы статей, гранки, абсолютно все! Я поспешил вам поскорее сообщить... Мне очень жаль, что я испортил праздник...

— Идите сейчас же в мой кабинет, — прошипел банкир.

Сорби был вне себя. Но, когда подошел к столику Карризи, постарался не подавать виду, вызвал из себя улыбку и извинился:

— Я вынужден на минутку, друзья, нарушить вашу компанию. Я похищу у вас совсем ненадолго министра Карризи и адвоката Терразини.

— Ну что за манеры! — вставая, пошутил Терразини. — Как раз когда подали такую восхитительную форель, вы меня куда-то уведите!

Увидев перед собой всех их троих, Маурири почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

— Так вот... около часа тому назад, — забормотал он, — мне позвонили домой. И сообщили это ужасное известие. Я не знаю... как это назвать. — Он провел рукой по своей пухлой физиономии и почувствовал, что обливается потом, словно вышел из-под душа. — Я схватил такси, потому что моя машина в ремонте. Знаю, давно следовало бы купить себе новую. Совсем уже не тянет. Представляете, выпуска шестьдесят восьмого года... Он был настолько перепуган, что слова лились словно помимо его сознания.

— И как раз тогда, когда мы должны были печатать, — ледяным тоном подчеркнул Терразини. — Удивительно точно выбрали время.

Маурири в его словах слышалось обвинение. По спине пробежал холодок.

— Кто-то им сообщил, наверняка кто-то шпионит. — Он лихорадочно пытался отвести от себя подозрения. — Кто вам дал эти материалы? Несомненно, он и наступал.

Хотя голова у американца и была несколько затуманена алкоголем, он не упускал из виду практическую сторону дела.

— Материалы погибли все полностью? — спросил он.

— Я снял с них фотокопии, — немного приободрился Маурири. — Но вы понимаете, что найти другую типографию, все подготовить заново, а потом напечатать — все это потребует некоторого времени. Пожалуй, дней десять.

— Нет, нет, — перебил его Терразини. — Не будем больше об этом говорить.

— Как? Откажемся? Остановимся на полдороге? —

У Маурили пересохло в горле. Он тишечно искал взглядом, чего бы выпить.

Вместо ответа Терразини сам задал Маурили вопрос:

— А кто, кроме нас, знал о типографии?

— Никто.

— Гм, — произнес Терразини, размышляя о всей этой истории. — Фотокопии есть и у нас. С этим нет никаких проблем. Мы немного подумаем, а потом дадим вам указания.

— Ну, хорошо, — радуясь, что тучу проясло, Маурили поднялся из кресла. Ему не терпелось поскорее уйти.

— Куда вы? — остановил его Терразини. — Вы хотите нас сейчас покинуть? — Он вцепился ему в плечо своей похожей на клешню рукой. — Пойдем что-нибудь выпьем.

В ночной темноте слышались звуки оркестра.

Выйдя на свежий воздух, Маурили ощутил странное головокружение. Заметив буфетный стол с напитками, он освежился стаканом ледяного лимонада и сразу почувствовал облегчение. Поставив пустой стакан, он взял другой, с виски. Он бродил меж столов, дрожа от съевшего его беспокойства, как лиса, почуявшая приближение собак.

— Отдыхайте, развлекайтесь, — подбодрил его Терразини. — А когда решите уходить, я распоряжусь, чтобы вас отвезли.

Адвокат, прищурясь, поглядел вслед Маурили, вновь приблизившемуся к столу с напитками.

— Что вы думаете обо всей этой истории? — спросил Карриз.

— Все очень просто, — зло процедил сквозь зубы Терразини. — Кроме нас, в курсе дела лишь два человека. Один из них нас предал: или Маурили, или Каттани.

Каттани танцевал с Ольгой.

— Ты знала, что меня здесь встретишь? — спросил он.

— Даже не предполагала. А ты знал, что я сюда приду?

— Нет, не знал.

— Ну что ж. Мне нравится вот так встречаться, никогда не улаживаясь заранее о свидании. Все происходит вроде бы случайно. Это очень привлекательный способ поддерживать отношения. Без громких слов, без

обязательств! — Она нежно опустила голову на плечо Каттани. — Сегодня мы с тобой впервые открыто показываемся вместе на людях. Мне это нравится, так приятно. Не вижу никаких причин, почему нам надо таяться.

— А как отнесутся к этому окружающие? — шутливо спросил он. — Наверное, будут немало шокированы тем, что такая наполовину мафиозка, как ты, связалась с полицейским.

— Ты полагаешь, это нас сильно скомпрометирует?

— О, да! Особенно тебя.

Музыка смолкла. Ольга задержала руку Каттани в своей, ожидая нового танца.

— Дорогой комиссар, — продолжала она тем же тоном, — уж не думаешь ли ты, что кому-нибудь другому предоставлялась такая блестящая возможность?

— Какая возможность?

— На глазах у всех выступать в роли любовника графини Камастры.

— Благодарю за оказанную честь, госпожа графиня.

Она рассмееалась. Потом, когда вновь грянул оркестр, закрыла глаза и прильнула к Каттани, отдаваясь ритму танца.

* * *

Было уже далеко за полночь. Маурили устал жевать тартинки — он непрерывно поглощал их уже больше часа.

К нему подошел развязный молодой человек в галстуке-бабочке, с острым, хищным профилем.

— Адвокат Терразини поручил мне отвезти вас домой, — сказал он. — Если хотите, идемте.

— Угу, — кивнул Маурили с полным ртом. Он проглотил последний бутербродик, облизал пальцы. Обер бумажной салфеткой рот и бросил ее на пол. — Пошли!

Он пошел за парнем на площадку для машин, сплошь заставленную большими, сверкающими автомобилями. Усаживаясь рядом с ним на переднее сиденье отливающего металлическим блеском «вольво», Маурили заметил, что сзади в машине уже сидят двое.

— Мои друзья, — представил их владелец «вольво», — Я их тоже развезу по домам.

Машина тронулась.

Начали разъезжаться и другие приглашенные. За сидней у Каттани неожиданно вырос подошедший неслышными шагами Терразини.

— Вы играете в покер? — задав неожиданный вопрос адвокат.

— Немножко играю, — ответил удивленный Каттани. — А что?

— Да вот нашему общему другу Карризи хочется перекинуться в картишки.

— Благодарю за предложение, но я собирался пораньше лечь спать.

— Мы задержимся совсем ненадолго, — продолжал настаивать адвокат. — Я пригласил также и графиню Камастру, и она любезно согласилась... Я видел, что сегодня вы ее на весь вечер у нас похитили... Ха-ха!

Не отреагировав на его последние слова, Каттани ответил:

— Еще раз повторяю: хотя завтра и воскресенье, мне надо рано вставать, у меня полно срочных дел.

— Да вы ведь еще молоды, — процедил сквозь зубы Терразини. — Можете и недоспать. — В его взгляде не осталось и следа любезности, один холодный блеск. — Идемте. Для вас от этой партии в карты может очень многое зависеть...

Каттани понял, что выбора у него нет.

Вместо того чтобы ехать по Аппиевой дороге, машина, в которой сидел Маурили, свернула на какой-то проселок. Теперь она неслась меж полей и рощ. Вокруг ни одного огонька.

Маурили ничего не понимал. Он тшетно напрягал зрение, пытаясь как-то ориентироваться. Но из мчащейся машины было ничего не различить.

— Куда мы едем? — тревожно спросил он. — Вы уверены, что эта дорога ведет в город?

Никто ему не ответил.

— Эй! В чем дело? — Он резко обернулся, надеясь получить объяснения от сидящих сзади. В полумраке он увидел их непроницаемые лица — один был усатый и широколицый, другой — худенький, с выдающимся

кадыком, мерно двигавшимся вверх-вниз — парень жевал резинку.

Вдруг машина затормозила. Свет фар выхватил из темноты неясные очертания старого деревенского дома.

— А, понимаю! — чутьчку приободрился Маурили. — У кого-то, верно, схватило живот...

* * *

Гости все разъехались. Музыканты сложили свои инструменты. Огни были погашены, освещенной во всей выдале оставалась только гостиная.

За столом играли в покер. Шарил такая напряженная тишина, словно с минуты на минуту должно было что-то произойти.

— Открываю, — проговорил американец. — Двести тысяч.

— Согласна, — отозвалась графиня Камастра.

— Двести тысяч? — переспросил Каттани. — Ну что ж, хорошо.

— Я тоже согласен, — последним сказал Терразини. — Сколько вам карт?

Сидящий с краю Сорби нервно наблюдал за игрой. Слыша называемые цифры, он каждый раз облизывал губы.

* * *

Молодой человек, сидевший за рулем, приказал Маурили выйти из машины.

— Вы что, собираетесь меня здесь бросить? — прерывисто дыша, попробовал протестовать журналист.

— Вылезай! — гаркнул тот.

Сидевшие сзади вышли из автомобиля. Один из них распахнул переднюю дверь и потянул Маурили за руку, вытащил его из машины.

— Эй, вы обалдели? Что вам от меня надо? — скулил Маурили. — Разве я вам что-нибудь сделал? Оставьте меня в покое. Пустите! Помогите-е-е-е!

Его втащили в полуразрушенный дом. От яркого света фар сюда доходило лишь тусклое мерцание. Маурили споткнулся и чуть не упал. Усатый поддерживал его. Потом, резко дернув за руку, повернул лицом к себе. И изо всех сил ударил кулаком: Маурили со стоном

унал-накзичи. Второй, схватив за отворот пиджака, поставил его на ноги.

— Кому ты сообщил название типографии? — прошипел он.

— Какой еще типографии? — пролетел журнал.

Вместо ответа он получил еще один сильный удар в лицо. Стукнулся головой о стену и был оглушен. Из расщелин скулы сочилась кровь.

— Да вы что, убить меня хотите? — в ужасе закричал Маурили.

— Говори! — приказал парень, не выпуская из рта жвачку. — Если все скажешь, мы тебя отпустим.

Маурили, еле держась на ногах, оперся о стену.

— Я ничего не знаю, — простонал он.

Усатый вновь ударил его.

— Ах, ты ничего не знаешь? Значит, типография загорелась сама?

Маурили повалился на землю. Корчась всем телом, он жалобно стонал:

— Святая мадонна! Они хотят отправить меня на тот свет...

— Кому ты сказал? — дико заорал на него парень, который вел машину.

Усатый продолжал избивание. Ударил ногой в живот. Потом приподнял на воздух. Маурили с трудом дышал, все лицо было разбито в кровь. Ноги совсем не держали, и он валился на своего мучителя.

— Имя! — требовал усатый. — Мы хотим знать, как зовут того человека, с которым ты говорил.

Новый удар в распухшую физиономию отбросил Маурили к стене. Стукнувшись о нее спиной, Маурили подался вперед. Но прежде, чем упасть, получил еще один страшный удар в челюсть.

Лежа на земле, Маурили издавал стоны и что-то бормотал. Теперь его пинали ногами.

— Назови фамилию! — злобно требовали трое. — Выкладывай фамилию!

Усатый склонился над Маурили. Схватил его за длинные кудри и бешено прорычал:

— Ну так что? Хочешь, чтобы я размогзил тебе голову?

Маурили уже терял сознание. Собрав последние силы, он произнес:

— Ла-у-део...

На видле продолжалась партия в покер.

— Мне две карты, — сказал Каттани, закуривая.

— Мне одну, — подал голос Терразини.

Карризи был почти совсем пьян. Глаза слипались, и ему стоило больших усилий не захрепнуть тут же за столом.

— Две карты, — попросил он.

Скрежет тормозов оповестил о том, что к видле подъехала машина. Затем громко хлопнули двери.

— Мне достаточно, — сказала графиня Камастра.

— Ваш черед, — произнес, обращаясь к ней, Карризи.

Все прислушивались к тому, что происходит за окном.

— Пятьсот тысяч! — выпалила графиня.

— Я нас, — сказал Каттани.

Терразини поиграл желваками.

— Миллион, — предложил он.

В коридоре послышались шаги. Кто-то шел в гостиную.

— Два миллиона! — удвоил ставку американец.

Дверь распахнулась, и на пороге появился молодой человек, который сидел прежде за рулем «сольво».

Его бабочка съехала набок. Одна пола пиджака была испачкана в земле. Все взгляды устремились на его хищную физиономию.

Он поглядел на Терразини. И кивнул ему, явно подавая условленный знак.

Адвокат швырнул карты на стол.

— Графиня, — сказал он, — мне не следовало показывать вам карты. У меня были королевское каре и туз. Но теперь мы все можем отправиться спать. Спокойной вам ночи!

Карризи, покачиваясь, последовал за Терразини.

А Ольга, не скрывая досады из-за столь неожиданно прерванной партии, пробормотала:

— Ну и манеры!

— Уф! — отозвался Каттани. — Да ему было совершенно все равно, абыгрывать или проигрывать... Эта партия в покер понадобилась только для того, чтобы зачем-то задержать меня здесь. Пока не получат какое-то сообщение. Не так ли, доктор Сорби?

Ольга нахмурилась.

— Какое сообщение?
— Да так, ерунда, — попытался отмахнуться от вопроса банкир. — Чепуха!

— Тут все время идет какая-то закулисная игра, — меланхолически заметила графиня. — Мне это уже начинает надоедать.

— А вы остались в выигрыше или проигрыше, комиссар? — осведомился Сорби.

— Мне даже удалось выиграть.

— Вам и в самом деле повезло, — сказал банкир. Глядя на пересчитывающего банкноты Каттани, он высунул язык, как ящерица, доящая наскоком.

Ольга и Каттани вместе уехали на машине.

— Что за сообщение они ожидали? — спросила она.

— Точно не скажу, — ответил Каттани. — Но был момент, когда я почувствовал, что моя жизнь висит на волоске, и от чего-то, что должно проясниться, зависит, останусь ли я жив.

— Они тебя держали заложником?

— Выходит, что так. Если бы сообщение, которого они ожидали, оказалось для меня неблагоприятным, я бы оттуда живым не вышел. А какую роль в этой истории играешь ты?

— Прошу тебя, перестань. — Ольга откинула голову. — Ты же прекрасно знаешь, что я больше не могу их выносить. Но я с ними связана, и приходится терпеть. — Она взяла его руку и ласково поцеловала. — Ты знаешь, иногда мне приходят в голову странные мысли. Например, если бы ты меня любил так же, как люблю тебя я, мы могли бы с тобой уехать куда-нибудь далеко-далеко, и были бы счастливы...

РАСПЛАТА

Каннито не читал — он буквально пожирал глазами газету. Вникал в скучные строки полицейской хроники, где сообщалось об убийстве Маурили. «Журналист, — говорилось в заметке, — убит в заброшенном деревенском доме. Маурили был подозрительной личностью, связан со спецслужбами. За кулисами его смерти скрываются шантаж и коррупция».

Шеф отдела «Зет» поблелел. Он нажал кнопку селектора, вызывая секретаршу.

— Синьорина, я просил вас соединить меня с Лаудео.

— Мне не удастся его найти, ваше превосходительство. В гостинице, где он живет, его нет. На работе не знают, где он.

— Позвоните в его контору в Милане. — Каннито в волнении сжал кулаки. — Разищите но что бы то ни стало.

— Поняла, ваше превосходительство. Ах, да, тут пришел пакет на ваше имя. Принести вам?

— Да, принесите.

Это был зеленоватый бумажный сверток. Каннито взвесил его на ладони с недобрим предчувствием. Он теперь боялся всяких неожиданностей.

В пакете лежали фотокопии документов. К первому листку была приколота напечатанная на машинке записка: «Типография сгорела, но копии статей уцелели. Мы тебе их шлем в подарок. А типографию найдем другую».

Хватая широко открытым ртом воздух, Каннито вцепился в ручки кресла. Сначала смутно, потом все отчетливее он увидел всю глубину разверзающейся перед ним пропасти. Но решил не сдаваться. Снова позвонил секретарше.

— Ну что там с Лаудео?

— Пока еще не наша.

— Пришлите ко мне Каттани. Немедленно.

Разложив на столе газету, он показал комиссару сообщение о гибели Маурили.

— Не знаешь, что это был за тип? Слышал когда-нибудь эту фамилию?

— Смутно припоминаю, — ответил Каттани.

Каннито старался держать себя в руках. Он не желал выдавать свою тревогу. Спокойно, профессиональным тоном он отдал распоряжение:

— Займись-ка этим делом. Главным образом меня интересует, связано ли это убийство с поджогом типографии.

Каттани оставался стоять. Не слушая указаний Каннито, он пристально вглядывался в его лицо.

— Ваше превосходительство, — проговорил он, — расстаньтесь с этим креслом. Послушайте моего совета!

Каннито поднял на него глаза. В них был страх.

— Но ты отдаешь себе отчет? Ведь это был бы конец!

— Его все равно уже не предотвратить. — Каттани медленно ронял слова, и каждое разило наповал. — Если вы подадите в отставку, то сможете хотя бы спасти репутацию.

Каннито не желал признавать свое поражение. Но сделался поговорчивее.

— По-твоему, я еще могу спасти репутацию? Но как? Ведь скажут, что это убийство организовал я, чтобы помешать выходу новой брошюры.

— Совсем не обязательно. Это как-нибудь можно будет уладить.

Светлые глаза Каннито с надеждой уставились на комиссара.

— Значит, ты полагаешь, — сказал шеф отдела «Зета», — что нечего надеяться на какой-то другой выход?

— Никакого другого выхода у вас нет.

— Но какой мне найти предлог? Не могу же я уйти просто так, без всяких объяснений...

Каттани присел напротив него к столу. И, рубанув ладонью по воздуху, сказал:

— Очень просто. По состоянию здоровья.

В селекторе раздался голос секретарши:

— Нет, Лаудео нигде не найти.

Но Каттани объяснял его исчезновение по-другому:

— Совершенно ясно, Лаудео просто не хочет с вами говорить. Он работает на два фронта — и нашим, и вашим. Он — то частное лицо. С него как с туся вода. А вы занимаете государственный пост.

Каннито схватился за голову.

— Разве можно быть уверенным, что, если уйти в отставку, кампания против меня прекратится?

— Если уйдете, — ответил Каттани, — перестанете служить для них мишенью. Против вас будут выступать, пока вы на этом посту. Уходите. Достоинно.

Вновь затрещало переговорное устройство. Каннито нажал кнопку.

— В чем дело?

Голос секретарши произнес:

— Я еще раз позвонила к Лаудео на работу. Теперь мне ответили, что он уехал. Отправился за границу. Когда вернется, неизвестно.

— Понимаю, — сказал начальник отдела «Зета» упавшим голосом. — Ни с кем меня не соединяйте. — Затем вновь обратился к Каттани: — Они меня броси-

ли. — В его голосе зазвучали злобные нотки. — Решили принести в жертву. Теперь все подряд будут валить на меня одного. — Сознание того, что он остался в одиночестве, словно придавало ему какое-то отчаянное спокойствие. К нему даже вернулось его высокомерие. — Вот, полюбуясь. — Каннито помахал перед комиссаром фотокопиями статей, содержащих разоблачения. — Как, ты не хочешь даже взглянуть?

— Я уже знаком с их содержанием.

— Не может этого быть? Где же ты успел?

Каттани слегка скривил губы:

— Я сам предоставил документы, на основании которых написаны эти статьи. Я передал их Терразини.

— Ты?! — Каннито вытарашил глаза. — Где ты взял эти материалы?

— Мне дал их Ферретти.

— Значит, это ты предатель. — Каннито отвел взгляд. Его давила тяжесть этого открытия. Сгорбившись, он медленно поднялся, словно сразу постарев. — Ты, — вновь пробормотал он. Подошел к окну и увидел голубое небо. Вдали летел самолет, оставляя за собой длинный белый облачный хвост. — Ты, — повторил он со вздохом.

— Да, — подтвердил Каттани, — я. Но я не хочу, чтобы дело дошло до того, чтобы вас отправили на тот свет. А они вполне на это способны. Вы сами это прекрасно знаете. Можете мне не верить, но я сделал это также и из дружбы к вам. Я вас глубоко уважал. И мне бы хотелось, чтобы вы вновь стали таким, как прежде. Далеким от всех этих интриг.

— Ты меня погубил, — сквозь зубы ответил Каннито, продолжая глядеть в окно. Потом резко повернулся и повторил: — Ты меня погубил. — Он был очень бледен, взгляд будто остекленел. — Подумать только... именно ты.

— Я не мог больше притворяться, — сказал Каттани. — Делайте, что хотите.

Каннито был слишком подавлен, чтобы как-то реагировать. Он упал в кресло и покачал головой.

— Ты — сумасшедший. Ты безумнее всех остальных.

— Но почему вы упорствуете? Почему не желаете внять голосу разума?

— Нет! И если хочешь знать, то даже не верю тебе. Ты не мог совершить столь чудовищного по-

стунка. — Каннито всегда считал себя глубоким знатоком людей. Теперь он видел, что ошибался. Сначала Ферретти. Теперь Каттани. — Нет, это сделал не ты. — Чтобы не признать своей ошибки, он готов был отрицать очевидное.

Каттани собрал рассыпанные по столу фотокопии. Аккуратно сложив, пододвинул пачку к начальнику.

В неожиданном приступе гнева Каннито смахнул со стола эти листки. Они разлетелись по всему кабинету. Осколок разбитой долгой нечистой жизни...

— Убирайся, — произнес Каннито. Он стискивал подлокотники кресла, словно искал в них последнюю опору. Мне нужен кто-то, кто бы мог мне помочь выкарабкаться. А не человек, который хочет, чтобы я влюбился.

Слишком поздно, — выходи из кабинета, ответил Каттани.

* * *

Американец грыз орешки. В гостиной на вилле Сорби происходило совещание, призванное ратифицировать заключенный мир. Присутствовал не только Терразини, но и Лаудео. Впервые после сопровождавшегося скандалом разрыва отношений глава Ассоциации вновь появился в стане противника. Он пытался разъяснить, насколько бессмысленно воевать друг с другом вместо того, чтобы прийти к достойному для всех соглашению.

— Да, я нахожу это разумным, — согласился с ним Терразини. — Но кампанию против Каннито мы не прекратим. Как предостережение каждому, кто попытался бы выступить против нас. А также и потому, что Каннито — человек уже конченный и должен уйти со своего поста.

— Конечно, — сказал Лаудео. — Его следовало бы заменить кем-то более представительным. А кроме того, он стал слишком уж эмоционален. По пустякам выходит из себя. Моя Ассоциация подымет на этот пост подходящего человека.

— Вот это правильно, — прокомментировал Сорби. — Потому что дело начало принимать слишком опасный оборот.

— Нет, вы только послушайте, как он выражается! — хохотнул Карризи с набитым ртом. — Он это на-

зывает — опасный оборот! Ну что за чудной язык употребляете вы, итальянцы?! Скажи Лаудео просто: Маурини-то нанял он.

— Еще бы! — усмехнулся Терразини. — Маурини сам признался.

— Ну а что мне было делать, адвокат? — воскликнул Лаудео. — Опубликовать все это было опасно и для вас. Могла начаться цепная реакция. Лучше не поднимать шума.

— Учитывая создавшееся положение, — проговорил Сорби, трясая своей огромной головой, — пожалуй, не имеет смысла продолжать пререкаться. Мобилизуйте свою Ассоциацию и расчистите нам путь в политическом плане. А насчет процента с капитала, я уверен, мы достигнем соглашения.

Услыхав, что вновь говорят о политике и процентах, американец одлился. Продолжая грызть орешки, он призвал Лаудео умерить свои притязания:

— Мы можем обойтись и без вас! Мы вам уже это доказали.

— Спокойствие! — ответил Лаудео. — Я вывожу из игры Каннито, но вы, со своей стороны, должны прекратить этот шантаж с публикацией документов.

По-моему, мы пришли к совершенно правильному решению, — подытожил Терразини.

* * *

Голос Каннито звучал в телефонной трубке отчетливо и был вполне спокоен.

— Коррадо, сегодня чудесный летний вечер. Приезжай ко мне что-нибудь выпить. Мне надо сообщить тебе одну важную новость.

Когда Каттани приехал к нему, Каннито провел его на террасу. Город, залитый множеством неярких огней, был погружен в дремоту. Разносилось лишь стрекотание сверчка.

— Дорогой Коррадо, ты прав. Я сдаюсь. — Каннито спокойно опустился в плетеное кресло. — Я решил подать в отставку. Уже написал прошение.

— Я очень рад, что вы последовали моему совету.

— Да, да, и ухожу со сцены. — Каннито поднял лицо к усыпанному звездами небу. Он улыбался, его несколько неестественная веселость походила на наркотическое опьянение. — Удаюсь и буду жить в мире

и спокойствия. Наслаждаться замечательной кухней моей жены. Да ты пей, пей. Наливай себе сама!

Каттани бросил в стакан два кубика льда и налил кампари.

— Я понял, — продолжал Каннито, — что ты действительно мой единственный друг. Остальные — лишь сообщники. — Он угрожающе поднял руку, словно старый лев, наносящий последний удар. — Они дорого заплатят за то, что покинули меня. Я почистил архивы. Отобрал досье с наиболее компрометирующими бумагами, сложил в чемоданчик и сегодня утром отправил с шофером в Умбрио, спрятать в моем загородном доме. Что ты на меня так смотришь? Я тебе внушаю страх или жалость?

— Нет, — ответил Каттани. — Я рад, что вы вновь обретаете покой, становитесь самим собой. Но то, что между нами произошло, вряд ли удастся вычеркнуть из памяти. — Он поднял стакан и посмотрел его содержимое на свет. Кубики льда таяли, образуя медленные светлые водовороты.

— Каннито задумался.

— Я не всегда корректно действовал в отношении тебя...

— Да уж.

— Я был не прав.

— Хотя бы сейчас вы могли бы быть до конца откровенны.

Шеф отдела «Зет» наморщил лоб.

— Насчет чего — откровенен?

— Насчет истинного характера ваших отношений с Терразини, — сказал Каттани. — Я всегда задавал себе вопрос: не из Рима ли был получен совет похитить мою дочь?

— Но только не от меня, — загадочно ответил Каннито. — Моя вина в том, что я держал тебя относительно кое-чего в неведении и придерживал, когда ты вел расследование.

— А Ферретти? — наседали на него Каттани. — Ведь это вы вели с ним расправиться?

— Как тебе это даже могло прийти в голову? — возмущенно возразил Каннито, ерзая в кресле. — Да, был в курсе того, что готовилось, не могу отрицать. Но приказ исходил не от меня.

Каттани поднялся.

— Но как же вы, — спросил он, — позволили втиснуть себя в такие грязные дела?

— Ну что я могу тебе ответить? — Каннито тоже поднялся. — Жажда власти. Жадность к деньгам. Сам не замечаешь, как тебя мало-помалу засасывает, попадаешь в колеса механизма, из которого не вырваться. В результате уже не сам решаешь, как тебе поступать, а становишься рабом обстоятельств.

* * *

Когда Каттани ушел, Каннито, оставшись один, подошел к письменному столу. Снял трубку и позвонил жене.

— Я хотел пожелать тебе спокойной ночи, — говорил он. — А также сказать, что я тебя очень люблю.

— Ох, Себастьяно, спасибо тебе. Я тоже тебя люблю. Послезавтра у нас уже пятница. Я жду, что ты приедешь.

— Вот, право, не знаю, сумею ли я на этой неделе выбраться.

— Я очень прошу: приезжай!

— Постараюсь, — сказал Каннито. Он прикрыл глаза, чтобы лучше уловить каждую нотку в голосе жены. — Ну, расскажи мне что-нибудь. Что у тебя было сегодня на ужин?

— Погоди, дай вспомнить, — отвечала она, словно стараясь в самом деле припомнить что-то далекое. — Ах, да! Я ела хлебный суп. Ты когда-то его очень любил.

— Да, просто обожал! Помнишь, еще до свадьбы твою мать иногда угощала меня им на ужин. Потом уходила к себе спать, а мы оставались одни и целовались. Не забыла?

— Еще бы! Но, дорогой мой, уже очень поздно. Пора ложиться. Желаю тебе доброй ночи.

— И тебе доброй ночи! — Голос Каннито как-то сразу потускнел. — Прощай, моя дорогая.

Он подождал, пока жена повесит трубку. Потом положил трубку сам.

На следующее утро камердинер обнаружил его упавшим головой на стол. На виске темнело маленькое пятнышко. Рука, лежащая на столе, еще сжимала пистолет. Другая рука безжизненно висела вдоль тела.

Ольга в последний раз провела щеткой по волосам и вышла из ванной.

— Эй, дентист!

Каттани не ответил. Он курил, лежа в постели.

— Послушай, — спросила она, — что это у тебя за похоронный вид?

— А чему радоваться?

Ольга присела на кровать.

— На кого ты злишься?

— На кого? Да на тех, кто отравил мне существование. — Он страшно пелел в пеньельницу, которую держал на одеяле. — На шайку бессовестных негодяев, которые хотят захватить Италию. Это люди, ослепленные жадностью власти и денег. Чтоб помешать мне, они погубили мою дочь. Они не могли позволить, чтоб какой-то мелкий полицейский ставил им палки в колеса.

— И что же ты теперь намерен предпринять? — спросила Ольга, глядя его руку. — Собираешься мстить? Хочешь их уничтожить, чтобы дать выход своей ненависти? Ох, тебе это не удастся. Ты хорошо знаешь, что они слишком сильны и безжалостны.

Каттани отнял руку. Внимательно взгляделся в лицо Ольги, словно желая прочесть, насколько она отдаст себе отчет в его намерениях.

— Ты что, в самом деле поверила, что я могу стать сообщником Терразини? Значит, ты ничегошеньки не поняла. Хочешь знать, кто довел Каннино до самоубийства? Это сделал я. И уничтожу всех остальных. Всех до одного.

— Ох, да ты сумасшедший! — покачала головой Ольга. Вид у нее был испуганный.

— Нас было двое, кто хотел с ними покончить. Одного они убили. Только он единственный все знал про меня. Я ему передавал всю информацию, которую мне удавалось получить.

Ольга вздрогнула и широко раскрыла глаза, в которых застыли удивление и укор.

— Также и то, что узнал от меня?

— Разумеется.

— Значит, когда ты со мной разговаривал...

— Я с тобой не разговаривал. Я тебя допрашивал.

— Да ты настоящее чудовище! — закричала Ольга. Бросившись на постель, она разрыдалась рыданиями.

Ты использовал меня, чтобы выбросить, как выжатый лимон. Я ненавижу тебя, ненавижу! — Она колотила его кулачками через одеяло. — А теперь ты хочешь избавиться от меня, потому что я тебе больше не нужна. — Она безутешно рыдала. — Если бы я могла, то убила бы тебя.

— Ты это прекрасно можешь сделать, — холодно сказал Каттани. — Достаточно лишь шепнуть твоему другу Терразини, и я кончу так же, как бедняга Мауриси.

Он выскользнул из-под одеяла, оставив Ольгу стоять на коленях, уткнувшись головой в постель. Она уже не плакала, а только тяжело дышала, судорожно шептавшись пальцами в смутную простыню.

ПАНИКА

Новый начальник отдела «Зет», высокий, безукоризненно одетый, походил на манекен. С этим человеком невозможно было разговаривать, ибо он никогда не слушал собеседника. В то время, когда ему пытались что-нибудь растолковать, он с отсутствующим видом разглаживал рукой лицевую пиджака, охорашивался, поворачивался то в одну, то в другую сторону, словно непрерывно любовался на себя в зеркало.

Он питал к своей персоне глубочайшее уважение и маниакально о себе заботился. Последнее время его снедала тревога относительно шевелюры: волнистые шелковистые волосы начали седеть. Через секретаря он дал своему парикмахеру совершенно точные указания: тот должен каждый раз красить ему волосы, не ожидая его просьбы и не задавая вопросов. Он не терпел ни малейшего намёка, касающегося седины.

Так всякий раз разыгрывалась одна и та же комедия.

— Что ты делаешь? — ворчливо спрашивал он парикмахера. — Уж не собираешься ли меня красить?

Нет, это флакон с шампунем.

— А, хорошо.

Каттани сразу же понял, что не сможет с ним сражаться. Со своей стороны, новый начальник тоже был достаточно откровенен.

— Мне нужны надежные люди, — сказал он, рассматривая в ярком свете лампы свои ногти, — а ведь мы с вами друг друга почти совсем не знаем. Не правда ли?

— Верно, — ответил Каттани, — не знаем.

— Ну вот видите? Чтобы хорошо сработаться, нужно много времени. Но у нас его нет. Полагаю, полиция будет счастлива получить назад такого энергичного и способного комиссара, как вы.

— Нет, — сказал Каттани, — Я хочу просить предоставить мне некоторое время, чтобы не спеша решить вопрос о своем будущем.

— Прекрасно! — с воодушевлением воскликнул начальник. — Вот это действительно замечательная идея!

* * *

Вдова Каннито растроганно обняла Каттани.

— Я знаю, зачем вы приехали, — проговорила она. — Вам нужен чемоданчик с документами.

— Да, — подтвердил Каттани. — Мне очень хотелось бы его получить.

Женщина улыбнулась и кивнула головой.

— Вы его получите. Я уверена, что муж мог бы доверить эти бумаги только вам. Поэтому я отдам их вам со спокойным сердцем.

Каттани окинул внимательным взглядом эту маленькую женщину. Ему показалось, что она стала еще миниатюрней, еще более хрупкой. словно, прожив всю жизнь в тени мужа, совсем иссохла.

— Себастьяно был слабым человеком, — продолжала она. — Он только напускал на себя грозный вид, чтобы прогнать владевшую им тревогу. Но он не был плохим. Его погубили люди, с которыми он водил компанию.

— Наверное, действительно так, — произнес Каттани.

— Я тряслась от страха за него, — женщина скомкала платочек, которым то и дело утирала слезы. — Я так надеялась, что вам удастся его спасти.

— Я сделал все, что было в моих силах, сеньора.

— Знаю, знаю, — сказала она, опершись дрожащей рукой о его плечо. — Прежде чем нас покинуть, он прислал сюда своего шофера с чемоданчиком. Кто только меня не спрашивал об этом чемоданчике! Звонили по телефону из министерства. Один противный тип приезжал ко мне сюда — некий профессор Лаудео. Он даже имел наглость предлагать мне деньги. Кроме того, этот чемоданчик пытались у меня украсть. Забрались

ночью в дом и все перерыли. Но ничего не нашли. Поэтому что чемоданчик-то не здесь.

Она сделала знак следовать за ней.

— Едем, — сказала она.

Они сели в машину, и женщина указала ему на узкую дорогу, вьющуюся меж деревьев. Из-за бесчисленных поворотов Каттани вел машину очень медленно. Проехав несколько километров, наконец добрались до церкви, позади которой тонулась стена древнего монастыря.

Вдова дернула дверной колокольчик. Изнутри послышался глухой его звон. Дверь открыла круглолицая улыбающаяся монахиня.

— Я хотела бы забрать тот чемоданчик, — проговорила госпожа Каннито.

Монахиня чуть кивнула и через минуту возвратилась с блестящим чемоданчиком, окантованным металлическими пластинами.

— Я не знаю, что в нем за документы, — сказала вдова Каннито, передавая чемоданчик Каттани. — И не знаю, почему за ним охотятся столько народу. Но что бы в нем ни было, закливаю вас: используйте это в добрых целях. А не для того, чтобы продолжалась цепь этих ужасных преступлений.

* * *

На вилле Сорби шло полным ходом новое совещание. Самоубийство Каннито спутало все карты. И теперь никто не знал, что надо делать.

— А что представляет собой тот, кого назначили на место Каннито? — допытывался Карриси.

— Я ему не доверяю, — сказал Терразини, обладавший чутьем в такого рода вопросах. — Прикидывается молодым фатом, а у самого хитрые глазки так и бегают. Весьма неприятный субъект!

Сорби, заметно нервничая, сказал:

— Давайте хорошенько все обдумать. Если продолжить переговоры с Лаудео, то сможем найти решение.

— Нет, нет, — Терразини помахал указательным пальцем перед банкиром, отвергая его предложение. — В связи с самоубийством Каннито могут устроить расследование, начнут ворошить старые дела. Боюсь, над-

вигается буря. Лучше спокойно отсидеться и не высываться.

— Нет! — вскричал Сорби словно от физической боли. — Я не согласен с таким решением, это неправильно!

— Терразини прав, — изрек американец. — Когда я услышала, что этот Канинито сыграл в ящик, я вздохнул с глубоким облегчением. Я был счастлив, хуши! — И продолжал с гримасой отвращения. — Но мы ведь в Италии, и Терразини хорошо объяснил, какие у нас могут возникнуть осложнения. Нет, лучше переждать.

— Но, господа, — прошептал Сорби, — ведь мы рискуем потерять миллионы долларов! — Он на глазах побледнел.

— О чем вы беспокоитесь? — сказал Терразини. — Ведь из Америки в наш банк уже поступили тридцать миллионов долларов.

— Пес, бес! — с живостью подтвердил Карриззи. — Но теперь эти деньги должны возвратиться в Америку. Никакой сделки, никаких денег. Я уже предупредил своих друзей ничего больше сюда не переводить.

Сорби чуть не упал в обморок от этого известия. — По правде говоря, — еле выговорил он, — я не могу понять вашего решения.

Когда все ушли, банкир позвал золотокудрую Элис и сказал:

— У нас серьезные неприятности.

Ох, девочка, — поспешила она его успокоить, — я уверена, что мы выкарабкаемся. Ведь ты такой опытный и ловкий.

— Спасибо за доверие. Его лысая голова сверкала в свете люстры. — Но необходимо срочно действовать, подготовиться к самому худшему.

— Я готова. Что надо сделать?

— Вынь все из всех сейфов, — приказал банкир. Уставшись на стену прямо перед собой, он обдумывал детали бегства.

Атмосфера готовящегося отступления царила не только на явде Сорби.

— Я серьезно подумываю, не следует ли мне на некоторое время уйти в тень, — поделился с банкиром профессор Лаудео.

Он принял приглашение Сорби с ним отужинать. Они наслаждались лангустами в шикарном ресторане, где две девушки играли на скрипке.

— Все хотят уйти в кусты, — мрачно заметил банкир. — А нам в создавшейся чрезвычайной ситуации следовало бы, наоборот, сплотиться.

— Боюсь, что Канинито оставил где-то опасные документы, — поделился с ним Лаудео. — И если они всплывут, всем нам придется несладко.

— А хотите знать, кто во всем виноват? — Сорби отложил нож в вилку и впился в лицо собеседника горящими глазами. — Карриззи и Терразини. Я всегда был против их методов. Его огромная голова как маятник качалась из стороны в сторону, словно он хотел выразить свое глубокое неодобрение. — Эх, царил бы между нами мир, ведь я стремился достичь соглашения. Они же думали добиться успеха, очертя голову кинувшись в атаку против Канинито. И вот вам результат. Они заставили его пустить себе пулю в лоб. Безумие! — Последние слова Сорби произнес шепотом.

— Именно так, — отозвался Лаудео. — Безумие, которое может нас всех погубить.

Сорби поднес к губам бокал с белым вином. Взглянув на Лаудео сквозь золотистую жидкость, он воскликнул:

— Я уже погиб! — На несколько секунд он застыл с бокалом в руке. Потом, так и не пригубив вина, поставил его на стол. — Да, погиб! Американцы прекратили платежи и требуют обратно перечисленные ранее суммы. Вы понимаете? А я уже использовал эти капиталы, чтобы заткнуть некоторые дыры.

— И большой у нас дефицит? — поинтересовался Лаудео.

— Весьма значительный. Совершенно необходим приток новых капиталов. Вы, наверно, знаете, что как раз сейчас я осуществляю одну финансовую операцию. Но никак не могу получить одобрения со стороны специальной комиссии.

— Понимаю... — вздохнул Лаудео. Мгновенье поразмышлял. — В этой комиссии есть кое-кто из моей Ассоциации. Может быть, удастся что-нибудь для вас сделать.

— Хорошо бы! — даже от этой слабой надежды бескровное лицо банкира чуть оживилось и порозовело. —

— ведь знаете, что я не такой, как этот жадина змеи-
нец. Я человек щедрый и ценю дружеские услуги.
— О, конечно! Тем более в нынешней ситуации
ваша щедрость могла бы мне весьма пригодиться. Ведь
если разразится гроза, мне, возможно, придется срочно
ехать за границу.

— Но, извините, ведь вы мне говорили, — нагнув-
шись к уху Лаудео, спросил банкир, — что владеете
неким сокровищем? Чем-то чрезвычайно ценным?

— Ах, да, да, — Лаудео чуть обнажил в хитрой
улыбке зубы. — Но с этим я не могу расстаться. Это
моего рода страховой полис на самый крайний случай.

— Но что же это все-таки такое?

— Ах, не спрашивайте меня! — рассмеялся Лаудео.

Содержимое чемоданчика Каниито не обмануло
ожиданий Каттани. Хранившиеся там материалы были
способны навсегда испортить карьеру многих связан-
ных с Лаудео политических деятелей, свидетельствова-
ли о существовании подпольной торговли оружием
и получении огромных взяток в виде «комиссионных»
при заключении контрактов на поставки нефти.

Кроме того, имелась некая загадочная таблица.
Длинная бумажная лента для компьютера, состоящая
из полусотни свернутых в трубочку листочков. Един-
ственное, что мог разобрать на ней Каттани, был спи-
сок абсолютно непонятных сокращений.

У него был приятель в вычислительном центре поли-
ции. К нему и обратился Каттани за расшифровкой
этих загадочных записей.

— На первый взгляд, — сказал специалист, — это,
думается, список имен. Примерно тысяча фамилий.
И рядом с каждой — какая-то пометка, вероятно, число
и номер.

— И как же узнать фамилии, скрывающиеся под
этим обозначением? — спросил Каттани.

— Это не так легко. Составитель этого зашифро-
ванного списка прибег к определенному коду.

— Как же раскрыть примененный код?

— Для этого необходимо иметь ключ. Этот ключ,
как мы называем его, наверняка записан на дискете.
Вопрос в том, у кого находится дискета? А с ней
все очень просто: достаточно вставить в компьютер,
и на дисплее появятся фамилии.

Самолет своей формой напоминал сигару. Узкий
корпус был задран вверх — своим острым носом он
словно вдыхал воздух далеких времен. Это был по-
крывший себя славой в годы первой мировой войны
«кароин».

Каттани восхищался его изящными, хрупкими на
вид крыльями, покрытыми блестящей металлической
обшивкой.

Перед Музеем воздухоплавания на озере Бреччано
по водной глади скользили белые паруса. Вокруг мирно
раскинулись пологие зеленые холмы, сбегające к са-
мой воде и там и сям вдающиеся в озеро длинными
округлыми языками.

— Вот и я! — За спиной Каттани неожиданно вырос
мужчина лет пятидесяти.

— Благодарю вас, что приехали, — сказал комис-
сар, пожимая ему руку. — Вы — серьезный и известный
журналист, работаете в солидной газете. Полагаю, вы
самый подходящий человек, к которому мне следовало
обратиться.

— Готов вас выслушать, — ответил журналист. Он
был худощав, лицо его с острыми чертами наполонило
закрытые большие круглые очки.

— В машине, — сказал Каттани, — у меня для вас
лежит конверт. Вы найдете в нем доказательства широ-
ко разветвленной коррупции. Тайная продажа ору-
жия. Незаконные доходы при закупке нефти. Вывоз
валюты. Планы захвата власти в стране.

Она знаком пригласил журналиста следовать за ним.
Они шли меж старых самолетов. Их раскинутые крылья
казались готовыми к полету. Но маленькие колеса были
намертво закреплены на земле. Когда-то эти аэропланы
парили в небе, теперь же служили забавой для детей.

— Скажите, вы слышали о профессоре Лаудео? —
спросил Каттани.

— Ничего определенного, — ответил журналист.

— Это человек ничем не замечательный, но очень
ловкий. Все самые грязные махинации проходят через
его руки. Он создал невероятно разветвленную сеть
сообщничества и круговой поруки. В конверте вы най-
дете также таблицу, содержащую множество зашифро-
ванных сокращений. Наверняка это секретный список
членов его Ассоциации.

— Гм, — журналист, казалось, был в некотором замешательстве. — Но почему все-таки вы передаете эти материалы именно мне? Не лучше ли отнести их в судебные органы?

— Буду с вами откровенен до конца, — ответил Каттани. — С профессиональной точки зрения вы должны быть заинтересованы получить эти документы. А я со своей профессиональной точки зрения заинтересован в том, чтобы вы их опубликовали. Так что мы квиты. Мне это нужно потому, что у меня нет ключа, чтобы расшифровать список имен. Когда же эти материалы появятся в газете, кто-то, наверно, потеряет голову, начнет паниковать, и тогда мне будет легче отыскать этот ключ.

— И последний вопрос, — сказал журналист. — Слушаем, это не те материалы, которые угрожал опубликовать Маурили? Вы знаете, о ком я говорю? Это тот журналист, которого недавно убили.

— Да, конечно, знаю. У него имелась лишь малая часть того, что я вам предлагаю. Он располагал информацией лишь о Каннино — только одним звеном в этой цепи. Я же даю вам материалы, рисующие полную картину.

ВСЕОБЩЕЕ БЕГСТВО.

Лаудео осунулся, его мучили дурные предчувствия. Движения его стали замедленны.

Он осторожно вытянул цветок из стоящего на столике букета гвоздик и похлопал.

Почтительно склонившись, к нему подошел официант и подал переносной телефон.

— Ваше превосходительство, спрашивают вас.

— Спасибо, — сказал Лаудео. Взял телефон и вытянул антенну. — Ах, это ты, редактор? Нет, совсем не беспокою. Я только спустился в ресторан поужинать. Обожди, я перейду в кабину.

Он велел официанту переключить телефон на кабину.

Лаудео плотно прикрыл дверь обитой изнутри бархатом кабины.

— Ну, как дела у твоей влиятельной газеты?

— Ваше превосходительство, у меня плохие для вас известия, — жалобным голосом начал главный редак-

тор. И, сообщив о материалах, поступивших в редакцию от журналиста, еле слышно закончил: — Я вынужден их опубликовать.

— Да ты что, с ума сошел? — заорал Лаудео. У него задулись жилы на шее.

— Ничего не могу поделать, — тяжело вздохнул редактор. — Вы ведь знаете, это журналист с именем. Если я отвечу отказом, он натравит на меня всю свою братию. Они навалятся на меня скопом, начнут кричать, что я подвергаю цензуре их информацию. Разразится скандал.

— Скандал? Катастрофа — вот что произойдет, если ты опубликуешь эту мерзость!

— Да, я полностью отдаю себе отчет в последствиях, — простонал редактор. — Но не в силах этому помешать. Это же фотокопии. Кто знает, в скольких экземплярах они сделаны! Не напечатаем мы, попадут в другие газеты...

— Безмозглый идиот! — прорычал Лаудео. — И подумать только, что в это кресло посадил тебя я! И когда же ты собираешься преподнести нам этот приятный сюрприз?

— Завтра, — пробормотал редактор.

— Кретин! — закричал Лаудео и бросил трубку. «Завтра», — задумчиво повторил про себя. — «Завтра». Он задыхался от ярости, но пытался побыстрее придумать какие-то шаги к спасению.

Он вновь схватил трубку и набрал номер Сорби.

— Помните, я говорил об одной имеющейся у меня весьма ценной вещице? Так вот, я ее мог бы вам продать. Когда встретимся? Да хоть сию минуту!

Лаудео, плюнув на ужин, вскочил в такси и помчался к банкиру.

— Вы, наверно, прекрасно знали, что это за вещица? Не так ли?

— Да, представлял себе, — скромно ответил банкир.

Лаудео раскрыл «дипломат». Достал конверт. Запустил в него два пальца и с торжественностью священника, поднимающего облатку для причастия, извлек маленький темный диск.

— Вот, — произнес он. — Этот кружочек — ключ для расшифровки списка членов Ассоциации. — В глазах у него появился безумный блеск, брови встали дыбом, как шерсть у взъерявшегося кота. — Кто им владеет, способен добиться чего угодно, достаточно

лишь пригрозить опубликовать список. Я предлагаю вам выгодную сделку. Продаю всего за два миллиона долларов.

— Гм,— только и мог выдавить Сорби, облизывая пересохшие губы.

Он поднялся с дивана. Снял подушки, приподнял обитое кожей сиденье. Под ним оказалась еще одна кожаная поверхность с «молнией» посередине. Банкир расстегнул «молнию», выглянули горы новеньких иностранных банкнот — долларов и швейцарских франков. Аккуратные пачки, скрепленные узкими бумажными ленточками.

— Как вам нравится мой сейф?

Сорби вынул футляр черной кожи, достал из него чековую книжку. С невозмутимым видом заполнил чек и протянул Лаудео.

— Можете получить ваши два миллиона долларов в Швейцарии. Но почему вы решили уступить дискету именно мне?

— Потому что вы единственный, кто без разговоров может выложить такую крупную сумму. А мне необходимо иметь про запас побольше денег. Я уезжаю. Завтра вся Италия узнает, что я манипулировал целой группой решительных людей, готовых на все и свободных от предрассудков.— Лаудео гордо поднял голову.— А жаль. Еще бы совсем немного, и мы стали бы хозяевами страны. Но в ваших руках, раз вы обладаете этой вещичкой, еще остается немалая власть.

* * *

Лаудео поспешно вернулся в гостиницу. Запершись в номере, стал укладывать чемодан. Взглянул на часы: десять часов вечера. Скорей бы сесть на какой-нибудь самолет.

Раздался стук в дверь.

— Кто там?

— Коридорный, синьор.

Лаудео повернул ключ в замочной скважине и остолбенел, увидев перед собой Каттани. Быстро войдя в комнату, комиссар категорическим тоном приказал:

— Закройте дверь!

— Что вам от меня нужно?— Лаудео осторожно попятился, потянулся к ящику стола.

— Руки!— крикнул Каттани, направив на профессора пистолет.— Советую не вытаскивать оружие.

Лаудео покорно поднял руки вверх.

— Что вам надо?— испуганно спросил он.— Ищете деньги?

— Нет!— сухо ответил Каттани.— Ваши деньги меня не интересуют.

На лице у Лаудео появилась саркастическая усмешка.

— А, понял, что вам надо. Но вы опоздали. Комиссар, вы неисправимы. Только такие наивные люди, как Терразини и Каннито, могли тешить себя мыслью, что вы переменялись. Вы все тот же. Но я, увы, ничем не могу вам помочь. Я уже продал ключ для расшифровки списка.

У Каттани от досады передернулось лицо. Он подошел вплотную к Лаудео и упер ствол пистолета ему в грудь.

— Кому вы его продали?

— Доктору Сорби.

Лаудео застыл, как восковая фигура.

— Благодаря своему цинизму и хитрости вы, может быть, сумеете спасти свою шкуру,— выдохнул ему в лицо Каттани.— Но здесь, в Италии, вашей власти конец. Вы это прекрасно понимаете и готовы погубить всех, кого в своей игре использовали в качестве пешек.

— Когда-то,— со вздохом ответил Лаудео,— один король сказал: после меня хоть потоп...

* * *

Сорби надежно запрятал бесценную дискету. И, не теряя времени, начал использовать ее как средство шантажа. Он отправился в палаццо, где находилось одно из министерств, и сразу же был введен в огромный кабинет с мраморным камином и картинами в позолоченных рамах.

— Догадываюсь о цели вашего визита,— здороваясь с ним, сказал одетый в темное владелец кабинета. Из-за очень толстых стекол очков казалось, что глаза у него вылезают из орбит, и это производило довольно жуткое впечатление.— Наверно, хотите поторопить насчет перечисления, при помощи которого вы надеетесь заштопать дыру в своих финансах.

— Да, оно мне совершенно необходимо, — ответил Сорби.

— Гм. Это для меня стало очень рискованно. — Человек в темном костюме открыл коробочку с лекарством, вытащил голубую таблетку, кинул ее в рот и сделал большой глоток воды. — Ведь вы меня понимаете... — Он извлек из портфеля газету и положил на столе. — Вот глядите. У всех нас над головой разразилась гроза. Скоро dokonаются, что ваш банк совершал финансовые операции, действуя заодно с Ассоциацией. И если именно сейчас мы предоставим вам эти капиталы, нас просто разорвут на куски.

— Слушайте меня внимательно, — прошипел банкир. Сидя на громоздком высоком стуле, он казался еще меньше ростом. Его ножки еле доставали до пола. — В газете помещен список зашифрованных фамилий. А у меня есть ключ для расшифровки. Если эти суммы не будут мне перечислены, я буду вынужден им воспользоваться. Вы меня поняли? Грозят серьезные неприятности. Причем не одному вам.

Легко соскочив со стула, он скрылся за огромной блестящей дверью.

* * *

— То, что сейчас делается, очень напоминает Восьмое сентября, * — сказал Терразини, обращаясь к Карризи. — Ты не видел, что творилось в Италии восьмого сентября 1943 года. Драпали все, кто мог. Всеобщее бегство! И сейчас так. Каттани исчез: оставил свою гостиницу и находится неизвестно где. Графиня Камастра вернулась на Сицилию. Лаудео смылся за границу. Думаю, уже наостряет лыжи и наш друг Сорби.

Они сидели в гостинице в номере у Терразини.

Карризи снял пиджак, ослабил узел галстука и, громко выругавшись, прорычал:

— Если Сорби удерет, мы останемся в дураках. — Он хватил кулаком по ладони другой руки. — Тридцать

миллионов! — в ярости заорал он по-английски. — Он должен мне возратить тридцать миллионов. Я не дам себя надуть какому-то жулику-итальяшке!

Терразини подошел к зазвонившему телефону.

Когда он повесил трубку, от его обычного спокойствия не осталось и следа.

— Вот сукин сын! — проворчал он сквозь зубы. — Сорби завладел ключом для расшифровки списка имен! И угрожает им воспользоваться! Мне звонил один крупный чиновник, у которого он только что был.

Губы Карризи медленно скривились в гримасе отвращения.

— Ох уж эти итальянцы. Вечно с ними одни неприятности, одни скандалы.

— Мы во что бы то ни стало должны помешать Сорби, — проговорил Терразини. — Он обязан возратить нам тридцать миллионов долларов. Первым делом мы должны вырвать у него ключ к списку. Тогда мы снова станем хозяевами положения.

* * *

В это время Сорби сидел, развалившись на заднем сиденье своего черного «мерседеса».

Шофер привез его в аэропорт Чампино, погрузил чемоданы в частный самолет.

Пилот прогревал моторы. Кивком поздоровался с банкиром, быстро взбежавшим по трапу и скрывшимся внутри самолета.

Шофер заглянул в салон и попрощался:

— Счастливого пути, коммендаторе.

Потом вернулся к машине. Взглядом проводил самолет, уже набиравший скорость на взлетной полосе. Подождал, пока он оторвался от земли и, описав широкий круг, взял курс на север.

Потом шофер вошел в телефонную кабину и позвонил в гостиницу Терразини.

— Адвокат, — проговорил шофер, — он только что улетел. Место назначения: Цюрих.

* * *

* 8 сентября 1943 года Италия капитулировала перед англо-американскими союзниками и фашистская армия распалась. Страну оккупировали гитлеровские войска.

Чтобы не бросаться в глаза, они ехали врозь. Златокудрая Эллис выбрала поезд. Поздним вечером она

вышла из такси у вокзала Термини*. Быстрым шагом вошла в кишевший людьми зал.

Она, озираясь, направилась на перрон номер пять. Там уже стоял поезд, который брали штурмом надрывавшиеся от тяжести сумок и чемоданов пассажиры. На вагонах была вывешена желтая табличка с указанием главных пунктов следования. Поезд должен был пересечь с юга на север Италию и Швейцарию и достичь Штутгарта в ФРГ.

Эллис шла вдоль состава, пока не увидела вагон под номером 367. Это был спальный вагон. Молодой проводник в форме, с длинной мягкой бородкой, проверил ее билет. Помог поднять чемодан и проводил до купе.

Каттани издали наблюдал за тем, как Эллис поднималась в вагон. Потом подошел к проводнику и, показав свое удостоверение, прошептал тому на ухо:

— Я полицейский комиссар. Мне нужно знать, куда едет эта блондинка, которая только что села в ваш вагон.

Проводник погладил бородку. Поглядел на удостоверение, потом на Каттани.

— Сейчас посмотрю, — сказал он. Заглянул в разграфленный листок. — У нее купе номер 31. Ах, вот. Она выходит в Хоргене — это первая станция Цюриха.

— Спасибо. А у вас не нашлось бы купе и для меня?

— Очень сожалею, у меня все занято. Но в первом классе вы наверняка найдете местечко.

Над Швейцарией занимался новый день. Поезд бежал под светлеющим, молочно-белым небом. В окне перед Каттани мелькали луга, рощи, горные селения. Все было такое чистенькое и в таком порядке, что казалось ненастоящим. Он подумал: все-таки интересно, почему швейцарцы с таким неукоснительным уважением относятся к природе? Кто вложил это в душу народа? Возможно, Кальвин...

Около половины десятого поезд начал сбавлять ход. И наконец, резко дернувшись, остановился.

Мужской голос объявил по радио:

— Хорген.

Светлоголовая Эллис стащила свой чемодан со ступенек вагона. Опустила его на колесики на землю и с тревогой оглянулась вокруг.

Из толпы спешащих к выходу пассажиров вынырнул маленький Сорби и побежал навстречу девушке.

— Дорогая, — приветствовал он ее. — Ты у меня молодец!

— Ах, милый, я так волновалась, — ответила со вздохом Эллис. Она откинула головку и поправила волосы. — Наконец-то мы в безопасности. — Лицо у нее засветилось радостью одержанной победы. Но лишь всего на какое-то мгновение. И тотчас счастливое выражение сменилось на ее личике гримасой отчаяния: перед ними вдруг вырос Каттани и произнес:

— Доктор Сорби, я тоже рад, что вас отыскал.

Девушка, словно ища защиты, бросилась в объятия банкира.

— Боже мой, какая же я дура! Как я могла не заметить, что за мной следят. Прости меня, мой дорогой.

— Ну, ничего. Успокойся, — Сорби похлопал своей короткой ручкой ее по спине. — Послушаем, что нужно от нас комиссару.

— Не будем же мы с вами говорить об этом на перроне? — сказал Каттани.

Все трое отправились в квартиру на пятом этаже добротного дома.

— Вот мое убежище, — сказал Сорби. — А теперь объясните, что вам нужно.

Каттани подошел к окну и выглянул на улицу. Вдали блеснуло озеро. Он прищурился, чтобы лучше разглядеть прохожих. Его настороженное поведение еще больше усиливало беспокойство банкира.

Комиссар обернулся и оказался лицом к лицу с Сорби. Тот с тревогой ждал разговора.

— Вы находитесь в бегах, — произнес Каттани. — Вас ищет итальянская полиция. Но это еще не так страшно. Однако за вами также охотятся некоторые ваши старые друзья. И это вас пугает куда больше, не так ли? Что вы скажете, если я сейчас позвоню в Рим и сообщу, где вы прячетесь?

Банкир был в полной растерянности. Он с трудом проглотил слюну и опустился в кресло.

— Чего вы хотите? — пробормотал он. — Денег?

— Господи, у всех вас один припев! — с презрением

* Вокзал в Риме.

выкрикнул Каттани. — Денег, денег! Да если бы я согласился взять все деньги, что мне предлагали, то был бы уже миллиардером! — Сорби смотрел на него с изумлением и страхом. — Нет! Мне не нужно денег. Мне нужен ключ для расшифровки списка членов Ассоциации.

Девушка присела на подлокотник кресла. Сорби взял ее за руку, и, казалось, ему сразу полегчало.

— На кого вы работаете?

— В данный момент я работаю исключительно на себя. И на тех, кого уже больше нет.

Сорби привык за свою жизнь мгновенно оценивать чрезвычайные ситуации. Бывали случаи, когда сделки надо было заключать немедленно, иначе они срывались. В этих молниеносных маневрах он не знал себе равных. Он сметал противников, неизменно опережая их во времени. Как в шахматной партии. Мозг его был натренирован сразу принимать решения. Поэтому, услышав требование Каттани, он не колебался.

— Ладно, согласен, — сказал он. — Я вам отдам ключ. Он обошелся мне в два миллиона долларов, но вы берете меня за горло, и у меня нет выбора. Однако при одном условии. Вы должны предоставить мне время — сорок восемь часов, чтобы я мог найти себе более надежное убежище.

Каттани кивнул.

— Даю вам слово.

— Хорошо, — отозвался Сорби.

Он вновь обрел самоуверенность. Открыл свой «дипломат», на первый взгляд совершенно пустой. Похлопал по дну ладонью. Один уголок приподнялся, банкир засунул в шелку два пальца и извлек тот крошечный предмет, за которым столь многие охотились.

— Вот он. — Теперь казалось, что Сорби все это даже забавляет. — Пойдемте в ту комнату, мой кабинет, — сказал банкир.

Он вложил дискету в компьютер. Вставил новый рулончик бумаги в печатающее устройство. Нажал пальцами несколько букв на клавиатуре, и принтер затрещал, поглощая бумагу.

Посередине листа появился заголовок: «Список членов Ассоциации». Пишущая головка лихорадочно снова взад-вперед, печатая нескончаемый список фамилий. Рядом с каждой из них была проставлена какая-то цифра или буква алфавита.

Это были люди Лаудео. Внедренные повсюду. В воображении Каттани их имена начали принимать форму множества скользких щупальцев. Все вместе они образовали огромного, чудовищного спрута.

Стук печатающего устройства заглушил резкий телефонный звонок.

— Подойди, пожалуйста, — сказал девушке Сорби.

— Алло, — ответила Эллис. — Повесили трубку!

Каттани оторвал взгляд от компьютера. Поглядел на банкира и, нахмурившись, спросил:

— Вы ждали звонка?

— Нет.

— Кто-нибудь знает, что вы здесь?

Сорби минутку подумал.

— Только мой шофер.

— Мы немедленно должны отсюда уйти, — поспешно сказал комиссар. — Идемте, нельзя терять ни минуты.

Девушка, чуть не плача, стала торопить Сорби:

— Ох, дорогой, скорее бежим! Ну, скорее же!

Не обращая внимания на то, что она была близка к истерике, Сорби не терял присутствия духа. Спокойно вызвал такси, подхватил два чемодана, велел девушке взять третий и отправился на поиски нового убежища.

— Каттани, — проговорил он, скрывшись, — вы мне дали обещание. Мне необходимы сорок восемь часов передышки.

Несколько дней спустя в домике Эльзе, во Франции, кто-то позвонил в дверь. Жена комиссара пошла открывать. На пороге стоял Терразини.

На устах его блуждала усталая любезная улыбка.

— Синьора, вы меня помните? — спросил он. — Мы с вами встречались на Сицилии.

— Эльзе,пусти его, — донесся изнутри дома голос Каттани.

— О, мне в самом деле повезло, — проговорил Терразини. — Я как раз искал вашего мужа. Как поживаете, комиссар? Чтоб разыскать вас, я объездил пол-Европы, всякий раз приезжал слишком поздно.

Он огляделся вокруг.

— Как у вас уютно, — продолжал Терразини. — Поздравляю, синьора. Извините, что злоупотребляю вашей любезностью. Всего несколько минут — и я уйду.

— Можете уходить сразу, — сказал Каттани. — Зря вы так далеко ехали.

Терразини, однако, и не думал отступить.

— Комиссар, вам удалось меня опередить. Но этот маленький диск вам ни к чему, а мне и моим друзьям он позарез нужен. — Он хитро прищурился. — Ведь вы взяли его, желая разбогатеть?

— Ну вот, и вы туда же — предлагаете мне деньги! — вскинулся Каттани. — Нет, ошибаетесь, не для того я его взял. Могли спокойно сидеть в Риме. Не позже как завтра утром вы имели бы перед собой на столе то, за чем так жадно охотитесь. Расшифрованный список завтра будет опубликован в газетах. Опоздали, адвокат.

Терразини ухмыльнулся.

— Это большая ошибка, комиссар. Самая большая, которую вы совершили в жизни.

— Вы что — угрожаете?

— Нет. Только хочу сказать, что этот список представлял ценность, лишь пока оставался секретным. Он мог служить средством давления. Опубликованный, он никому не нужен. Макулатура!

— Моим долгом, — произнес Каттани, — было предать гласности имена таких двуличных людей, как вы. Важных шишек, которые, прикрываясь своим положением, вынашивают чудовищные планы и занимаются самыми гнусными махинациями.

Терразини соорудил гримасу, выражающую сострадание.

— Ну, хорошо, вы совершили смелый, благородный поступок. Наделали шума, но ведь вскоре все стихнет и вернется на прежние места. Помните сказку о Фениксе, который восстает из пепла?! — Адвокат покачал головой. — Вы не в силах исправить мир. —

— Безусловно. Людей вашей породы не так-то легко выкорчевать. Какой-нибудь новый Лаудео начнет в тени ткать свою паутину. Появится новый Каннито, который будет ему способствовать, но найдутся и честные люди, те, кто в конце концов их разоблачит. Война продолжается, адвокат.

Терразини ничего не ответил. Сделав прощальный жест рукой, он открыл дверь и вышел на улицу. Дул сильный порывистый ветер, вздымая с мостовой пыль. Адвокат стал тереть глаза — попавшие в них песчинки жгли и кололи, причиняя острую боль.

* * *

Каттани держал в руках фотографию дочери.

— Она так любила меня. В те дни, когда мы с ней жили вдвоем, я многое понял. Понял, что слишком мало занимался ею. А также натворил немало ошибок и по отношению к тебе.

Эльзе пожала плечами.

— К чему теперь себя мучить?

— Да, конечно. Надо смотреть в будущее. — Неуверенно он погладил жену по голове. — Мне пора ехать, — сказал он.

— Да, знаю. Приезжай опять, когда захочешь.

— Нет, лучше ты приезжай ко мне в Италию.

Хотя Эльзе всей душой жаждала такого приглашения, оно ее несколько ошеломило.

— Ты полагаешь, — пробормотала она, — что мы могли бы заново начать совместную жизнь?

Он ласково произнес ее имя. А потом добавил:

— А, может, мы с тобой ее уже начали?

На вокзале они обнялись.

— До скорого, — сказал он.

Эльзе видела, как тронулся поезд. Лицо у нее было все в слезах. Муж из окна вагона махал ей рукой.

Она пустилась бежать за поездом, крича:

— Коррадо! Коррадо!

* * *

Они каждый день разговаривали по телефону. Иногда по три раза. Оба испытывали друг к другу какую-то новую нежность. Надо жить дальше, и они строили совместные планы.

Несколько недель спустя Эльзе, отбросив сомнения, решила ехать. На римском вокзале Термини, на девятом перроне, ее встречал муж. Поезд из Франции пришел точно по расписанию. Среди толпы встречавших Эльзе сразу увидела Коррадо. Они крепко обнялись и долго не разжимали объятий. У обоих стоял комок в горле, им было не найти нужных слов. Наконец Каттани с трудом проговорил:

— Со счастливым возвращением!

В машине Эльзе погладила руку мужа. Коррадо привлек к себе ее голову и поцеловал в волосы. Раскаленные улицы Рима заливало слепящее солнце. Было самое жаркое время дня.

Каттани припарковал машину на тенистой площади, окаймленной высокими деревьями. Показал на маленькую лоджию на четвертом этаже ближайшего дома.

— Вон там, — сказал он, — наша новая квартира. Эльзе устремила взгляд вверх.

— Чудесно! — со счастливым видом сказала она.

В то время как они вытаскивали из багажника чемоданы, на площадь на полной скорости влетел мотоцикл. Каттани инстинктивно обернулся на его грохот и увидел на мотоцикле двоих: сидевший сзади сжимал в руке пистолет и целился прямо в него. «Они никогда не прощают», — говорил ему на Сицилии его заместитель Альтеро. — В один прекрасный день они вам отплатят». В мозгу мелькнула мысль, что вот этот день и наступил.

Каттани почувствовал, как пуля ожгла мускул левой руки. От удара он качнулся в сторону. Но сработала мгновенная реакция: другая рука рванулась к поясу. С криком: «Эльзе! Эльзе!» — он выхватил пистолет. Искать укрытия за машиной было уже поздно. Жена тоже крикнула: «Коррадо!» — и бросилась к нему.

— Нет! — кричала она. — Не убивайте его!

Широко расставив руки, словно желая защититься, она бежала к Каттани. И в то время, как она пыталась прикрыть его своим телом, киллер вновь выстрелил с седла мотоцикла.

Пуля попала Эльзе в затылок.

Каттани даже не успел осознать, что произошло. Он прицелился, спустил курок и увидел, как убийца валится на землю, а другой, за рулем мотоцикла, удирает с оглушающим грохотом.

И тут же увидел, что Эльзе лежит на мостовой. Глаза у нее были закрыты, на лице с одной стороны появился кровоподтек, и из него побежал ручеек крови. Коррадо сразу понял, что уже ничем не помочь. Охваченный отчаянием, он бросился на землю рядом с телом жены. У него тоже из раненой руки текла кровь. Другой рукой он осторожно приподнял голову Эльзе, молча осыпая ее поцелуями.

В нескольких шагах на асфальте лежал труп убийцы, получившего пулю в самое сердце. Теперь его можно было легко узнать по задранному в небо лицу, напоминающему хищную птицу, то был один из мотодчиков, состоящих на службе у Терразини.

КОМИССАР КАТТАНИ ДАЕТ ИНТЕРВЬЮ

Осенью 1986 года в Москву с группой итальянских артистов для участия в телемосте «Рим и Москва с песней о мире», — совместном концерте во Дворце спорта и Лужниках советских и итальянских артистов, сбор от которого был передан в Советский фонд мира, приехал Микеле Плачидо — новая «звезда» кино и телевидения Италии. Советские зрители уже знали Плачидо по некоторым фильмам («Народный роман», 1974 г., «Фонтамара», 1979 г., «Человек на коленях», 1979 г.), но поистине широкую известность он получил после показа по нашему телевидению итальянского телесериала «Спрут-1», а затем и «Спрут-2», в которых Плачидо создал привлекательный образ полицейского комиссара Коррадо Каттани.

В те дни, еще не предполагая, что скоро выйдет роман Марко Незе «Спрут», написанный по сценарию этого нашумевшего телесериала, — книга, которую мне предстоит переводить на русский язык, я дважды встречался с актером, воплотившим ее героя, и Плачидо не спеша и охотно рассказывал мне о «Спруте» и комиссаре Каттани.

Вот что он говорил в этих беседах-интервью, которые публиковались в нашей печати.

— Самым большим и приятным сюрпризом для меня в Москве явился успех у советских телезрителей и моя популярность у них. Люди останавливали меня на Красной площади, на улице у гостиницы, здоровались, приветствовали, просили автографы... А какую овацию мне устроили во Дворце спорта, вы видели сами.

— Но мы хотя и знакомы с вами по нескольким фильмам 70-х годов, не знаем даже вашу биографию. Слава к вам пришла после «Спрута», и в справочниках о вас нет еще данных.

— Родился я в 1946 году в небольшом селении в области Апулия на юге Италии и одиннадцать лет учился в школе при монастыре, где получил сравнительно неплохое и строгое образование. Потом, когда был призван в армию, служил в рядах полиции — это весьма пригодилось впоследствии при создании образов и полицейских и мафиози. Три года учился в Академии драматического искусства в Риме, работу начинал на театральной сцене. Но успех принес мне дебют на телевидении в телеспектакле «Парень» (так в мафии зовутся ее «ря-

довье) — это было первое прикосновение к теме разоблачения преступной мафии. Ну, живу с женой и дочерью близ Рима, в сельской местности, где природа напоминает родные края.

— А когда произошло сближение с кино?

— В 1974 году. Это была комедия режиссера Марио Моничелли, которая шла у нас, — «Народный роман». В ней я играл молоденького полицейского Джоваши. Потом было много подобных ролей — простодушных деревенских парней, приехавших в город. Переломным в моей кинокарьере был 1979 год, когда я получил премию за фильм «Эрнесто» и сыграл главную роль в остросоциальном фильме «Фонтанара».

— Каково, на ваш взгляд, ныне положение итальянского политического кинематографа — этого передового направления, в активе которого немало весьма значительных фильмов?

— Сейчас происходит смена поколений, нынешний период я назвал бы переходным. Некоторый спад в итальянском кино, в том числе и политическом, отразился и на моей судьбе — трудно было с работой в кино, играл в чисто развлекательных лентах, преимущественно вновь выступал на театральной сцене. Лучшие традиции итальянского кино, в частности политического, продолжает ныне телевидение. Оно вобрало его опыт, художественные достижения, развивает его не до конца раскрытый идейный и художественный потенциал. Примером тому — сериалы «Спрут», имевшие в Италии невиданный успех. «Спрут-1» смотрел 21 миллион зрителей, практически каждый второй итальянец. У нас уже отвыкли видеть такие острые произведения на экране. «Спрут» пробудил общественное, национальное сознание, пробудил совесть у тысяч людей.

— Как относятся зрители в Италии к созданному вами персонажу? Что касается критики, то мы знаем, что вы удостоены за исполнение роли комиссара Каттани приза «Серебряный Пегас» как лучший актер телевидения.

— Зрители полюбили Коррадо Каттани, ибо он — человек, подобного которому ныне не так-то легко сыскать в Италии. Таким, как он — пусть иногда ошибающимся, слишком эмоциональным, но отважным и нестигаемым, кристально честным, — хотели бы стать многие, но это слишком трудно, слишком опасно. Мне тоже было нелегко воплотить этот образ.

— Расскажите о своей работе с режиссером «Спрута-1» Дамиано Дамиани, мастером политического детектива, широко известным в нашей стране.

— Я пришел к нему, наверно, не слишком хорошо подготовленным для роли комиссара Каттани. От природы я человек мягкий, добродушный, порой несколько флегматичный, и фамилия у меня соответствует моему характеру. (Плачидо по-итальянски — тихий, спокойный). Меня надо было научить рисовать людей действия —

решительных, смелых, а то и жестких. Дамиани сумел расшевелить меня, порой даже парочно злил, чуть ли не колотил — сам-то он человек темпераментный, и его «агрессивность» мне очень помогла. Под его руководством мне удалось создать отталкивающие персонажи двух мафиози — сицилийского наемного убийцы Платамоне в фильме «Человек на коленях» и итало-американского гангстера Марио в фильме «Пицца-копекки» («Связь через пиццерию»). А параллельно мы работали над непростым образом комиссара Каттани — человека горячего, экспансивного, доброго душой, которого жестокие обстоятельства делают холодным, расчетливым борцом против страшного «спрута» — сращения мафии, коррумпированного чиновничества, мирка грязного бизнеса, связи которого идут за океан. Дамиани постоянно подбадривал меня. Он твердил: «Поверь, я знаю тебя лучше, чем ты сам. Ты справишься, у тебя есть для этого все данные». Впрочем, во второй части «Спрута» характер Каттани резко меняется — и этим движением характера, мне кажется, его образ и интересен. Второй сериал, тоже шестисерийный, поставил уже другой режиссер, также известный мастер политического кино Флорестано Ванчини. Автор же сценария первого и последующих «Спрутов» один — это видный итальянский киноматург Эннио Де Кончини.

— Что же меняет характер, психологию Каттани?

— В борьбе против мафии, ее высоких покровителей и сообщников он приносит в жертву своих друзей, товарищей по работе, собственную дочь, а потом и жену. Чтобы очистить нашу жизнь от коррупции, преступности, наркотиков и прочей скверны, сделать ее чище и лучше, справедливее и честнее, каждый из нас должен чем-то жертвовать. Каттани мне видится шире, чем просто неподкупный и мужественный страж закона, — он участвует в идушей в мире схватке между добром и злом, в нем самом происходит борьба. Этим он близок персонажам Достоевского — моего любимого русского писателя. Недаром все время долгих съемок «Спрута» я читал его романы, чтобы поддерживать в себе нужный психологический настрой. Успех «Спрута» во многих странах, а не только в Италии, тоже, по-моему, свидетельство всеобщего, универсального значения поднятых в нем проблем. Нет, нет, это произведение не только об итальянской мафии.

А «Спрут-3»?

— Этот сериал ставит третий итальянский режиссер Луиджи Перелли. Действие в нем разворачивается главным образом в Милане — финансовой, деловой столице Италии. Шупальца «спрута» захватывают и север страны, вслед за Сицилией, Югом и Римом. Первоначально действие «Спрута-3» предполагалось перенести в Соединенные Штаты, куда ведут нити преступного бизнеса и куда комиссар Каттани отправляется продолжать расследование. Однако было решено место действия ограничить Италией, ибо съемки в Америке

могли бы дать повод и возможность американскому капиталу усилить свое проникновение в систему итальянского кино и телевидения, и так с трудом отстаивающих свою независимость. «Спрут» сохраняет «европейский» характер: в его производство вложили свои капиталы, помимо итальянского государственного телевидения, французские и западногерманские компании.

— Что же будет дальше с комиссаром Каттани?

— Не стоит рассказывать, надеюсь, вы посмотрите и третьего «Спрута», не то, если знать наперед, будет неинтересно. Скажу только, что мне угрожает уже и четвертый «Спрут», хотя я пытался давать себе слово не продолжать эту историю — ведь уже есть 18 серий!.. Однако я уже сроднился с комиссаром Каттани...

Когда стукнуло сорок, актер должен решить: или он остается исполнителем характерных ролей, или должен браться за главные роли. Нельзя же всю жизнь оставаться «молодым актером». Не сомнения, «Спрут» позволил мне пойти по наиболее престижному (назовем это так) пути. Он придал мне уверенность в себе, показал, что я могу справиться и с такой сложной историей, с такой продолжительной работой... Персонаж этот создал Де Кончини, «крестил» Дамиани, развили Ванчини и Перелли... Но теперь этот персонаж словно начал самостоятельную жизнь. Некоторые меня предостерегают: теперь я навсегда буду ассоциироваться у зрителей с комиссаром Каттани. А я отвечаю: ну и пусть! Ну и прекрасно! Потому что актер живет в памяти зрителей самое большее в двух-трех ролях за всю свою карьеру. И если память обо мне будет связана со «Спрутом», я буду очень доволен!

— Последний — традиционный — вопрос: каковы ваши творческие планы?

— На телевидении, как я сказал, продолжение «сериала сериалов» — проект четвертого «Спрута». В кино — приглашение сняться в сатирической антирасистской комедии режиссера Марко Феррери «Ах, какие славные эти белые!» (в названии фильма игра слов: может читаться и «какие вкусные»; ныне он уже вышел на экран. — Г. Б.). Хочется опять потрудиться в театре, в пьесах моего любимого драматурга Луиджи Пиранделло. Выйти в своей работе за пределы Италии, сняться у советского режиссера, например, в роли одного из братьев Карамазовых. Достоевский меня привлекает постоянно. Кино и театр, не говоря уже о телевидении, помогают людям узнать, понять друг друга — этим они равно служат делу мира на Земле. Ведь дом у нас и проблемы — общие.

Г. Богемский

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Кто убил комиссара?	4
Герцогиня	16
Смерть полицейского	28
Нежелательная свидетельница	38
Засада	47
Осколки супружества	53
Правильный шаг	60
Новые богачи	65
Идея, натолкнувшаяся на препятствия	73
Широкое наступление	79
Профессор	92
«Они найдут способ с вами расквитаться»	99
Человек в западне	105
Реванш	109
«У нас есть друзья»	115
Следствие по делу комиссара	122
Прощания	133
Отмщение	137

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Предложения комиссару	148
Телефонный звонок в спецслужбы	156
Они продолжают убивать	163
Конец банкира	173
Звонок камердинера	181
Путь спасения	189
Очень влиятельный адвокат	195
Вилла на старой Аппиевой дороге	204
Американец	213
Двойная игра	220
«Отсюда мы держим под своим контролем всю страну»	228
Столкновение	240
Контрнаступление	247
Ветер предвещает бурю	254
Открытая война	263
Празднество	274
Расплата	286
Паника	295
Всеобщее бегство	302
Комиссар Каттани дает интервью. Г. Богемский	315

483
32

к 80к

Литературно-художественное издание

МАРКО НЕЗЕ

СПРУТ

Р о м а н

Издательство «Билим». Нукус 1992

Ответственный за выпуск К. А. Ким

Редактор Л. А. Казакова

Художник Н. Н. Хокилов

Технический редактор В. Н. Барсукова

ИБ № 290

Слито в набор 20.12.91. Подписано в печать 28.12.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр. отт. 17,94. Учетно-изд. л. 19,2. Тираж 300000 экз. Зак. № 6413. Цена договорная.

Издательство «Билим», 742010, г. Нукус, ул. Калинина, 62

Отпечатано в издательско-полиграфическом концерне «Шарк», 700083, г. Ташкент, ул. Газеты «Правда», 41.